26311

Литературная Библіотека.

№ 5.

Е II 26 311

В. Д. Спасовичъ.

БАЙРОНИЗМЪ

у

ПУШКИНА и ЛЕРМОНТОВА.

съ приложеніемъ

краткой біографіи лорда Байрона

составленной БОГДАНОМЪ СТЕПАНЦЕМЪ.

Цѣна 40 коп.

ИЗДАНІЕ
Сѣверо-западнаго Книгоиздательства.
1911.

Литературная Библіотека.

№ 5.

Е II 26311

В. Д. Спасовичъ.

БАЙРОНИЗМЪ

у

ПУШКИНА И ЛЕРМОНТОВА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

краткой біографіи лорда Байрона

составленной БОГДАНОМЪ СТЕПАНЦЕМЪ.

1938 № 3600

Лен. Гос. Университет
НАУЧН. БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького

ПРОВЕРКА
2007

Цѣна 40 коп.

ИЗДАНІЕ
Сѣверо-западнаго Книгоиздательства.
1911.

Типографія М. М. Кухты Вильна, Дворцовая 4.

Лордъ Байронъ.

(Краткій біографическій очеркъ).

Знаменитый англійскій поэтъ,— основатель литературнаго направленія, извѣстнаго подъ названіемъ байронизма,— лордъ Байронъ происходилъ изъ старинной, но очень неуравновѣшенной въ психическомъ отношеніи англійской фамиліи. Въ его родословной были душевно-больные и, вообще, странные въ психическомъ отношеніи предки.

Отецъ Байрона, Джекъ Байронъ, прозванный „сумасшедшимъ", отличался необыкновеннымъ мотовствомъ и болѣзненной жаждой комфортабельной жизни.

Его жена,—мать Байрона,—некрасивая женщина, походившая скорѣе на дочь мелкаго лавочника, чѣмъ на потомка короля (она происходила изъ королевской фамиліи) отличалась бѣшенымъ характеромъ. Въ припадкахъ бѣшенства она рвала на куски свои платья, бранилась послѣдними словами и часто доходила до аффектовъ, въ которыхъ не отвѣчала за себя.

У такихъ родителей, въ 1788 году, 22 января въ Лондонѣ родился единственный сынъ Джорджъ Гордонъ Байронъ,—будущій великій поэтъ. Въ дѣтствѣ онъ видѣлъ мало привлекательнаго... Единственнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ на него нѣкоторое хорошее вліяніе, была его няня — Мэй Грей. Только она знала, какъ обращаться съ капризнымъ, наслѣдственно испорченнымъ ребенкомъ, который слушался ея болѣе, чѣмъ мать. Отецъ умеръ въ 1791 году, когда поэту было два года.

Въ дѣтствѣ Байронъ обнаруживалъ въ высшей степени неровный характеръ. Ему нельзя было сдѣлать самаго незначительнаго выговора. По его собственнымъ словамъ, ему въ раннемъ дѣтствѣ были уже извѣстны состоянія „тихой ярости". Въ такомъ состояніи онъ однажды разорвалъ новую куртку, послѣ того, какъ мать замѣтилъ ему, что онъ

библіотека ... маг. Н. Г. Сыркина.

запачкалъ ее. Тоже послѣ сдѣланнаго ему выговора. Въ другое время онъ хотѣлъ перерѣзать себѣ горло.

Источникомъ большихъ нравственныхъ страданій для Байрона была его хромота. Когда мать однажды въ припадкѣ гнѣва назвала его „хромой скотиной“,—ребенокъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно, но сдерживая себя, сказалъ со слезами на глазахъ:

— Я не виноватъ, я родился такимъ, мама.

При господствовавшихъ въ то время схоластическихъ методахъ обученія, Байронъ не могъ получить правильнаго обученія. Обладая прекрасной памятью, онъ усваивалъ наизусть то, что читали другіе мальчики, и по раскрытой книгѣ читалъ... Но стоило перевернуть книгу на другую страницу, и секретъ усвоенія открывался... Неправильности обученія Байрона много содѣйствовало то обстоятельство, что у него было въ разное время много разныхъ учителей. Въ гимназіи, гдѣ онъ дошелъ до четвертаго класса, онъ всегда былъ послѣднимъ ученикомъ и никогда не обнаруживалъ желанія стать первымъ. Въ дѣтскихъ играхъ—почти не участвовалъ. Этому мѣшала его хромота. Въ свободное время онъ любилъ уединенныя прогулки по берегу моря или по горамъ, съ книгой въ рукахъ. Это пріучило его считаться съ своими собственными субъективными настроеніями.

Восьми лѣтъ, перенесши скарлатину, Байронъ съ матерью на нѣкоторое время уѣхалъ въ Шотландію, о которой у него сохранилось восторженное поэтическое воспоминаніе. Здѣсь восьмилѣтній ребенокъ влюбился въ Мэри Даффъ. Это была его первая сильная любовь. До университета у него было нѣсколько такихъ привязанностей.

Въ 1798 г. умеръ двоюродный дядя Байрона, и десятилѣтній мальчикъ сталъ вдругъ лордомъ. Это обстоятельство произвело на него сильнѣйшее впечатлѣніе.

— Не замѣтила ли ты какой-нибудь перемѣны во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ лордомъ, такъ какъ я самъ не замѣтилъ никакой? серьезно спрашивалъ мальчикъ свою мать.

Когда послѣ этого на перекличкѣ въ гимназіи первый разъ его назвали лордомъ, онъ отъ волненія не въ силахъ былъ сразу откликнуться.

Матеріальныя обстоятельства г-жи Байронъ были разстроены. Она должна была распродать свое имущество (за 750 рублей) и переѣхать въ доставшійся ей по наслѣдству Ньюстедскій замокъ. Замокъ оказался въ жалкомъ состояніи. Въ немъ нельзя было найти ни одной порядочной жилой комнаты. Такъ какъ ремонтъ замка стоилъ дорого, то мать съ сыномъ поселились въ сосѣднемъ городѣ Ноттингенѣ. Здѣсь мѣстные хирурги пробовали поправить ногу Байрона. Неумѣлое лѣченіе (ногу мальчика вдѣлывали въ деревянную машину) причиняло мальчику несносное мученіе.

V

Одинъ учитель, искренно любившій Байрона, замѣтилъ ему однажды:

— Мнѣ очень непріятно, милордъ, видѣть васъ до такой степени страдающимъ.

— Ничего не значитъ,—отвѣчалъ мальчикъ—вы больше этого не увидите.

И дѣйствительно, послѣ этого, въ присутствіи учителя Байронъ не показывалъ никакихъ признаковъ страданія на своемъ лицѣ. Несмотря, однако, на свою хромоту, Байронъ часто участвовалъ въ дракахъ товарищей, при чемъ всегда старался лучше побить, чѣмъ самому быть побитымъ.

Въ 1799 г. Байроны переѣхали въ Лондонъ. Мать опредѣлила своего сына въ загородную школу доктора Гликки. Здѣсь онъ, оказывая слабые успѣхи по латинскому языку, увлекся исторіей, беллетристикой и особенно религіозными сочиненіями. Онъ любилъ бесѣдовать о разныхъ религіозныхъ вопросахъ и прекрасно зналъ Священное Писаніе. Случилось такъ, что кровать Байрона стояла въ библіотекѣ д-ра Гликки. Это обстоятельство давало возможность Байрону по нѣсколько часовъ, ночью читать разныя книги.

Правильности обученія Байрона мѣшала его мать своими сумасбродными выходками. Сынъ никогда не чувствовалъ любви къ матери.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ школѣ д-ра Гликки, Байронъ перешелъ въ классическую школу въ Гарро, гдѣ чувствовалъ себя на первыхъ порахъ крайне непріятно и гдѣ тоже плохо успѣвалъ въ офиціальныхъ наукахъ, что, конечно, не мѣшало ему развиваться путемъ самообразованія.

Въ октябрѣ 1805 г. Байронъ поступилъ въ старинный Кембриджскій университетъ. Здѣсь на первыхъ порахъ ему все не нравилось и производило, по его словамъ, удручающее впечатлѣніе. Но значительная доля свободы и независимости, которую давалъ университетъ своимъ питомцамъ, примирили его съ университетскими казенными порядками. Большую часть времени онъ проводилъ внѣ учебнаго заведенія. Въ университетъ онъ возвращался только спать. Въ Кембриджѣ Байронъ занималъ прекрасныя комнаты, держалъ собственнаго лакея, устраивалъ съ товарищами литературныя чтенія, а иногда и кутежи. Байронъ любилъ доступные ему спорты: ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ въ цѣль, плавалъ.. Онъ славился, какъ замѣчательный пловецъ. Какъ смотрѣлъ онъ на профессоровъ и на науку, объ этомъ свидѣтельствуютъ его постоянныя исторіи съ университетскимъ начальствомъ и профессорской корпораціей. Впослѣдствіи, онъ не пропускалъ ни одного случая, чтобы не сказать ѣдкаго слова по адресу своихъ профессоровъ. Между прочимъ, онъ держалъ въ Кембриджѣ ручного медвѣжонка. На вопросъ, зачѣмъ онъ держитъ звѣря, Байронъ обыкновенно отвѣчалъ, что онъ тоже будетъ держать въ университетѣ экзаменъ на ученую степень.

Въ 1806 появился первый сборникъ его стихотвореній, напечатанный на счетъ автора. Онъ предназначался для близкихъ знакомыхъ молодого поэта и поэтому вышелъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Общество однако строго отнеслось къ этому сборнику, и молодой поэтъ сжегъ всѣ экземпляры своей книги. Черезъ два мѣсяца онъ выпустилъ новое изданіе съ новыми произведеніями, имѣвшее большій успѣхъ. Третій сборникъ его, знаменитые „Часы досуга“ поддержали репутацію его, какъ поэта..

Въ 1808 г. въ „Эдинбургскомъ обозрѣніи“, — самомъ выдающемся критическомъ журналѣ того времени,—появилась рѣзкая и безпощадная критика поэтической дѣятельности Байрона. Байронъ третировался здѣсь, какъ безталантный барчукъ, занимавшійся отъ нечего дѣлать поэзіей. Критикъ высказывалъ полную увѣренность, что эта книга будетъ послѣднимъ произведеніемъ Байрона.

Рѣзкая и незаслуженная критика разсердила двадцатилѣтняго поэта. Подъ вліяніемъ ея онъ ринулся въ омутъ лондонской жизни съ компаніей другихъ молодыхъ людей, затаивъ въ себѣ жажду литературной мести по отношенію къ своимъ критикамъ. Такая жизнь не мѣшала однако Байрону отдаваться поэтическому творчеству, принимавшему при такихъ обстоятельствахъ сатирическое направленіе. Онъ пишетъ сатиры на своихъ критиковъ и, между прочимъ, знаменитую „Эпитафію“ своей любимой ньюфаундлендской собакѣ, которую превозноситъ выше людей.

Въ 1809 г. Байронъ отпраздновалъ свое гражданское совершеннолѣтіе и первый разъ явился въ палату лордовъ, гдѣ мрачно, но съ большимъ достоинствомъ занялъ мѣсто на скамьѣ либеральной оппозиціи. Вышедшая въ это время его сатира „Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели“ произвела фуроръ. Анонимное изданіе разошлось въ теченіе мѣсяца. Второе изданіе, увеличенное сотней новыхъ стиховъ, вышло съ именемъ автора.

Литературныя дрязги, отсутствіе вѣрныхъ друзей, личныя неудачи и пр. заставили Байрона бросить Англію и предпринять большое первое путешествіе. Написавъ завѣщаніе, въ которомъ онъ проситъ похоронить его рядомъ съ покойнымъ другомъ, собакой, Байронъ отправляется (въ іюнѣ 1809 г.) изъ Ньюстеда въ Фальмутъ, затѣмъ посѣщаетъ Лиссабонъ, Севилью, Кадиксъ, Морею, Константинополь и пр. Онъ предполагалъ посѣтить Египетъ, но, въ виду неблагопріятныхъ извѣстій, полученныхъ имъ отъ своего управляющаго, ему пришлось оставить этотъ планъ. Результатомъ этой поѣздки былъ его знаменитый „Чайльдъ-Гарольдъ“, — поэма, о литературныхъ достоинствахъ которой не приходится говорить.

Неудача преслѣдуетъ Байрона по возвращеніи его на родину.

Знакомые встрѣтили его недружелюбно. Одни презирали заносчиваго поэта, другіе завидовали. Лучшій его пріятель утонулъ. Въ 1810 г. умерла его мать послѣ припадка необыкновенной ярости, вызванной чтеніемъ большого счета, представленнаго ей обойщикомъ.

Байронъ сдѣлался мраченъ и нѣкоторое время велъ затворническую жизнь. (Въ 1812 г. онъ произнесъ въ палатѣ лордовъ, въ присутствіи блестящей аристократической публики рѣчь, которая вышла настолько удачной, что его привѣтствовали даже тѣ, кого онъ осмѣивалъ въ своей сатирѣ). Хотя появившіяся новыя литературныя произведенія доставляли поэту славу и матеріальный заработокъ, тѣмъ не менѣе Байронъ не удовлетворялся ни тѣмъ, ни другимъ.

Онъ находитъ нравственное самоудовлетвореніе въ работѣ надъ такими произведеніями, какъ „Гяуръ", „Абидосская невѣста", „Лара" и др.

Большой ошибкой Байрона, — имѣвшаго кстати сказать большой успѣхъ у женщинъ, несмотря на хромоту, — была его женитьба на миссъ Мильбанкъ (2 января 1816 г.). Первое время онъ былъ по своему счастливъ въ семейной обстановкѣ, но затѣмъ сталъ относиться къ женѣ несдержанно, оскорбительно и даже жестоко. Не прошло и года, какъ отношенія между супругами стали невозможными. Мужъ пересталъ разговаривать съ своей женой. Даже рожденіе дочери не могло примирить супруговъ. Такъ какъ семейныя неурядицы Байрона были предлогомъ для новой атаки его враговъ, то Байронъ въ 1817 г. предпринялъ новое путешествіе въ Бельгію, а отсюда въ Швейцарію. („Интеллигентные" англичане избѣгали встрѣчи съ нимъ и смотрѣли на него, какъ на нравственное чудовище. Англійскія лэди падали въ обморокъ при встрѣчѣ съ Байрономъ и разсматривали его на разстояніи, въ зрительныя трубки. Мужчины въ ужасѣ отворачивались отъ своего соотечественника). Не находя ни въ комъ поддержки и сочувствія и привыкнувъ считаться съ личными настроеніями, гордый Байронъ повелъ свободную жизнь холостяка . . . Въ Венеціи онъ довелъ эту жизнь до возможныхъ предѣловъ геніальнаго безпутства. Его физическая природа не выдержала и онъ заболѣлъ . . . Замѣчательно, однако, что въ то время, какъ тѣло его разрушалось, творческій геній не только не блѣднѣлъ, но достигъ высшей степени своего развитія. Къ этому періоду относятся лучшія его произведенія: окончаніе „Чайльдъ-Гарольда", „Манфредъ", „Донъ Жуанъ", „Беппо", „Мазепа" и др.

Въ 1821—22 г. Байронъ проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи, продолжая необыкновенно продуктивную творческую работу и мстя обществу своимъ образомъ жизни . . .

Въ 1823 г. Байронъ узналъ, что въ Англіи образовался комитетъ помощи грекамъ въ борьбѣ ихъ за освобожденіе отъ турецкаго владычества. Властолюбивый и гордый лордъ, выше всего цѣнившій свободу, снарядилъ свой корабль и образовалъ военный отрядъ на защиту Греціи. Онъ предложилъ временному греческому правительству сорокъ тысячъ рублей для пріобрѣтенія флота и хлопоталъ о заключеніи займа у англійскихъ банкировъ. Байрону не удалось однако дожить до освобожденія Греціи. Разныя сплетни и обиды, преслѣдовавшія поэта, раздоры съ греческими суліотами, устроившими ему двукратный бунтъ по разнымъ поводамъ, окончательно разстроили впечатлительную, нервно-кипучую, вулканическую натуру Байрона. Среди пламенныхъ мечтаній о свободѣ бывшаго классическаго народа, онъ умеръ не столько отъ лихорадки, сколько отъ истощенія физическихъ силъ и психическихъ потрясеній — (19 апрѣля 1824 года).

Литературное направленіе, связанное съ именемъ Байрона, такъ называемое байроническое, характеризуется слѣдующими чертами:

Во первыхъ, въ немъ слишкомъ замѣтно презрѣніе къ культурному цивилизованному обществу. Байронъ имѣлъ много субъективныхъ основаній презирать это общество. Эта черта легла замѣтнымъ колоритомъ на всей его поэзіи. Отсюда мизантропическій оттѣнокъ его лирики. Въ этомъ отношеніи онъ сходится съ Жанъ-Жакомъ Руссо, который тоже презиралъ цивилизацію, хотя по другимъ основаніямъ.

Во вторыхъ, чувство любви къ природѣ даетъ положительное содержаніе его поэзіи и замѣняетъ то, чего не дали ему люди. Въ поэзіи Байрона находятся чудные дифирамбы природѣ различныхъ странъ. Искренность чувства дѣлаетъ эти поэтическіе восторги необыкновенно сильными, чуждыми сентиментализма и фальши.

Наконецъ, третья черта — чувство свободы — сквозитъ во всѣхъ выведенныхъ Байрономъ типахъ, въ его лирикѣ и драмѣ. Чувство свободы было кореннымъ въ его психикѣ. Имъ онъ жилъ, оно было источникомъ лучшихъ моментовъ его вдохновенія . . . и за защиту его онъ умеръ . . .

Байронизмъ, какъ литературное направленіе, оставилъ громадный слѣдъ въ общеевропейской литературѣ, и только Англія, родина Байрона, оправдывая извѣстное изреченіе о пророкѣ, неимѣющемъ чести въ своемъ отечествѣ, менѣе другихъ странъ отразила въ своей литературѣ свободолюбивое и гордое настроеніе своего великаго, непризнаннаго при жизни поэта.

БОГДАНЪ СТЕПАНЕЦЪ.

Байронизмъ Пушкина.

Публичная лекція, читанная въ январѣ 1888 года.

I.

Недавно, 10-го (22) января 1888 года, исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Джорджа Гордона Байрона. Громкую извѣстность пріобрѣлъ онъ только въ 24 года отъ роду, когда, послѣ изданія первыхъ двухъ пѣсенъ „Чайльдъ-Гарольда", отмѣтилъ, въ мартѣ 1812 г., въ своей записной книжкѣ: „Я проснулся разъ утромъ и узналъ, что я знаменитость" (I awake one morning and found myself famous). Съ тѣхъ поръ, въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ, слава его возрастала и достигла своего апогея въ минуту его кончины 19-го апрѣля 1824 г. въ Миссолунги. Современники не обратили вниманія на то, что погасъ человѣкъ уже изжившійся, искавшій только одной „могилы воина" и писавшій въ стихѣ на 36-ю годовщину своего рожденія: „огонь, пожирающій мою грудь, какъ одинокій вулканическій островъ, не свѣточемъ онъ горитъ, но погребальнымъ костромъ" [1]). — Всѣхъ поразилъ героизмъ этой смерти, умѣніе дѣйствующаго лица устроить и обставить и жизнь, и кончину свою поэтически. По смерти Байронъ былъ еще славнѣе, чѣмъ при жизни. Имя его раздавалось во всей Европѣ; онъ казался какимъ-то Наполеономъ въ области поэзіи; поэзія его возбуждала умы, иныхъ выводила изъ себя и раздражала, иныхъ покоряла и увлекала, никого не оставляла равнодушнымъ. Талантливѣйшіе люди на материкѣ Европы, гдѣ вообще его чествовали больше, чѣмъ въ его отечествѣ, открыто признавали себя его поклонниками и послѣдователями. Начинавшій во Франціи свое поприще, плодовитый поэтъ Ламартинъ обращался къ нему (Méditations poétiques, 1820) такимъ образомъ:

Toi, dont le monde ignore le vrai nom
Esprit mystérieux, mortel, ange ou démon!

---

[1]) The fire that on my bosom fires
Is lone as some volcanic isle
No torch is kindled at its blaze
A funeral pile.

(Ты, истиннаго имени котораго не знаетъ міръ, таинственный ли духъ, смертный ли, ангелъ или демонъ!).

Почти въ томъ же духѣ выразился Пушкинъ въ „Онѣгинѣ“:

„Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Кто жъ онъ?...“

Нынѣ, когда почти совершенно забыто политическое значеніе Байрона, какъ противника вѣнскихъ трактатовъ 1815 г. и религіозно-монархической реставраціи, какъ знаменоносца либерализма, остается неоспоримымъ фактъ его колоссальнаго литературнаго вліянія на современниковъ и ближайшее за ними поколѣніе. Въ исторіи литературы ставится не вполнѣ еще разработанный вопросъ объ отраженіяхъ поэзіи Байрона въ произведеніяхъ другихъ поэтовъ, о сдѣланныхъ ими заимствованіяхъ и о воспроизведеніяхъ его художественныхъ идей, хотя бы и въ иныхъ формахъ. Байронизмъ нашелъ многочисленные отголоски въ восточноевропейскихъ литературахъ, русской и польской. Изслѣдованія о байронизмѣ въ Россіи производились систематически, начиная съ Бѣлинскаго; сырой матеріалъ собранъ почти весь, но предметъ далеко не исчерпанъ. Изслѣдованія не выходили большею частью изъ узкихъ рамокъ самой литературы. Сопоставляемъ былъ только поэтъ съ другимъ какимъ-либо поэтомъ въ ихъ произведеніяхъ, между тѣмъ какъ сила Байрона и его вліяніе заключались столько же въ его поэтическомъ дарованіи, сколько и въ самой его личности, и только потому байронизмъ, по вѣрному замѣчанію Аполлона Григорьева, былъ своего рода „повѣтріемъ“ и пожиралъ страстныя натуры, такъ что, по словамъ того же критика, самъ Пушкинъ поддавался ему скорѣе не какъ художественному образцу, а какъ великому историческому явленію, какъ „властителю думъ вѣка“, и видѣлъ въ немъ прежде всего стихійную, слѣпую силу, когда, уподобляя его морю, писалъ:

„Онъ былъ, о море! твой пѣвецъ...
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ,
Какъ ты, могучъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ“...

Другой недостатокъ изслѣдованій о байронизмѣ заключается въ томъ, что служащая точкою отправленія поэзія Байрона обыкновенно разсматривается какъ нѣчто цѣльное, вполнѣ законченное и неразлагающееся на свои составные элементы. Конечно, эта поэзія однообразна; виртуозность ея—односторонняя. Поэтъ одаренъ пламеннымъ чувствомъ, но воображеніе его ограничено. Ему недоставало того, что Тэнъ называетъ l'esprit sympathique — способности чувствовать за другихъ, или, по выраженію Достоевскаго, перевоплощаться въ другихъ. Всегда и неизмѣнно онъ носится

только со своимъ могучимъ *я*, болѣзненно чувствительнымъ, адски горделивымъ, бунтующимъ и неугомоннымъ. Послѣ своего перехода отъ Байрона къ Шекспиру, Пушкинъ, по свойственной ему мѣткости взгляда, сознавалъ эту ограниченность дарованія своего прежняго кумира—Байрона, по крайней мѣрѣ, въ области драмы (письмо къ Раевскому, сентябрь 1825): Ce Byron n'a jamais conçu qu'un seul caractère (et c'est le sien). Ce Byron a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième, et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants. (Этотъ Байронъ всего на всего постигъ только одинъ характеръ (и то свой). Этотъ Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты собственнаго характера; одному далъ свою гордость, другому свою ненависть, третьему свою меланхолію и проч., и такимъ то образомъ изъ одного характера—полнаго, мрачнаго и энергичнаго—создалъ множество характеровъ незначительныхъ). Какъ ни цѣльна эта поэзія и какъ сильно ни запечатлѣна она въ каждомъ стихѣ индивидуальностью поэта, какъ ни рѣзки ея основныя черты,—все таки этихъ чертъ было нѣсколько, и дѣйствіе ихъ было весьма разнообразное, смотря по темпераментамъ, которые она увлекала. Въ поэзіи Байрона выразился прежде всего духъ вѣка и его преобладающее чувство, лучше сказать - его болѣзнь, міровая скорбь о бытіи, — то, что теперь обыкновенно называютъ *пессимизмомъ*, т.-е. пониманіе жизни какъ страданіе и бытія — какъ зло. Кромѣ того, эта поэзія содержала въ себѣ и борьбу съ этимъ зломъ; пріемъ противодѣйствованія ему—прометеевскій, титаническій, а отношеніе къ нему—высокомѣрное, презрительное. Наконецъ, что касается до технической стороны, то форма въ этой поэзіи была восхитительная. Поэтъ изображалъ въ совершенствѣ всѣ чувства необычайно воспріимчивой души, отъ самыхъ нѣжныхъ до сильнѣйшихъ и мрачныхъ; образы его были пластичные, лишенные всякихъ недосказовъ и туманности; изображать онъ больше всего любилъ величавое, колоссальное, и писалъ онъ все густыми красками и весьма ярко; въ живописаніи онъ былъ безподобный колористъ. Идеи, чувство, техника - таковы были средства дѣйствія Байрона, которыми онъ вліялъ весьма разнообразно на другихъ поэтовъ, такъ что натуры совсѣмъ несходныя, люди направленій самыхъ противоположныхъ, могли одновременно очутиться въ лагерѣ байронизма и стоять подъ однимъ знаменемъ.—Движеніе, извѣстное подъ именемъ байронизма, можно себѣ представить какъ полевой смерчъ, собирающій съ разныхъ полей кучу пылинокъ и заставляющій ихъ нѣкоторое время двигаться спирально снизу вверхъ. По быстротѣ движенія и направленію пылинокъ можно до извѣстной степени заключать о качествѣ и силѣ вѣтра, приводящаго въ движеніе пылинки. Подобное ретроспективное заключеніе по

адептамъ о самомъ Байронѣ могло бы пролить новый свѣтъ на само творчество Байрона и его эпоху. Задача слишкомъ обширна для одного лица, она предполагаетъ изученіе нѣсколькихъ десятковъ, а можетъ быть и болѣе писателей, но она заманчива, и къ ней можно подходить исподоволь, дѣлая хотя бы нѣсколько шаговъ. Меня съ давнихъ поръ сильно увлекало желаніе начать сравнительное изученіе послѣдователей Байрона съ сопоставленія первоклассныхъ поэтовъ, принадлежащихъ къ двумъ родственнымъ, по племенному происхожденію, литературамъ—польской и русской, писателей одной и той же великой поэтической эпохи романтизма: Мицкевича и Пушкина, Словацкаго и Лермонтова. Задачу я исполнилъ только наполовину—у меня готовъ только русскій отдѣлъ, я могу передать только результаты моихъ наблюденій, извлеченные изъ произведеній Пушкина, котораго мы поминали столь недавно почти годъ тому назадъ, и Лермонтова, котораго, если доживемъ, то, безъ сомнѣнія, помянемъ 15 іюля 1891 года. Перехожу прямо къ дѣлу — и начинаю съ Пушкина.

II.

Начало знакомства Пушкина съ поэзіею Байрона относятъ къ 1820 году, къ горамъ Кавказскимъ, Юрзуфу, Каменкѣ, къ бытности его въ средѣ Раевскихъ, въ семьѣ которыхъ онъ нашелъ нѣкоторое успокоеніе, послѣ испытанныхъ имъ въ то время огорченій. [Постигшія его въ то время непріятности сильно предрасполагали его къ воспріятію чувствъ Байрона, общаго ихъ настроенія, протестующаго и гнѣвнаго, свойственнаго темпераменту Байрона.] Но Пушкинъ меньше всего былъ похожъ на идеалъ, начертанный его другомъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, въ слѣдующихъ стихахъ, которые онъ хотѣлъ поставить эпиграфомъ къ „Кавказскому Плѣннику“:

„Подъ бурей рока—твердый камень;
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ“.

Много разъ его спасало то, что и подъ „бурей рока“ онъ былъ легокъ и упругъ, что ко всякому положенію онъ успѣвалъ приспособляться. Но въ данномъ случаѣ Пушкинъ былъ на долгое время пришибленъ и свыше мѣры раздраженъ—до озлобленія, до бѣшенства, не столько ссылкою на югъ, довольно льготною въ сравненіи съ предполагавшеюся первоначально отправкою его въ Соловецкій монастырь, сколько весьма распространившимися и упорно державшимися ложными слухами, что за его литературныя „проказы“, за вольнолюбивыя мечты и эпиграммы онъ дѣйствительно лишился „нѣсколькихъ клочковъ шкуры“, какъ выразился въ оффиціальномъ письмѣ 17 января 1824 г., по отношенію къ нему, генералъ-полицiймейстеръ 1-ой арміи, Скобелевъ

(„Русская Старина“, 1871, № 12, л. 673). Много времени спустя, въ 1825 г., въ Михайловскомъ, Пушкинъ писалъ: Je délibèrais, si je ne fairais pas bien de me suicider ou d'assassiner... Je résolus de mettre tant d'indignation et de jactance dans mes discours et mes écrits, qu'enfin l'autorité soit obligée de me traiter en criminel: j'aspirais la Sibérie ou la forteresse comme réhabilitation. (Я раздумывалъ, не лучше ли было бы мнѣ покончить съ собой... Я позволилъ себѣ выразить столько возмущенія и самоувѣренности въ своихъ рѣчахъ и произведеніяхъ, что въ концѣ концовъ власти будутъ вынуждены поступить со мною, какъ съ преступникомъ: для возстановленія моей чести я уже чувствовалъ себя сосланнымъ въ Сибирь или заточеннымъ въ крѣпость). Въ письмѣ 1822 г., къ брату Льву, Пушкинъ говоритъ о douloureuse expérience (горькомъ опытѣ) и о jours d'angoisse et de rage (дняхъ тоски и бѣшенства) [1]. —Этимъ ненормальнымъ и слишкомъ продолжительнымъ состояніемъ раздраженія объясняются многія черты въ жизни Пушкина во время его пребыванія въ Кишиневѣ и Одессѣ: картежъ, скандальное волокитство, безобразія надъ молдаванскими боярами, дуэли, скитанія по степямъ съ цыганскимъ таборомъ. — Безобразія Байрона были совсѣмъ иного рода; онъ не проявлялъ себя ни картежникомъ, ни бреттеромъ. — Нѣтъ надобности объяснять безобразія Пушкина въ ту эпоху, какъ объясняетъ ихъ П. В. Анненковъ („Пушкинъ въ Александровскую эпоху“), тѣмъ что то было байроническое настроеніе, которое выродилось, бывъ перенесено на русскую почву, и оттѣнилось своеобычными, свирѣпыми и анти-гуманными подробностями. Извѣстно, что эти припадки разгула, нѣсколько разъ повторявшіеся въ жизни Пушкина, не имѣли вреднаго вліянія на его дарованіе; что въ то самое время, когда всѣмъ казалось, что онъ погрязъ въ распутствѣ и чувственности, израсходовался на пустяки,—поэтъ взлеталъ опять на недосягаемую высоту, не загрязнивъ своихъ крыльевъ; что, отрѣшившись отъ „безстыднаго бѣшенства желаній“, онъ сыпалъ изъ своего рога изобилія произведенія красивѣе и глубже предыдущихъ. —Чувственность сильна у каждаго художника; притомъ великіе поэты—странный народъ, къ которому только съ большими исключеніями приложимы правила обыденной культурной морали. Культура пріучаетъ людей быть всегда

---

[1]) Въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкина (описаніе Якушкина, „Русская Старина“, 1884, № 12, с 526, № 2381) сохранился слѣдующій отрывокъ:

„И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства
И ненависть и грезы мести блѣдной,
Но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ,
Святымъ прощеньемъ осѣнила
Поэзія, какъ ангелъ утѣшитель,
Спасла меня.“

ровными, жить не волнуясь, творить добро безъ напряженія, естественно, просто, почти автоматически; между тѣмъ какъ для поэта такая проза—смерть; онъ живетъ только волненіемъ и страстью, для него страсть—то же, что огонь для миѳологической саламандры, то-есть — его настоящая стихія, потому что его творчество воспроизводитъ правдиво только то, что имъ прочувствовано и выстрадано. Исторія можетъ пересчитать по пальцамъ подобныхъ Шекспиру и составляющихъ рѣдчайшее исключеніе творцовъ по отгадкѣ. По большей части настоящій поэтъ изображаетъ собою „Парусъ“ Лермонтова (1832):

„Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой“.

Знакомство съ Байрономъ едва ли прибавило что-нибудь къ внѣшней бытовой сторонѣ жизни Пушкина въ его періодъ бунтованія (Sturm und Drangperiode); оно могло только усилить до извѣстной степени его одичалость, его пренебреженіе къ свѣтскимъ условіямъ и приличіямъ. Извѣстно, что впослѣдствіи онъ остепенился, сдѣлался порядочнѣе и сталъ, женившись, твердить, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, слова Шатобріана: Hélas! il n'y a du bonheur que dans les vies communes. (Увы! Счастье только въ обыденной жизни). Но на само творчество Пушкина вліяніе Байрона было громадное. Пушкинъ нашелъ въ Байронѣ натуру себѣ, какъ ему показалось, родственную, поэзію по душѣ, а главное, онъ обрѣлъ въ Байронѣ опору для своего новаго, рѣзко отрицательнаго направленія, новую исходную точку и подходящую теоретическую основу для систематическаго отрицанія. Онъ вкусилъ отъ пессимизма Байрона, составляющаго самый корень байроновской поэзіи. Постигъ ли Пушкинъ Байрона въ этомъ отношеніи вполнѣ, усвоилъ ли онъ себѣ этотъ мозгъ костей байроновскаго творчества? Таковы вопросы, которые прежде всего подлежатъ нашему разсмотрѣнію.

III.

Пессимизмъ есть недовольство жизнью, доведенное до злословія, до заключенія о тягости всякаго бытія вообще. Пессимизмъ можетъ быть источникомъ поэзіи или системою философіи. Онъ появляется только изрѣдка, въ самыя мрачныя эпохи исторіи, и окрашенъ всегда особенностями того критическаго момента, въ которомъ онъ созрѣлъ и распространился въ видѣ повальной болѣзни. Въ чемъ состояли особенности пессимизма Байрона? Всѣ согласны, что, по своему міросозерцанію, Байронъ принадлежитъ цѣликомъ къ XVIII вѣку. Онъ—гуманистъ; онъ считаетъ, что чело-

вѣкъ безобразно изуродованъ нелѣпыми предразсудками и общественными формами; онъ вѣруетъ въ силу разума, въ необходимость возвращенія къ природѣ, въ свободу столь безусловную, что она теряетъ всякую границу, въ возможность устроить всеобщее счастіе, законодательствуя и управляя людьми раціонально. Опытъ былъ произведенъ и кончился полнѣйшею неудачею, кровавою траги-комедіею великой французской революціи. Старое разбито наповалъ и растоптано, но освобожденные люди бродили дикими звѣрями по колѣно въ грязи, въ лужахъ крови, среди развалинъ. Многіе извѣрились въ самую революцію, затѣянную во имя разума. Главное теченіе вѣка измѣнилось и пошло обратнымъ путемъ, возстановляя упраздненные алтари и престолы. Что предстояло теперь дѣлать людямъ, не соглашающимся подставлять шею подъ старое ярмо? Конечно, отстаивать по возможности свои прежнія убѣжденія при измѣнившихся обстоятельствахъ. Сторонникамъ гуманизма, держащимся задачъ революціи, приходилось, вникая въ причины провала, признать, что сами революціонеры шли ненадлежащими путями, и даже что цѣли движенія поставлены были фальшиво, что за велѣнія разума выдаваемы были невѣрные расчеты, запечатлѣнные явнымъ непониманіемъ природы человѣка и общества; иными словами, имъ приходилось стать почти на ту самую точку зрѣнія, на которой стоитъ нынѣ историческая наука по отношенію къ міровому событію конца прошлаго столѣтія. Впрочемъ, былъ еще и другой выходъ изъ затрудненія, который и былъ совершонъ Байрономъ. Аполлонъ Григорьевъ („О правдѣ и искренности въ искусствѣ") утверждалъ, что поэзія Байрона характеризуется отсутствіемъ всякаго нравственнаго начала; что она — протестъ противъ неправды, но безъ сознанія правды; что такъ какъ эта поэзія открытаго эгоизма безъ маски не могла быть принята спокойно поэтическою натурою Байрона, то она и выразилась тоской и сатанинскимъ смѣхомъ, окружившими поэтическимъ ореоломъ это обоготвореніе эгоизма. Такое опредѣленіе поэзіи Байрона считаю я неправильнымъ отъ начала до конца и діаметрально противоположнымъ истинѣ. Вѣрный сынъ XVIII вѣка, Байронъ не пожертвовалъ ни однимъ изъ идеаловъ этого вѣка, несмотря на измѣнившіяся обстоятельства; но такъ какъ они еще до него были втоптаны въ грязь и опошлены, то Байронъ вымѣщаетъ свое негодованіе за это оскверненіе идеаловъ на всемъ родѣ человѣческомъ, изъемля, конечно, себя и нѣсколько высшихъ натуръ, близкихъ ему по сердцу людей, которыхъ онъ умѣлъ любить глубоко и нѣжно. По темпераменту гордый и стойкій боецъ, Байронъ довелъ до виртуозности свое горделивое презрѣніе ко всему роду человѣческому. Эта нота звучитъ весьма сильно во всѣхъ его произведеніяхъ, начиная съ надгробной надписи ньюфаундлэндской собакѣ:

„О слабый человѣкъ, минутный гость земли,

Отъ рабства и властей затоптанный въ пыли,
Кто знаетъ, тотъ тебя съ презрѣньемъ покидаетъ...
Предъ каждымъ звѣремъ ты поймешь стыда сознанье“
(1817, переводъ Миллера) [1]),

до послѣдней его сатиры *Донъ Жуанъ*, направленной противъ всего рода человѣческаго. Тысячу разъ изображалъ онъ выходящія изъ ряда вонъ натуры, которыя высятся надъ ненавистью стоящихъ подъ ними созданій (must look on the hate of those below. „Ch. H.“, III, 45). Идеалъ люди опошлили, онъ уже не общечеловѣческій, а только личный, свойственный высокимъ, избраннымъ натурамъ. Байронъ до того ему преданъ, что дѣйствительную, настоящую жизнь людскую, жизнь общества, съ его нравами и законами считаетъ поддѣльнымъ творчествомъ (Of its own beauty is the mind diseased—And fevers into false creation... „Ch. H.“, IV, 122), фальшью въ природѣ, дисгармоніею („Жизнь наша — то же дерево анчаръ съ его смертоносною отравою и ядовитою росой“. „Ch. H.“, IV, 126). Въ этихъ положеніяхъ сквозитъ невѣрный, конечно, взглядъ, заимствованный отъ Жанъ Жака Руссо о необходимости возвратиться къ состоянію природы, о необходимости стряхнуть съ себя искусственную цивилизацію. Ошибка эта, впрочемъ, несущественна. Мы имѣемъ дѣло не столько съ мечтателемъ, вѣрующимъ въ блаженство людей въ состояніи природы, сколько съ идеалистомъ, для котораго весь смыслъ и вся цѣнность жизни — не въ наслажденіяхъ, доставляемыхъ благами сего міра, и не въ ожиданіи чего-то за гробомъ, а только въ метафизическихъ созданіяхъ, витающихъ въ сознаніи человѣка, выдѣляемыхъ душою изъ самой себя, въ добрѣ и красотѣ, въ произведеніяхъ ума и искусства, болѣе живыхъ, болѣе реальныхъ, нежели грубая и пошлая дѣйствительность („Ch. H.“. III, 6; IV, 5). Эти порывы къ идеальному составляютъ и муку жизни, и ея красу. Въ 1-й пѣснѣ „Чайльдъ-Гарольда“, въ стихахъ къ Инесѣ, Байронъ, будучи еще весьма молодымъ человѣкомъ, жаловался на эту муку, на „ржавчину жизни“, на „демона мысли“ (The blight of life — the demon Thought). Много лѣтъ спустя, въ 3-ей и 4-ой пѣсняхъ того же „Чайльдъ-Гарольда“ онъ себя называлъ „скитающеюся жертвою своего мрачнаго ума“ (The wandering outlaw of his own dark mind. III, 3.—I have thought too long and darkly. III, 7). Въ „Онѣгинѣ“ Пушкинъ говоритъ: „И Байронъ, мученикъ суровый“...—опредѣленіе невѣрное, неполное; къ Байрону примѣнимы были бы развѣ его же слова о Руссо: „самъ себя мучащій человѣкъ“ (III, 7: self torturing... но только не sophist). Тѣмъ не менѣе этотъ самомучитель идетъ на муки и терзанія добровольно, по долгу совѣсти, отвергая

[1]) Oh man! Thou feable tenant of one hour
Debased by slavery or corrupt by power,
Who knows thee well must quit thee with disgust
Degraded mass of animated dust.

даже то средство, которое допускали употреблять древніе стоики — самоубійство („Ch. H.“, V, 21: „Надо переносить бытіе. Глубоко водружены корнями жизнь и страданіе въ наше печальное нутро. Верблюдъ несетъ молча тяжелѣйшую ношу, волкъ издыхаетъ молча, животное выноситъ, а мы, высшія существа, не снесли бы того, что длится только какой-нибудь день“). Въ Байронѣ самымъ энергическимъ образомъ проявляется то чувство, которое выразилъ, вдохновленный духомъ этой мужественной поэзіи, Пушкинъ въ словахъ:

„Но не хочу, о други! умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“.

Въ этихъ стихахъ слышится какъ бы отголосокъ дивной 127-й строфы IV-й пѣсни „Ч.-Гарольда“: „Давайте сильнѣе разсуждать; мы бы постыдно отступились отъ разума, еслибы отказались отъ права мыслить — послѣдняго и единственнаго убѣжища. Что бы тамъ ни было — это убѣжище мое!“ Итакъ, у Байрона есть несомнѣнно идеалъ; этотъ идеалъ пересталъ, въ нашъ жестокій вѣкъ, быть общественнымъ и сдѣлался личнымъ идеаломъ поэта, но, какъ у всякаго человѣка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ — и идеалъ его вѣка. Имъ увлекаются только немногія избранныя натуры. Байронъ изображаетъ все по собственному опыту, по какому-то роковому непреодолимому порыву; эти сильныя натуры совершаютъ свое теченіе, попирая все на своемъ пути. „Вихрь — ихъ дыханіе, а жизнь ихъ — штормъ“. . „покой имъ страшнѣе ада“ (III, 42). Изображая огонь въ крови, пожирающій ихъ, горячку дѣйствія, которою они одержимы, Байронъ замѣчаетъ: „Это-то и дѣлаетъ сумасшедшими людей, которые и другихъ сводили съ ума, заражая ихъ собою, завоевателей и царей, учредителей сектъ и системъ, да вдобавокъ софистовъ, бардовъ, государственныхъ людей... Имъ завидуютъ но сколь напрасно!... Раскройте одну такую грудь, и вы отобьете у родѣ человѣческаго охоту къ тому, чтобы блистать или господствовать“ („Ч.-Г.“, IV, 43). Довершимъ характеристику, добавивъ, что, созидая новый родъ философіи исторіи — теорію высшихъ натуръ, роковыхъ великихъ людей, для которыхъ законъ не писанъ, потому что они сами себѣ законъ, — Байронъ не выдѣляетъ поэта, не отводитъ ему особаго привилегированнаго положенія и весьма далекъ отъ мысли, что поэтъ можетъ быть и слабъ, и малъ, и что онъ становится великимъ, когда на него внезапно нисходитъ вдохновеніе. Байронъ не анализировалъ — какъ это дѣлаетъ новѣйшая наука психологіи — корней творчества въ безсознательномъ; притомъ, онъ прежде всего былъ человѣкъ дѣла, а не писаній; онъ былъ просто человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный и между прочимъ занимавшійся писательствомъ. Таковъ въ главныхъ чертахъ образецъ и учитель. Какія же черты заимствовалъ отъ него ученикъ, который, по собственному его выраженію, нѣкоторое время „сходилъ отъ Байрона съ ума“?

IV.

Послѣ дней тоски и бѣшенства, наболѣвшее сердце Пушкина жадно усвоивало себѣ и, такъ сказать, всасывало одну особенность характера Байрона: презрѣніе къ роду человѣческому. Мертвящимъ холодомъ обдаютъ насъ уроки злѣйшей мизантропической морали, преподаваемые 23-лѣтнимъ юношей изъ Кишинева (1822) младшему его брату Льву, распущенному юношѣ: „commencez par penser des hommes tout le mal imaginable.. Méprisez-les le plus poliment qu'il vous sera possible. Soyez froid avec tout le monde. N'acceptez jamais des bienfaits, ils sont pour la plupart une perfidie. Point de protection, car elle asservit et dégrade.. N'oubliez jamais les offenses. Moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir, mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du XVIII siecle". (Начинай всегда съ того, чтобы думать о людяхъ какъ можно хуже.. Презирай ихъ самымъ вѣжливымъ образомъ. Будь холоденъ со всѣми. Никогда не принимай благодѣяній; благодѣяніе, въ большинствѣ случаевъ, коварство Избѣгай покровительства, ибо оно подчиняетъ и уничтожаетъ. Никогда не забывай обиды умышленной. Чѣмъ менѣе любятъ женщину, тѣмъ вѣрнѣе обладаніе ею. Но такое наслажденіе прилично старой обезьянѣ 18-го вѣка). Когда Пушкинъ писалъ эти наставленія, онъ былъ безъ сомнѣнія искрененъ; ихъ ѣдкая кислота и несходство вообще съ темпераментомъ Пушкина заставляютъ заключить, что чувства, ими выражаемыя, были преходящія, что сама идейная подкладка написаннаго была не болѣе какъ намекъ. Извѣстно, что отъ частаго повторенія одной и той же эмоціи мимическое ея выраженіе можетъ неподвижно застыть на лицѣ человѣка, превратиться въ несходящую морщину, въ искривленіе, напримѣръ, угловъ рта отъ часто повторяющейся презрительной улыбки. У каждаго изъ насъ лицо есть родъ маски, образуемой изъ глубокихъ слѣдовъ всего пережитаго, которое исколесило это лицо по всѣмъ направленіямъ; за этими слѣдами скрывается недоступное наблюденію и только угадываемое психологическое *я* наблюдаемаго лица. Такимъ застывшимъ слѣдомъ на лицевой маскѣ Пушкина считаю я его, какъ я думаю, напускное презрѣніе къ роду человѣческому, которое, вслѣдствіе душевныхъ страданій, появилось у Пушкина и затѣмъ уже его не покидало, потому что сдѣлалось обыкновенною складкою его ума. „Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей",—сказано въ написанной, вѣроятно, еще въ 1822 году 46-ой строфѣ первой главы „Онѣгина". Въ 22-ой строфѣ главы VII изображенъ современный человѣкъ —

„Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,

Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ".

Рядомъ съ этими стихами сопоставимъ два стиха явно байроновскаго пошиба изъ стихотворенія „Полководецъ" (т.-е. Барклай де-Толли), помѣченнаго 7-мъ апрѣля 1835 г, въ Свѣтлое Воскресеніе:

„О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!"

Коротко знавшій Пушкина, Мицкевичъ находилъ, что Пушкинъ самъ себя изобразилъ съ поразительнымъ сходствомъ въ стихахъ:

„Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность,
И рѣзкій, охлажденный умъ".
(„Онѣгинъ", гл. I, строфа 45)

Сама характеристика: „озлобленный", или „охлажденный умъ, логически едва ли правильна: умъ всегда исправляетъ въ психологической дѣятельности функцію холодильника. Очевидно, Пушкинъ старался этими словами выразить волевую привычку обуздывать всякій сочувствующій кому-либо порывъ обязательно подсказываемымъ предположеніемъ, что вообще люди гадки, что всѣ они — бездушные эгоисты. Охлажденіе Пушкина произошло тогда, — и это можно опредѣлить по его произведеніямъ, — когда онъ утвердился въ своемъ анти-гуманномъ взглядѣ на людей. Можно съ достовѣрностью сказать, что его озлобленіе противъ людей не было вызвано, какъ у Байрона, созерцаніемъ тогдашней политической неурядицы въ Европѣ, потому что политическія убѣжденія Пушкина были весьма неустойчивы въ бурные годы молодости, и онъ продолжалъ еше питать самыя розовыя надежды. Въ своей „Деревнѣ" (1819) Пушкинъ до глубины души прогрессивный либералъ, но онъ и монархистъ („И рабство падшее по манію царя"...). Въ „Посланіи къ Чаадаеву" („Любви, надежды, гордой славы"...) и въ „Вольности" (1820), повлекшей за собою ссылку на югъ, преобладаютъ общія конституціонныя идеи декабристовъ (...„гдѣ крѣпко съ вольностью святою законовъ мощныхъ сочетанье"), идеи о вольности, какъ о чемъ-то небываломъ, вселяющемся не иначе, какъ внезапно и при революціонной обстановкѣ (1822—*Таврида*: „Гдѣ ты гроза? символъ свободы, промчись поверхъ невольныхъ водъ!..."). Къ первой половинѣ 1821 г. относится весьма извѣстный „Кинжалъ" („Лемносскій богъ тебя сковалъ для рукъ безсмертной Немезиды"), котораго признанная революціонная нецензурность и ядовитость сильно выкупаются тѣмъ, что это стихотвореніе вовсе не оригинальное произведеніе, а близкое подражаніе другому, сверхъ Байрона, властителю думъ Пушкина въ то время, а именно Андрею Шенье. Въ 1823 г. объявившій себя въ письмѣ къ

брату эгоистомъ и мизантропомъ, Пушкинъ восклицаетъ (правда, слѣдуя по стопамъ перваго своего образца, Байрона):

„Возстань, о Грецiя! возстань!...
Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскiя вериги
При пѣньѣ пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги“.

Не успѣли, можно сказать, еще обсохнуть чернила на стихахъ, которыми Пушкинъ клеймилъ радость такъ называемаго имъ милорда „Уоронцова“ (М. В. Воронцовъ), при полученiи извѣстiя о казни испанскаго революцiонера Рiэго (ноябрь, 1823), какъ уже, по собственному признанiю его же, Пушкина (Письмо къ Тургеневу 1 дек. 1823), у него уже прошелъ либеральный задоръ, и подъ влiянiемъ отрезвленiя онъ писалъ:

„Изыде сѣятель...
Къ чему стадамъ дары свободы,
Ихъ должно рѣзать или стричь...“

До конца своей жизни Пушкинъ оставался однимъ и тѣмъ же безграничнымъ оппортюнистомъ, надѣющимся что правительство послушается его совѣтовъ. Итакъ тоска и разочарованiе Пушкина произошли не отъ неудачъ и проваловъ въ русской и европейской общественности, которые Пушкинъ переносилъ вообще довольно спокойно и къ которымъ онъ относился не какъ къ своему главному дѣлу—(февраль 1825): Tout qui est politique n'est fait que pour la canaille (Все, что составляетъ политику, создано только для плутовъ). Это разочарованiе можно бы объяснить частными обстоятельствами жизни Пушкина, измѣнами въ дружбѣ, любви, подобными той, съ которой Альфредъ Мюссе начинаетъ свои *Confessions d'un enfant du siècle*, (Исповѣдь сына вѣка), — еслибы не было вполнѣ удостовѣрено, что онъ влюблялся часто и не безъ взаимности, и что имѣлъ друзей добрыхъ, преданныхъ, которымъ вѣрилъ, и которые составляли лучшее, что только было въ тогдашнемъ обществѣ русскомъ. Остается возможность предположить, что Пушкинъ заразился разочарованiемъ отъ другого лица, отъ того *Демона* (1823), который сталъ тайно навѣщать его и вливать въ душу тайный ядъ своими язвительными рѣчами. Это стихотворенiе до того заинтересовало въ свое время публику, что она стала доискиваться, какое подъ образомъ этого „Демона“ кроется живое лицо; стала догадываться что этимъ „Демономъ“ былъ извѣстный скептикъ А. Н. Раевскiй. Самъ Пушкинъ, когда ему передали эту догадку (строфа 12, глава III „Онѣгина“) готовился опровергать въ печати это предположенiе(черновые наброски, см. Анненкова: „Пушкинъ“), указывая на то, что онъ хотѣлъ только олицетворить сомнѣнiе... „духа, отрицающаго (подобно Мефистофелю Гёте) съ его печальнымъ влiянiемъ на нравственность вѣка, уничтожающимъ лучшiе поэтическiе предразсудки души“. Объ-

ясненіе Пушкина весьма похоже на правду; его „Демонъ“ едва ли былъ живой человѣкъ, во всякомъ случаѣ, имъ не былъ Байронъ, *во-первыхъ*, потому, что къ огненной поэзіи Байрона никакъ не идутъ слова: „хладный ядъ“, „насмѣшникъ“, „клеветать на Провидѣніе“, „не вѣрить свободѣ...“; *во-вторыхъ*, потому, что посѣщенія этого бѣса отнесены ко днямъ отрочества, до начала знакомства Пушкина съ Байрономъ: „когда мнѣ были новы всѣ впечатлѣнья бытія, и взоры дѣвъ, и шумъ дубровы“. Если перенесемся мысленно къ отрочеству Пушкина, то откроемъ что этотъ бѣсъ-насмѣшникъ, вѣроятно, помѣщался въ отцовской библіотекѣ, откуда дитя-Пушкинъ таскалъ всякія французскія книги, обостряя свой умъ, но загрязняя воображеніе; что этотъ бѣсъ былъ неотлучно съ Пушкинымъ въ лицеѣ, что этотъ бѣсъ очень походилъ на того, о комъ Пушкинъ писалъ:

„Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый...
Онъ-все: вездѣ великъ,
Единственный старикъ!“ (Городокъ)

Послѣ знакомства съ цѣлою французскою литературою XVIII в., съ самыми пикантными ея произведеніями, едва ли пришлось Пушкину брать новые уроки „чистаго аѳеизма въ Одессѣ у глухого философа-англичанина, который“ уничтожалъ будто бы у него мимоходомъ слабыя доказательства безсмертія души (Стоюнинъ: „Пушкинъ“: Письмо, повліявшее на заточеніе Пушкина въ Михайловскомъ). Усвоенный въ юности саркастическій нигилизмъ французскихъ философовъ-матеріалистовъ не проникалъ, однако, въ глубь натуры Пушкина. Его предохраняло эстетическое чувство, о которомъ онъ выражался такимъ образомъ:

„Иная, высшая награда
Была мнѣ рокомъ суждена,
Самолюбивыхъ душъ отрада,
Мечтанья неземного сна. (1821—Набросокъ)

Насмѣшникъ съ насмѣшниками, мечтатель самъ съ собою и въ стихахъ, Пушкинъ меньше всего способенъ былъ справляться съ вопросомъ: которому изъ этихъ двухъ воззрѣній соотвѣтствуетъ дѣйствительность. Испытанныя имъ страданія поставили вдругъ ребромъ непріятный вопросъ, и Пушкинъ долженъ былъ признать, что и выражено въ заключеніи роковаго для него письма объ аоеѣ: „система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастію больше всего правдоподобная“; иными словами, что жизнь вообще гадость, и что подходить къ ней слѣдуетъ съ ея задняго двора (одинъ изъ варіантовъ къ 45 строфѣ I-й главы „Онѣгина“:

„Открылъ я жизни бѣдный кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
Въ замѣну вѣры и надеждъ,
Для легкомысленныхъ невѣждъ“.

Самъ Пушкинъ, въ замѣткѣ на толки публики о „Демонѣ“, поясняетъ: „сомнѣнія вызваны вѣчными противорѣчіями—чувство мучительное, хотя непродолжительное“. Оставимъ открытымъ вопросъ: уничтожилось ли у Пушкина сомнѣніе прежде, нежели исчезли „лучшіе поэтическіе предразсудки души“. Во всякомъ случаѣ, оно не служило достаточнымъ основаніемъ для того презрѣнія къ людямъ, которое непрерывно заявляетъ Пушкинъ Байронизмъ не состоялъ вовсе въ томъ, чтобы копошиться вмѣстѣ съ другими въ грязи, хотя бы и признавая ничтожество бытія, но въ томъ, чтобы итти на бой со всѣмъ свѣтомъ, неся въ рукахъ свѣточъ своего личнаго идеала и утверждая его превосходство предъ пошлою дѣйствительностью. Только такая борьба оправдываетъ слова: „Гордая лира Альбіона“ (I-я глава „Онѣгина“), и даетъ бойцу право свысока смотрѣть на болѣе слабыя существа.

V.

Пушкинъ не могъ вполнѣ себѣ усвоить пессимизмъ Байрона: темпераменты обоихъ поэтовъ — учителя и ученика—оказались несхожіе, неодинаково страдающіе, неравномѣрно отзывчивые на впечатлѣнія извнѣ и на уколы судьбы. Оба поэта страдали сильно, но организмъ у Пушкина былъ нѣжнѣе. Съ юныхъ лѣтъ раздается это страданіе унылымъ, протяжнымъ напѣвомъ, жалобною пѣснею, не сопровождаемою скрежетомъ зубовъ. Семнадцатилѣтній юноша (1816) уже пѣлъ въ лицеѣ:

„Моя стезя печальна и темна...
Вся жизнь моя – печальный мракъ ненастья“...
(Посл. къ Горчакову)
„Прервется ли души холодный сонъ,
Поэзіи зажжется-ль упоенье?
Безплодное проходитъ вдохновенье.“

То было только прецугадываніе суровой дѣйствительности, гдѣ нибудь вычитанное:

„Насъ пылъ сердечный рано мучитъ,
Любви насъ не природа учитъ,
А Сталь или Шатобріанъ.
Мы хочемъ жизнь узнать заранѣ
И узнаемъ ее въ романѣ“...
(„Онѣгинъ“, гл. I, стр. 9).

Пришли, наконецъ, испытанія; поэтъ не сломился, но былъ угнетенъ. „Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой“, онъ пишетъ о себѣ:

„Для всѣхъ чужой—какъ сирота бездомный,
Подъ бурею главой поникъ я томной.“ (19 окт. 1825).

Поэтъ пришибленъ, сомнѣвается самъ въ себѣ:

„Сохраню-ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу-ль на встрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?“ (1828—Предчувствіе)

то есть тѣ качества, которыя онъ за собою признавалъ, пока еще

„Не сталъ извѣстенъ межъ людей
...пламеннымъ волненьемъ,
И бурями души моей,
И жаждой воли и гоненьемъ“.

Въ сознаніи его поселилась горькая печаль, но она стелется тонкою дымкою, точно туманъ, и не совсѣмъ уничтожаетъ яркость красокъ, присущую инымъ жизнерадостнымъ, здоровымъ впечатлѣніямъ. Само недовольство жизнью или собою — не похоже у Пушкина на пессимизмъ, оно — скоропреходящая тѣнь отъ набѣгающихъ на солнце облаковъ, оно - всышка минутной досады. Въ октябрѣ 1825 г., въ день лицейской годовщины, Пушкинъ ищетъ „отраднаго похмелья, минутнаго забвенья горькихъ мукъ“ — „пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ не стоитъ міръ“... Чувство недовольства существуетъ, но зато какъ оно граціозно и летуче даже въ самыхъ конфиденціальныхъ изліяніяхъ поэта: „Croyez m'en, chère M-me Ossipow, la vie, toute süsse Gewohnheit qu'elle est, a une amertume, qui finit par la rendre dégoutante, et c'est un vilain tas de boue le monde“. (Повѣрьте мнѣ, милая М-me Осипова, жизнь - при всемъ томъ, что она „сладкая привычка“ — содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой, наконецъ, дѣлается противною; свѣтъ же—гнусная лужа) (1835). „Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи и съ талантомъ! Весело, нечего сказать“ (послѣднее письмо къ женѣ, 18 мая 1836).—Большая часть страданій Байрона происходила отъ него самого, отъ нравственнаго *самоистязанія*, при размышленіяхъ надъ своимъ прошедшимъ, при вскрытіи остающихся свѣжими послѣ десятковъ лѣтъ своихъ воспоминаній. Ихъ сравнивалъ Байронъ („Ч. Г.“, IV, 23) съ жестокою болью отъ жала скорпіона; она постоянно возвращалась по всякому намеку, по малѣйшему, хотя бы пустому слову. Жизнь Пушкина доставляла много случаевъ для точно такихъ же тяжелыхъ моментовъ: „Потомокъ негровъ безобразный“, признающій за собою „безстыдство бѣшеныхъ желаній“ (1818 г.), онъ писалъ:

„И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволъ“...
(„Онѣгинъ“, VIII гл., 3 стр.)

Онъ не могъ не ощущать порою, какъ горятъ „змѣи сердечной угрызенья“... когда воспоминаніе развивало свой длинный свитокъ и представляло ему его утраченные годы— въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ, въ безумствѣ гибель-

ной свободы (Воспоминанія, 1828 г.). Но и эти угрызенія совѣсти лишены у Пушкина трагическаго элемента и сбиваются на элегію. Иногда поэтъ ставитъ колоссальные вопросы бытія и ставитъ ихъ по-байроновски, съ протестомъ противъ Творца:

„Кто меня *враждебной* властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ"... (26 мая, 1826);

но вслѣдъ за тѣмъ мысль мельчаетъ:

„Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ";—

однимъ словомъ, является то чувство, котораго выраженіе вложено въ уста Фаусту въ неудачной сценѣ (1826): „Мнѣ скучно, бѣсъ!" или:

„Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты" (1821 г).

Я уже приводилъ стихъ, въ которомъ несомнѣнно выражена байроновская мысль:

„Мой путь унылъ, сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други! умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать".

Однако вся сила впечатлѣнія ослабляется игривымъ анакреонтическимъ концомъ этой пьесы:

„И можетъ быть на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной"
(1830. Элегія).

Привожу еще одну выдержку. Нѣтъ мысли, которая бы сильнѣе отравляла счастіе человѣка, какъ мысль о неизбѣжности смерти и о безучастіи къ судьбѣ живого лица самой безсердечной природы. Мысль эта мучила царя Сиддарту за шесть вѣковъ до Христа, когда, почувствовавъ тщету жизни при видѣ трупа, онъ бросилъ тронъ, жену, ушелъ въ пустыню и сдѣлался Буддою. Мысль эта навѣщала и больного Тургенева, когда онъ писалъ свои, вызывающія въ тѣлѣ дрожь, „стихотворенія въ прозѣ". Она составляетъ главный узелъ въ наиболѣе пессимистическомъ и весьма глубокомъ произведеніи Байрона: „Каинъ". Мысль эта тревожитъ также и Пушкина (1829 г.):

„Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю-ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбѣжной
Всегда близка, всегда со мной".

Что можетъ быть мрачнѣе, повидимому, этой тѣни Банко, садящейся за столъ на царственномъ пиру? Между тѣмъ и этотъ мракъ разсѣкается у Пушкина золотистымъ лучомъ солнца, и плачъ о неизбѣжной смерти переходитъ

въ милѣйшую, но приторную идиллію:

„И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять“.

На палитрѣ Пушкина совсѣмъ почти нѣтъ тѣхъ темныхъ красокъ, которыми злоупотребляетъ иногда муза Байрона, но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что воображеніе Пушкина было несравненно живѣе и богаче; что оно дѣлало его настоящимъ „Протеемъ“ (такъ и называли его современники); что онъ былъ въ высокой степени способенъ выходить изъ себя, объективироваться и доходить до яснаго, величаваго спокойствія, присущаго античному искусству—напримѣръ, въ дивныхъ стихахъ его отрывка 1829 г., подъ которыми подписался бы и самъ олимпіецъ Гёте:

„Примите гимнъ, таинственныя силы!
Хоть долго былъ изгнаньемъ удаленъ
Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ излiяній,
Но васъ любить не переставалъ, о, боги!
...съ какимъ святымъ волненьемъ
Оставилъ я людское стадо наше,
Дабы стеречь вашъ огнь уединенный,
Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою.
Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь.
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Несмертныя, таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учатъ
Чтить самого себя!“

Впослѣдствіи, когда увлеченіе Байрономъ прошло, самъ Пушкинъ весьма трезво и мѣтко указывалъ на односторонность его поэзіи, на ея слабыя стороны. „Де Бэйронъ—Феба образецъ!“ —писалъ онъ въ шуточной одѣ къ Хвостову, въ 1824 г. – ..„Великъ онъ, но единообразенъ“. Въ первой главѣ „Онѣгина.“ (с. 56) Пушкинъ не желаетъ, чтобы подумали, что въ Онѣгинѣ...

„намаралъ я свой портретъ
Какъ Байронъ, гордости поэтъ;
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ“.

VI.

Несмотря на коренное несходство двухъ натуръ — Байрона и Пушкина, случилось, однако, что на нѣкоторое время послѣдній былъ заполоненъ первымъ. По словамъ весьма

компетентнаго судьи—Мицкевича, Пушкинъ „tomba dans la sphère d'attraction de Byron et tournait autour de cet astre comme une planète éclairée par sa lumière. Dans les ouvrages de sa première manière tout est byronien, les sujets, les caractères, l'idée et la forme“ (попалъ въ сферу притяженія Байрона и вращался вокругъ этого свѣтила, какъ планета, освѣщенная его свѣтомъ. Въ произведеніяхъ перваго періода все байроническое: содержаніе, характеры, идеи и форма). (Некрологъ Пушкина, въ „Globe“, 25 мая 1837 г.). Но поэтъ, о которомъ самъ Мицкевичъ выражался такъ: „si les compositions du poëte anglais n'existaient pas, on aurait proclamé Pouschkine le premier poëte de l'époque“ (Если бы не было произведеній англійскаго поэта, то Пушкина провозгласили бы первымъ поэтомъ эпохи),—не могъ, конечно, быть простымъ подражателемъ. По словамъ Мицкевича, Пушкинъ былъ собственно не байронистъ, а „байронствующій“ (byroniaque), то-есть одержимый (possédé) духомъ своего любимаго автора. По натурѣ, Пушкину легче было подражать своему образцу въ житейскихъ мелочахъ, въ причудахъ, въ высокомъ мнѣніи о превосходствѣ аристократической породы,

(„...Нашъ лордъ
Не только былъ отмѣнно гордъ
Великимъ даромъ пѣснопѣнья,
Но и случайностью рожденья“,—
варіантъ къ „Родословной моего героя“)

въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ напускной жадности къ деньгамъ, зарабатываемымъ перомъ, въ громкихъ заявленіяхъ, что онъ свою поэзію продаетъ и ради денегъ только пишетъ, — нежели подчинить Байрону свое творчество. Съ одной стороны, такъ какъ воображеніе его было богаче и дарованіе разнообразнѣе, то въ поэзію его входили многіе чуждые Байрону элементы; съ другой стороны, темпераментъ его былъ подвижнѣе, нѣжнѣе и мягче, и когда онъ пробовалъ чертить по-своему лицо въ родѣ „Корсара“, которому даетъ первое мѣсто въ ряду произведеній Байрона (статья 1827 года), то,по его неспособности проникнуть во всѣ изгибы мрачной и суровой души, у него оказываются въ работѣ либо пятна, либо пробѣлы. По этимъ двумъ причинамъ, въ заимствованіяхъ изъ Байрона замѣтны у Пушкина—и въ содержаніи, и въ формѣ—недостатки, съ которыми приходится познакомиться при изученіи байроновскаго періода въ литературной дѣятельности Пушкина. Обзоръ нашъ дѣятельности поэта въ этотъ періодъ остановится на самыхъ главныхъ ея чертахъ.

VII.

Первыми въ ряду являются „Черная шаль“ и перенаряженный „Корсаръ“ со своею Гюльнарою во образѣ „Кавказскаго Плѣнника“ и его черкешенки. Хотя „Черная шаль“

заимствована, по преданію, Пушкинымъ отъ трактирной пѣвицы молдаванки Маріулы въ Кишиневѣ, пѣвшей въ 1820 г. эту балладу, но въ ней множество отголосковъ Байрона, подражаній его кровавымъ восточнымъ повѣстямъ; она напоминаетъ манеру Байрона во всѣхъ своихъ подробностяхъ убійства невѣрной любовницы и ея сообщника, утопленія убитыхъ въ волнахъ Дуная и душевныхъ терзаній убійцы-мстителя:

„Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей,
Гляжу, какъ безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль“.

Что касается „Плѣнника“, то самъ Пушкинъ относился впослѣдствіи безпощадно къ этому произведенію, которое, однако, онъ любилъ, самъ не зная почему: въ немъ были,— пишетъ онъ,—стихи моего сердца“ (1821). „Плѣнникъ зеленъ (1825), все это слабо, молодо, неполно“ (Путешествіе въ Арзерумъ). „Богатая обстановка изъ горъ и горцевъ есть собственно „hors d'oeuvre“, географическая статья, отрывокъ изъ путешествія“ (1822). Но самъ „Плѣнникъ“? да и онъ только бѣлое, недомалеванное пятно. Надъ нимъ потѣшались потомъ самъ авторъ съ Раевскимъ. Характеръ его — предметъ, съ которымъ Пушкинъ „насилу сладилъ“ или, лучше сказать, совсѣмъ не сладилъ. Мы на слово должны вѣрить, что это прожженный человѣкъ, который...

„бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье“..,

заключивъ въ увядшемъ сердцѣ лучшихъ дней воспоминанье, отступникъ свѣта и т. д.; что онъ

„невольникъ чести безпощадной“,
„На поединкахъ твердый, хладный
Встрѣчая гибельный свинецъ“, и т. д.

Мы даже не знаемъ, были ли у него сильныя движенія сердца, коль скоро онъ ихъ хранилъ въ молчаньѣ глубокомъ, такъ что

„И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего“.

Непонятно, почему же и какъ могли дивиться черкесы „безпечной смѣлости“ плѣнника, когда онъ не проявилъ ни разу во всей поэмѣ ни смѣлости, ни великодушія. Г. Стоюнинъ замѣтилъ, что плѣнникъ становится неинтереснымъ и даже противнымъ, что есть въ немъ черты, оскорбляющія нравственное чувство, напримѣръ:

„Я вижу образъ вѣчно милый,
Его зову, къ нему стремлюсь,
Тебѣ въ забвеньѣ предаюсь
И тайный призракъ обнимаю“.

Хотя образъ черкешенки испорченъ вложенною въ него романтическою сантиментальностью, но въ авторѣ уже виденъ мастеръ, будущій живописецъ Татьяны. Черкешенка—настоящій герой поэмы (1821: „Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать „Черкешенкой", я объ этомъ не подумалъ"), а не плѣнникъ—размазня и плакса, совсѣмъ не изображающій того, что хотѣлъ представить Пушкинъ: „преждевременную старость души, отличительную черту молодежи XIX вѣка". Указывая на странность стиховъ:

„Свобода, онъ одной тебя,
Одной искалъ въ подлунномъ мірѣ",

г. Стоюнинъ не безъ основанія спрашиваетъ: зачѣмъ съ такимъ идеаломъ свободы летѣть въ далекій край, чтобы порабощать свободный народъ? — Много лѣтъ спустя, послѣ вторичной поѣздки на Кавказъ и изученія его не съ однѣхъ высотъ предгорья, не съ одной вершины Бешту, Пушкинъ осуществилъ свою идею о дикой свободѣ некультурныхъ племенъ въ ея противоположности съ цивилизаціею (1829—1833) въ дивномъ эпическомъ отрывкѣ изъ неоконченной, къ несчастью, поэмы: „Галубъ", по истинѣ достойной того, чтобы быть поставленною на-ряду если не съ лучшими страницами Иліады, то, по крайней мѣрѣ, съ таковыми же испанскаго Романсеро. Сынъ чеченскаго князя Галуба — Тазитъ, получившій своеобразное воспитаніе внѣ дома, являетъ черты характера христіанскія. Онъ не ограбилъ богатаго армянина на дорогѣ, когда могъ это сдѣлать безнаказанно; онъ не притащилъ въ аулъ на арканѣ бѣглаго раба и даже не умертвилъ убійцу своего брата, сжалившись, такъ какъ убійца былъ раненъ и безоруженъ. Отъ Тазита отрекаются его родъ, его племя, но, отверженный, онъ является, однако, на родинѣ преобразователемъ-миссіонеромъ. Конечно, онъ дѣйствуетъ только моральными средствами, а не при содѣйствіи вражескихъ, по отношенію къ его родинѣ, барабановъ и штыковъ; онъ даже гибнетъ въ сраженіи съ русскими, какъ можно судить по уцѣлѣвшей программѣ поэмы. Замыселъ поэмы былъ колоссальный; въ сравненіи съ нимъ, „Кавказскій Плѣнникъ" оказывается только юношескимъ упражненіемъ, обнаруживающимъ лишь задатки таланта. Чтобы опредѣлить, съ какою неимовѣрною быстротою совершался ростъ таланта у Пушкина, слѣдуетъ сопоставить „Плѣнника" не съ „Бахчисарайскимъ Фонтаномъ" — граціозною бездѣлкою, съ ея гаремными сценками и мелкими силуэтами Маріи Потоцкой и Заремы, имѣющими только общее и далекое сходство съ происшествіями въ султанскомъ гаремѣ въ V-й пѣснѣ байроновскаго „Донъ-Жуана" (султанша Гюльбейазъ), и не съ „Братьями Разбойниками", первообразомъ картинъ съ натуры изъ острожнаго и каторжнаго быта, —а съ „Цыганами". Извѣстно, что „Цыгане" писались въ декабрѣ 1823 г. на югѣ, и только послѣднюю отдѣлку получили въ Михайловскомъ. При своемъ появленіи поэма была

принята съ столь единодушнымъ одобреніемъ, что поставила славу поэта у современной ей публики на высоту наибольшую изъ всего достигнутаго имъ при жизни. Были позднѣе произведенія Пушкина глубже по замыслу и сложнѣе, но мнѣнія о нихъ дѣлились, такъ что Пушкинъ, по отношенію къ нимъ, находился въ положеніи сходномъ съ положеніемъ Гёте, возвратившагося изъ римскаго путешествія и обнародовавшаго „Ифигенію въ Тавридѣ“ и „Тасса“—произведенія совершеннѣйшія въ художественномъ отношеніи, но мало симпатичныя для современниковъ. Поэту приходилось задумываться надъ охлажденіемъ къ нему публики, и только теперь, чрезъ полвѣка послѣ его смерти, настало время надлежащей оцѣнки того, что написалъ онъ наиболѣе цѣннаго. Но и въ настоящее время „Цыгане“ не утратили нисколько своей свѣжести, и оказываются они небольшимъ, но необычайно красивымъ алмазомъ съ сильнѣйшею игрою свѣта. Теперь мы можемъ восхищаться только одними художественными красотами поэмы, но современниковъ она интересовала вдвойнѣ. Она была, *во-первыхъ*, вполнѣ романтическое и весьма оригинальное произведеніе,—единственная насквозь-романтическая поэма Пушкина, взятая изъ живой дѣйствительности; *во-вторыхъ*, она ставила вопросъ объ отношеніи отдѣльнаго лица къ обществу и чертила какъ бы идеалъ общества въ ходячей тогда формѣ возврата къ простотѣ первобытнаго состоянія людей. Мысль о блаженствѣ до-историческаго, докультурнаго состоянія людей не переставала вскружать умы и порождала издавна безчисленное множество пасторалей. Одна изъ прелестнѣйшихъ комедій Шекспира: „As you like it“, написана на эту тему. Въ XVIII вѣкѣ главнымъ апостоломъ возврата людей на лоно природы былъ Жанъ-Жакъ Руссо, въ духѣ котораго воспитывались послѣдовательно многія поколѣнія вплоть до начала тридцатыхъ годовъ. Его идеями и чувствами питались въ молодости и Байронъ, и Пушкинъ. Многіе изъ мечтавшихъ о естественномъ состояніи ѣздили искать его за морями у гуроновъ или ирокезовъ; Пушкину удалось его открыть между Одессою и Измаиломъ, подъ шатрами цыганской кочевки. Людей того вѣка такъ и манилъ къ себѣ огонь костра въ степи, такъ и влекло ихъ туда желаніе „презрѣть оковы просвѣщенья“, подобно „птичкамъ беззаботнымъ, проснувшись, свой день весь отдавать на волю Бога“, бѣжать подальше отъ мѣстъ, гдѣ люди

„любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ и цѣпей“..

Сама по себѣ тема была богатая. Если-бы въ Пушкинѣ было нѣсколько меньше поэтическаго чутья, то онъ бы ее и разработалъ въ дидактическомъ направленіи,—онъ бы не-

премѣнно вставилъ въ произведеніе уже заготовленную пѣсню Алеко, убаюкивающаго своего ребенка-сына:

„Не мѣняй простыхъ пороковъ
На образованный развратъ...
Пускай цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ суеты наукъ...
Отъ общества, быть можетъ, я
Отъемлю нынѣ гражданина:
Что нужды? я спасаю сына“...

Въ эту нетребовательную среду, въ этотъ мірокъ людей вольныхъ, какъ птицы, не знающихъ труда, какихъ бы то ни было стѣсненій, какихъ бы то ни было каръ, какой бы то ни было власти лица надъ лицомъ, вступилъ, по доброй волѣ, Алеко, то-есть самъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ печальный критическій моментъ его бурной молодости. Авторомъ употребленъ настоящій байроновскій пріемъ: онъ изобразилъ самого себя и притомъ безъ самоокрашиванія на-черно, безъ рисовки, безъ предпосылки какихъ бы то ни было мрачныхъ уголовщинъ, позирующихъ героя злодѣемъ. Онъ выведенъ только съ предвареніемъ, что онъ человѣкъ сознательно покинувшій „измѣнъ волненье, предразсужденій приговоръ, толпы безумное гоненье“, и что, по натурѣ, онъ человѣкъ волнующійся и страстный, притомъ искренно рѣшившійся переродиться, измѣниться въ этомъ именно отношеніи, сдѣлаться беззаботнымъ и къ дѣяніямъ другихъ равнодушнымъ. Главный узловой вопросъ ставился такъ: выдержитъ ли онъ? „Давно-ль, надолго-ль усмирѣли“ (страсти въ его измученной груди)? „Онѣ проснутся: погоди“.

Онѣ дѣйствительно проснулись роковымъ образомъ, и тѣмъ съ большею силою, чѣмъ продолжительнѣе было ихъ усыпленіе. Алеко къ одному не могъ привыкнуть въ новомъ быту — къ тому, чтобы его подруга, по вольному цыганскому браку, могла загулять съ другимъ мужчиною. Онъ не въ силахъ усвоить себѣ цыганскую философію:

„Вольнѣе птицы младость,
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь“.

Какъ ни искренно онъ припѣвалъ, убаюкивая сына:

„не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
Трепеща тайно жаждой мести“...;

но въ данномъ случаѣ этотъ человѣкъ, который и любилъ иначе, чѣмъ цыгане, не „шутя“, а „горестно и трудно“, не въ силахъ преодолѣть себя:

„Я не таковъ.
Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь“.

Трагическая коллизія разсѣкается просто, дѣйствіемъ быстрымъ, двумя ударами кинжала, поражающими и соперника, и Земфиру, безстрашную даже и подъ ножемъ и пренебрегающую убійцею:

„Не боюсь тебя,
Твои угрозы проклинаю,
Твое убійство презираю!
Умру любя!“

Замѣтимъ мимоходомъ, что переведшій „Цыганъ“ съ русскаго на французскій языкъ Просперъ Мериме, въ своей собственной, очень извѣстной повѣсти „Carmen“, изданной совмѣстно съ переводомъ „Цыганъ“ въ 1847 году, почти списалъ съ Пушкина ту же самую сцену, придавъ ей только то, что называется couleur locale (мѣстный колоритъ): „Comme mon vom; tu as le droit de tuer la vomi; mais Carmen sera toujours libre. Calli elle est née, calli elle mourra. T'aimer encore, c'est impossible. Vivre avec toi—je ne le veux pas“ (какъ мой мужъ, ты имѣешь право убить жену, но Карменъ всегда будетъ свободна. Она родилась цыганкой, и цыганкой же умретъ. Продолжать тебя любить невозможно. Жить съ тобой не хочу). Надъ убійцею изрекаетъ у Пушкина приговоръ—исправляющій должность хора древней трагедіи старикъ-цыганъ:

„Не нужно крови намъ, ни стоновъ.
Мы жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли;
Ты для себя лишь хочешь воли.
Прости! да будетъ миръ съ тобой!“

Комментаторы Пушкина усматриваютъ въ этомъ приговорѣ моральное осужденіе байронизма, какъ направленія, безпощадное развѣнчаніе Алеко и вступленіе Пушкина на новый путь къ народности, или, лучше сказать, къ простонародію (Анненковъ; Незеленовъ). Я отрицаю подобный выводъ, превращающій созданіе Пушкина въ нравоученіе. Именно, по своему нежеланію явиться моралистомъ, Пушкинъ исключилъ изъ поэмы пѣсню Алеко надъ ребенкомъ. Въ 1825 г. Пушкинъ писалъ Жуковскому: „Ты спрашиваешь, какая цѣль у „Цыгановъ“? вотъ-на! цѣль поэзіи—поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого)“. Анненковъ приводитъ, со словъ, слышанныхъ имъ отъ Плетнева: „Только съ „Цыганъ“ почувствовалъ я въ себѣ призваніе къ драмѣ“. Несомнѣнно, что, начиная съ „Цыганъ“, Пушкинъ проявилъ способность, приводившую въ восторгъ Мериме и свойственную только великимъ драматургамъ: сосредоточивать бездну страсти въ наименьшемъ числѣ словъ: „je ne connais pas d'ouvrage plus tendre... pas un vers, pas un mot à retrancher, et cependant tout est simple, naturel“ (я не знаю произведенія болѣе нѣжнаго... Ни одного стиха, ни одного слова нельзя выбросить, а между тѣмъ все такъ просто, такъ естественно).

(Сравн. *Faguet*, Etudes littéraires dans le XIX siècle). Этюды о литературѣ XIX столѣтія). Драма и есть тотъ особенный родъ творчества, въ которомъ, при происходящихъ роковыхъ столкновеніяхъ между дѣйствующими лицами, сердце зрителя дѣлится между сталкивающимися противниками; не знаешь, на чью сторону склониться, сочувствуешь герою, видишь его ошибки и миришься съ его паденіемъ, — въ виду непреложности мірового порядка, съ его неизмѣнными, понятными разуму законами. Ошибка комментаторовъ Пушкина заключается въ томъ, что, по ихъ понятіямъ, міровой порядокъ отождествляется въ сознаніи Пушкина съ цыганскою моралью, между тѣмъ какъ правоученія старика-цыгана изображаютъ только бытовыя условія среды, въ которую вступилъ Алеко; они — только историческая подкладка и обстановка трагическаго дѣйствія. Вина Алеко — вовсе не въ томъ, что онъ окончательно не оцыганился до смѣшенія половъ; она заключается въ томъ, что, будучи культурнымъ человѣкомъ, онъ вступилъ въ невозможную для него среду, отрицающую и ярмо тяжелаго, ежедневнаго труда, и собственность, и осѣдлость, и любовь, какъ нѣчто отличное отъ моментальнаго полового влеченія, и чистоту семейныхъ нравовъ. Никогда въ дѣйствительной жизни Пушкинъ не ставилъ себѣ идеаломъ цыганскій образъ жизни. Въ пѣснѣ Алеко онъ могъ помѣстить слова, относящіяся къ сыну: „Нѣтъ, не преклонитъ онъ колѣнъ предъ идоломъ безумной чести“..., но самъ онъ былъ крайнимъ послѣдователемъ до конца этого культа чести, онъ жилъ и умеръ неисправимымъ Алеко. Я готовъ согласиться съ Аполлономъ Григорьевымъ, что Пушкина сгубила отдѣлившаяся отъ него стихія Алеко, то есть прирожденная страстность его натуры, — но коренная идея „Цыганъ“ вовсе не та. Если въ человѣкѣ замерли всѣ страсти, если онъ, такъ сказать, выхолощенъ, то будь онъ похожъ на цыганъ: „мы робки и добры душою“, — но онъ уже не человѣкъ. Такое полное омертвѣніе страстей невозможно даже въ цыганскомъ быту, и я удивляюсь, какъ не было обращено должное вниманіе на самое заключеніе поэмы, устраняющее всякую надежду полнаго блаженства человѣка даже и въ состояніи прир ды, даже и въ докультурномъ быту:

„Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны!
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ.
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ!“

Пушкинъ началъ писать поэму изъ однихъ личныхъ воспоминаній, а нежданно, негаданно, подъ рукою его выро с-

ла драма, о которой онъ отзывался въ 1825 г., въ письмѣ къ П. А. Вяземскому: „Я, кажется, писалъ, что мои „Цыгане“ никуда не годятся: не вѣрь, я совралъ; ты будешь ими очень доволенъ“. Эта драма знаменуетъ также и выходъ Пушкина изъ области байроновскаго вліянія, ибо у Байрона, какъ извѣстно, по субъективности его поэзіи, недоставало драматическаго дарованія, а въ драмѣ онъ воспроизводилъ только одно, и то—свое лицо. Обыкновенно, предѣльною чертою байроновскаго вліянія на Пушкина считаютъ отслуженную за упокой *болярина Георгія* панихиду въ Михайловскомъ, 7-го (19) апрѣля 1825 г., въ первую годовщину кончины поэта. Этотъ моментъ ознаменованъ былъ въ жизни Пушкина еще и увлеченіемъ, съ которымъ онъ погрузился въ изученіе Шекспира. Очень правдоподобно, что вліяніе Байрона продолжалось и послѣ того, хотя было слабѣе. Когда писался, въ 1825 году, осенью, въ деревнѣ „Графъ Нулинъ“, послѣ прочтенія шекспировской „Лукреціи“, „Нулинъ“, составляющій пародію на этотъ историческій эпосъ, то передъ Пушкинымъ носились несомнѣнно и „Беппо“, и „Донъ-Жуанъ“, и онъ усвоивалъ себѣ шуточную манеру Байрона въ этихъ поэмахъ. Есть еще, кромѣ того, одно произведеніе Пушкина—и самое крупное, которое не только исполнено воспоминаній о Байронѣ, но и зачато въ его духѣ: я говорю объ „Онѣгинѣ“. Къ этой поэмѣ я теперь и перейду.

VIII.

4-го ноября 1823 г., Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому: „Пишу романъ въ стихахъ, *въ родѣ Донъ-Жуана*“. Въ предисловіи къ изданному въ 1825 г. началу поэмы, сказано, что первая глава напоминаетъ „Беппо—шуточное произведеніе мрачнаго Байрона“. По своей первоначальной идеѣ, романъ долженъ былъ походить и на „Донъ-Жуана“ не только по своей формѣ, но и по сатирическому содержанію: „я захлебываюсь желчью—двѣ пѣсни уже готовы“ (Тургеневу, 1 декабря 1823 г.). „Раевскій искалъ романтизма, а нашелъ сатиру и цинизмъ, и порядочно не расчухалъ: это—лучшее мое произведеніе“ (брату Льву, январь 1824 г.). Годъ спустя, 21-го марта 1825 г. (письмо къ Бестужеву), Пушкина уже сердило усматриваемое всѣми подражаніе Байрону, и объ „Онѣгинѣ“ онъ уже твердилъ совершенно противное тому, что писалъ прежде: „Въ Донъ-Жуанѣ нѣтъ *ничего* общаго съ Онѣгинымъ. Гдѣ у меня сатира?—о ней нѣтъ и помина. У меня затрещала бы набережная отъ сатиры, еслибы я ея коснулся. Если сравнивать Онѣгина съ Донъ-Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и граціознѣе, Татьяна или Юлія?“ Оба заявленія одинаково искренни и правдивы. „Беппо“ и „Донъ-Жуанъ“ породили въ Пушкинѣ мысль и охоту написать нѣчто подобное изъ русской жизни. Рамка „Донъ-Жуана“ ши-

рокая, раздвижная и вмѣстительная; она была весьма удобна именно потому, что ни въ чемъ не стѣсняла фантазію автора и даже не требовала никакого цѣльнаго замысла, никакого связнаго содержанія, Поэма могла окончиться на десятой главѣ, или на двадцатой, или дойти до сотой. Она разросталась, какъ сосна или дубъ въ лѣсу, которые выдвигаются въ высоту, утолщаются и раскидываютъ вѣтви, по мѣрѣ того, какъ они живутъ, и измѣняютъ до неузнаваемости свой прежній видъ. Мы не можемъ даже и представить себѣ, во что бы обратился „Онѣгинъ", еслибы поэтъ послѣдовалъ совѣтамъ Плетнева и безчисленныхъ друзей, твердившихъ въ одинъ голосъ:

„Онъ живъ и не женатъ.
Итакъ, романъ еще не конченъ: это кладъ!
Въ его свободную, вмѣстительную раму
Ты вставишь рядъ картинъ, откроешь діораму"...

Во всякомъ случаѣ, плодовитость проявилась бы въ ущербъ замыслу и основному плану, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ осуществленъ послѣ подведенія самимъ Пушкинымъ итога рабочему времени, ушедшему на поэму: 7 лѣтъ 4 мѣсяца и 17 дней. Планъ этотъ крайне простой и даже до убожества бѣдный: молодая провинціалка влюбляется въ пріѣзжаго столичнаго льва, который осадилъ ее и прочелъ ей жестокую нотацію. Потомъ, когда она сдѣлалась блестящею великосвѣтскою дамою, онъ же самъ влюбился въ нее до безумія, но получилъ отъ нея крупную сдачу съ процентами—урокъ еще болѣе чувствительный для его самолюбія. Промежъ двухъ уроковъ проходитъ кровавою полосою ненужный, глупый, безтолковый поединокъ изъ-за пустяковъ между двумя сердечными друзьями, не оправдываемый даже тѣмъ, что онъ произошелъ ради „идола безумной чести". Мицкевичъ сдѣлалъ слѣдующій выводъ объ „Онѣгинѣ", какъ мнѣ кажется, вполнѣ основательный (Курсъ слав. литературъ): „en écrivant les premiers chapitres Pouschkine n'avait pas probablement d'idée arretée sur le dénouement, parce qu'il n'aurait pu écrire avec tant de tendresse, tant de naiveté et de force les amours des jeunes gens pour les terminer d'une manière aussi triste et aussi prosaique" (когда Пушкинъ писалъ свои первыя главы, онъ, вѣроятно, не имѣлъ опредѣленной мысли относительно развязки, потому что иначе онъ не могъ бы изображать съ такой нѣжностью, съ такой простотой и силой любовь молодыхъ людей, чтобы закончить ее такимъ печальнымъ и прозаическимъ образомъ). Вмѣсто имѣвшейся сначала въ *предметѣ* (говоря слогомъ того времени) сатиры нравовъ, мы получили не то fabliau, не то новеллу Боккачіо, не то comédie или proverbe изъ жизни россійскаго fashion или high life'a (высшаго свѣта)—во всякомъ случаѣ, довольно пустой сюжетъ, великолѣпнѣйшимъ образомъ написанный, вещь интересную не по замыслу, а потому, что она пред-

ставляетъ полную картину нравовъ извѣстной, въ даль отошедшей эпохи, родъ психологическаго склада, въ который поэтъ бросалъ безъ разбору и порядка все передуманное и пережитое въ теченіе семи съ половиною лѣтъ самаго богатаго, самаго могучаго творчества (1823—1831).

„Собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, *идеальныхъ*, *)
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, мелкихъ вдохновеній
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ“

Романъ сталъ, такимъ образомъ, автобіографіею, родомъ с nfessions для потомства, сочиненіемъ, въ которомъ Пушкинъ является не истолкователемъ чужихъ затѣй и причудъ, а „москвичемъ въ Гарольдовомъ плащѣ“ („Онѣгинъ“), который распахнулъ этотъ плащъ и стоитъ въ туфляхъ, бухарскомъ халатѣ и съ трубкою во рту. Само собою разумѣется, что въ такомъ видѣ Пушкинъ сдѣлался удобною мишенью для всѣхъ застрѣльщиковъ литературы, для всѣхъ подростающихъ поколѣній—и того, которое онъ собственными глазами видѣлъ изъ уцѣлѣвшихъ послѣ 14-го декабря ревнителей гражданственности:

„Едва опомнились младыя поколѣнья,
Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ;
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ...“

(Письмо къ вельможѣ Н. Б. Юсупову, 1830).

И того, позднѣйшаго, которое въ шестидесятыхъ годахъ жестоко осуждало своихъ предшественниковъ, людей сороковыхъ годовъ, за ихъ празднословіе и эстетику, за ихъ изнѣженность и неспособность къ простой черной работѣ, къ практическому труду, требующему мозолистыхъ рукъ и выносливости. Эти осужденія высказывались у насъ, по обыкновенію, въ самой рѣзкой и безусловной формѣ; они не встрѣчали своевременно при своемъ появленіи у насъ, какъ обыкновенно бываетъ, ни отпора, ни опроверженія; они прошли почти безслѣдно, не омрачивъ славы Пушкина, которая сіяетъ болѣе сильнымъ, нежели при жизни поэта, блескомъ. Въ этомъ хуленіи „Онѣгина“ всѣхъ превзошелъ Писаревъ, дошедшій до слѣдующихъ геркулесовыхъ столповъ прямолинейной критики въ духѣ утилитаризма: „Общій колоритъ поэзіи

---

*) Противъ этого выраженія протестуетъ Honegger въ Russische Litteratur und Cultur, Leipzig; 1880: „romantisch ist wohl die Dichtung, aber ideal in keinem Zuge“ (произведеніе это романтично, но ни въ какомъ случаѣ не идеально).

Пушкина —внутренняя красота человѣка, проводящаго жизнь въ праздности и посвящающаго досуги пищеваренію и созерцанію мраморныхъ боговъ, и лелѣющая душу гуманность въ отношеніи къ дѣтямъ небесъ, презирающимъ и топчущимъ въ грязь червей земли... Никто изъ русскихъ поэтовъ не можетъ внушить такого безпредѣльнаго равнодушія къ народнымъ страданіямъ, такого презрѣнія къ честной бѣдности и такого отвращенія къ честному труду, какъ Пушкинъ". Болѣе сдержанно, но въ сущности также неодобрительно отзывается объ „Онѣгинѣ" весьма почтенный критикъ Водовозовъ (Новая Русская Литература): „чтеніе Байрона и другихъ современныхъ писателей указало Пушкину какія то новыя требованія жизни.., но, оторванный отъ своей среды онъ не въ силахъ былъ освободиться отъ ея привычекъ; увлекаясь Байрономъ онъ все таки останавливался *на фразѣ*"... Всѣ эти отрицанія были бы умѣстны, еслибы поэма имѣла направленіе, еслибы, по замыслу автора, поэма должна была изображать „требованія жизни". Она отразила только эту жизнь, съ ея дремотою и лѣнью, съ ея пустотою, съ отсутствіемъ всякихъ серьезныхъ задачъ и интересовъ. Когда Онѣгинъ поутру...

„Отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ гору рѣкѣ", и
„Пѣвцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ",

то никакой вины его не было въ томъ, что его опыты плаванія происходили на мелкой рѣчонкѣ; дайте ему Геллеспонтъ—онъ, можетъ быть, переплылъ бы и настоящій Геллеспонтъ. А жизнь тогдашняя въ Россіи не представляла собою никакихъ Геллеспонтовъ,—живого дѣла не предстояло, само общество его чуждалось. Человѣкъ предъявляющій особыя требованія, расшибъ бы себѣ лобъ объ стѣну, или бѣжалъ бы, какъ Чацкій, ища, „гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ"—и прослылъ бы чудакомъ и опаснымъ сумасшедшимъ. Людямъ небоевого темперамента приходилось по-неволѣ услаждать свое скучное существованіе „созерцаніемъ мраморныхъ боговъ" и сохранять—въ этой единственно-возможной по тому времени, формѣ служенія отвлеченной наукѣ и чистому искусству—связь съ общимъ движеніемъ европейской мысли и отзывчивость на міровыя событія и явленія. Невѣрно было то, въ чемъ обвинялъ Писаревъ Пушкина и его современниковъ, будто „погрузившись въ созерцаніе мелкихъ, личныхъ ощущеній, они сдѣлались неспособными анализировать и понимать общественные и философскіе вопросы вѣка". Когда пришла пора реформъ, то явились и люди, способные рѣшать запутанные и сложные общественные вопросы. Долгое уединеніе отъ міра сего и пребываніе въ сферѣ отвлеченностей принесло, конечно, и вредныя послѣдствія. Реформаторы заскакивали на сто лѣтъ впередъ; учрежденія выкраивались шире, чѣмъ слѣдовало, не по

росту субъекта. Мы чурались эстетики и чистаго искусства ради практическаго дѣла, ради реформъ, и стоимъ нынѣ въ раздумьѣ на перекресткѣ, не зная—куда направиться. Талантами мы сильно оскудѣли, нашъ умственный уровень пониманія простѣйшихъ общечеловѣческихъ вопросовъ жизни понизился; нѣтъ у насъ идеаловъ ни эстетическихъ, ни этическихъ. Царитъ одинъ голый и до цинизма откровенный эгоизмъ, все равно—личный ли онъ, или національный. По мѣрѣ того, какъ выяснялось въ сознаніи наше огрубѣніе, возстановляется и репутація бывшихъ долгое время въ загонѣ людей сороковыхъ годовъ; надъ головами нашими выростаютъ они съ Пушкинымъ во главѣ. Въ пользу Пушкина, очищающимъ его отъ злословія доказательствомъ служитъ то, что всѣ великіе писатели слѣдующаго за нимъ періода, уже не ограничивавшагося „созерцаніемъ мраморныхъ боговъ", но посвященнаго настоящему дѣлу, начиная съ олимпійца Тургенева и до живописца нервныхъ страданій и истерики Достоевскаго,—происходятъ отъ Пушкина и провозглашаютъ его своимъ первоучителемъ. Что же касается до нареканій за эпикуреизмъ и квіетизмъ, то Пушкинъ подвергался этимъ нареканіямъ не одинъ,—та же самая судьба постигла и Гёте за его политическій индифферентизмъ. Курьезно то, что люди, поносящіе Пушкина за его сибаритство и неумѣніе стать на высотѣ Байрона въ уразумѣніи практическихъ требованій вѣка, попрекаютъ его и за тѣ его стихотворенія, въ которыхъ онъ изображаетъ высокое назначеніе поэзіи и священный почти характеръ поэта, между тѣмъ какъ это обоготвореніе поэта Пушкинымъ есть не что иное, какъ воспроизведеніе въ нѣсколько измѣненной, согласно его личному темпераменту, формѣ основной байроновской идеи, составляющей дурную и въ значительной степени вредную сторону его поэзіи, а именно, байроновскаго культа великихъ, геніальныхъ людей, для которыхъ никакой законъ не писанъ, ни положительный, ни чисто нравственный. Намъ приходится теперь остановиться на понятіяхъ Пушкина о значеніи и назначеніи поэта.

IX.

Пушкинъ сталъ поэтомъ съ малолѣтства,—и по настоящему призванію, по воспріимчивости къ поэтическимъ впечатлѣніямъ, и по наслажденію, испытываемому при созиданіи поэтическихъ образовъ. Съ самаго лицея, его и не интересовало ничто, кромѣ одной поэзіи. На тысячу ладовъ провозглашалъ онъ:—Я поэтъ!..

„Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ...
Подъ кровомъ вешнихъ розъ
Поэтомъ я возросъ" (1815; Батюшкову).
Я мирныхъ звуковъ наслажденья

Младенцемъ чувствовать умѣлъ...
И лира стала мой удѣлъ (1817; Дельвигу);
всего сильнѣе въ стихѣ Жуковскому (1817):
Благослови, поэтъ!....
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ
И лира мой удѣлъ".

Пушкинъ все въ мірѣ отдалъ бы за поэтическую славу:
„Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Безсмертію души моей
Безсмертіе моихъ твореній"... (1817; Илличевскому).

Собственно не сама слава влечетъ его неодолимо въ область поэзіи, а стремился онъ туда просто потому, что это была его естественная стихія:
„Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ какъ во снѣ
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей...
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ"
(Осень, 1830).

Читая произведенія Пушкина, писанныя еще до катастрофы 1820 г., изумляешься, сколько въ нихъ страдальческихъ звуковъ, унылыхъ и печальныхъ, при преобладающемъ, однако, общемъ настроеніи рѣзвой веселости,—и какъ великъ навыкъ поэта уединяться, переполняться звуками и смятеніемъ и бѣжать „на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубровы". Онъ прилѣплялся въ поэзіи, какъ къ единственному своему занятію, всѣми корнями души, какъ къ якорю, какъ къ средству, очищающему его отъ страстей и искупающему всякую скверну:
„Такъ сердце—жертва заблужденій
Среди порочныхъ упоеній
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство"...

Онъ только и живетъ въ этомъ элизіумѣ, съ его условными символами, съ его языческою миѳологіею, съ его излюбленными мечтами и героями, и настолько имъ преданъ сердцемъ, что знать не хочетъ уничтожающей ихъ правды; онъ отворачивается отъ дѣйствительности насколько она несхожа съ поэтическою легендою. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружилась уже эта анти-историческая черта въ поэтѣ. Еще въ лицеѣ онъ такъ опредѣлялъ назначеніе поэзіи.
„Гоните мрачную печаль,
Плѣняйте умъ *обманомъ*,
И милой жизни свѣтлу даль
Кажите за туманомъ".

Этому отношенію къ сухой, некрасивой дѣйствительности Пушкинъ былъ вѣренъ всю жизнь. Еще въ концѣ

1830 г. онъ писалъ въ „Героѣ“ (Наполеонъ)—съ эпиграфомъ: „Что есть истина?“:

„Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно. Нѣтъ!
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ“.

Съ молодыхъ лѣтъ и гораздо раньше катастрофы 1820 г., въ поэзію Пушкина—игривую, граціозную, по преимуществу эротическую, то-есть посвященную „наукѣ страсти нѣжной“, входятъ гражданскіе мотивы съ сильно-политическимъ, свойственнымъ тому времени оттѣнкомъ. На политическое воспитаніе поэта оказалъ, повидимому, громадное вліяніе Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ („единственный другъ“, „цѣлитель душевныхъ силъ“, „ты поддержалъ меня недремлющей рукой“ (Посланіе 1824 г.).

„Подъ гнетомъ власти роковой
Отчизны внемлемъ призыванья!
Мы ждемъ, съ томленьемъ ожиданья,
Минуты вольности святой“ 1818 г.),

конечно, въ видѣ громадно набѣгающаго откуда то извнѣ шквала. На сихъ „младыхъ вечерахъ“, въ „пророческихъ спорахъ“, лелѣялись вольнолюбивыя мечтанія и надежды, которыя помогъ Пушкину облекать въ поэтическую форму Андрей Шенье Вольность:

„Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго галла,
Кому сама средь славныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала“.

Всѣ эти произведенія отзываются манерою Шенье,—они слегка ходульны и важно напыщенны. Замѣчательно, что эту политическую поэзію Пушкинъ до конца жизни ставилъ себѣ въ главную заслугу, и что въ первоначальномъ наброскѣ „Памятника“ (1835 г.) онъ выразилъ, что тѣмъ-то именно и будетъ любезенъ онъ народу, что—„вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу (проповѣдывалъ освобожденіе крестьянъ) и милосердіе воспѣлъ“ (то-есть ходатайствовалъ за декабристовъ). Затѣмъ послѣдовало изгнаніе, знакомство съ поэзіею Байрона и увлеченіе имъ. Есть въ черновыхъ Пушкина одинъ набросокъ, относимый къ 1830 г. и писанный дантовскими терцинами (вспомнимъ, что Данта онъ изучалъ во время эрзерумскаго путешествія: „зорю бьютъ, изъ рукъ моихъ великій Данте выпадаетъ“), въ отрывкѣ изображены прельщавшіе когда-то поэта два бѣса: „Одинъ (дельфійскій идолъ)—былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной, и весь дышалъ онъ силой неземной. Другой — женоподобный, сладострастный, сомнительный и лживый идеалъ, волшебный демонъ—лживый, но прекрасный“. Со вторымъ

идоломъ Пушкинъ знакомъ былъ съ малолѣтства; первымъ идоломъ сдѣлался, вѣроятно, въ бурный періодъ изгнанія, Байронъ, которымъ Пушкинъ увлекся ради волевой силы, обрѣтавшейся въ Байронѣ въ великомъ изобиліи. Отъ Байрона перешелъ къ Пушкину и культъ героевъ, которые непремѣнно презираютъ людей и человѣчество въ своемъ сверхъестественномъ величіи, будь они Петръ Великій или Наполеонъ. Начальные стихи „Героя“ (1830) изображаютъ еще въ полномъ цвѣту это поклоненіе; ихъ можно назвать родственными по духу лучшимъ строфамъ (36—45) третьей пѣсни „Ч.-Гарольда“:

„Какъ огненный языкъ она (т. е. слава)
По избраннымъ главамъ летаетъ,
Съ одной сегодня исчезаетъ
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ,
Но намъ ужъ то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?“

Когда писался этотъ стихъ, „Героемъ“ по преимуществу былъ не кто иной, какъ Наполеонъ:

„Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирялися цари;
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари!“

Этотъ герой изображается чертами, не измѣнившимися съ 1823 г. и прямо заимствованными изъ написаннаго въ этомъ году отрывка:

„Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольности наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій, какъ сонъ, какъ тѣнь зари!“

Я не могу отнести поэтическое поклоненіе Пушкина Наполеону къ Байрону, какъ источнику сего поклоненія. Всѣ четыре славянскихъ поэта, которыхъ я изучаю — поклонники Наполеона, и въ этомъ отношеніи похожи на Байрона, но могли придти къ своему поклоненію совершенно различными путями, вслѣдствіе того, что жили въ эпохѣ, на которую падала тѣнь великаго историческаго лица, что великіе міровые политическіе дѣятели бываютъ закройщиками душъ и характеровъ человѣческихъ на многія послѣдующія поколѣнія.

„Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны,

писалъ Пушкинъ („Онѣгинъ“, II гл.),

Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно".

Не утверждаю, чтобы этотъ наполеонизмъ происходилъ отъ Байрона, хотя знакомство съ Байрономъ могло содѣйствовать его развитію (Ода „Наполеонъ" писана въ іюлѣ 1821 г., во время сильнѣйшаго увлеченія Байрономъ). Я полагаю, однако, что онъ не доходилъ въ Пушкинѣ до сознательнаго или безсознательнаго подражанія Наполеону. Между мною и лицомъ, которому я волею или неволею подражаю, должно быть извѣстное сходство въ натурахъ, совпаденіе моего метафизическаго „я", того, какимъ бы мнѣ хотѣлось быть, съ идеальнымъ „я" того моего образца, т.-е. съ образцомъ, какимъ онъ представляется въ сознаніи другихъ людей и моемъ. Въ Байронѣ современники усматривали, можетъ быть, безъ всякаго основанія, нѣкоторое сходство съ Наполеономъ, даже со стороны силы воли, энергичности характера, между тѣмъ какъ, при всей своей вспыльчивости и страстности, и при всѣми признаваемой геніальности,—Пушкинъ не импонировалъ никому; онъ былъ весьма горячо любимъ, но онъ считался человѣкомъ мягкимъ, добрымъ, легкимъ и подвижнымъ. Подобно Байрону, Пушкинъ не могъ не идеализировать самого себя, не могъ не претендовать на то, что онъ исключительно даровитая, избранная натура, что онъ не только поэтъ, но и общественный дѣятель, человѣкъ, не только доставляющій эстетическія наслажденія, но и вліяющій на народъ, движущій его, принимающій дѣятельное участіе въ его судьбахъ. Скорѣе всего Пушкинъ могъ себя идеализировать въ своемъ званіи поэта—и только поэта. Во всякомъ творчествѣ есть элементъ непроизвольнаго вдохновенія, того „тайнаго холода", который „власы подъемлетъ на челѣ" (Жуковскому),—той невѣдомой силы, которая наполняетъ душу образами и звуками и заставляетъ ее потомъ изливаться въ стихахъ. Сотни разъ преклонялся Пушкинъ передъ чѣмъ-то, навѣщающимъ его, таинственнымъ и божественнымъ, передъ которымъ самъ онъ, какъ человѣкъ—ничто, и которому онъ покорный слуга и вѣрный жрецъ: „Какой-то демонъ обладалъ моими играми, досугомъ... мнѣ звуки дивные шепталъ" (Разг. книгопродавца съ поэтомъ, 1826); или:

„Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ" (1827 г.)...

Въ варіантѣ къ „Родословной моего героя" (1833 г.) записано:

„Зачѣмъ крутится вихрь въ оврагѣ"...
„Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ угрюмъ и страшенъ?
Зачѣмъ арапа своего
Младая любитъ Дездемона?..
Затѣмъ, что вѣтру и орлу,
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.

Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
И для тебя закона нѣтъ".

Отыскивая основаніе для своего прирожденнаго избранничества, которое онъ въ себѣ сознавалъ, подобно Байрону, Пушкинъ находилъ его, по особенностямъ своего темперамента, въ непроизвольномъ, внезапно иногда навѣщающемъ его вдохновеніи, которое онъ и обоготворилъ, а самого себя, свое личное „я", онъ считалъ только вмѣстилищемъ этого божества. Идя по этой стезѣ, онъ естественнымъ образомъ наталкивался и на античное представленіе о „sacer vates", и на примѣры ветхозавѣтныхъ пророковъ. Извѣстно, что въ 1824 г. въ Михайловскомъ онъ былъ религіозно настроенъ и писалъ подражаніе Корану; онъ домогался настойчиво присылки ему Библіи, которую съ тѣхъ поръ не переставалъ изучать вплоть до 1834 г., разумѣется, преимущественно съ ея поэтической стороны. Плодомъ этого усидчиваго чтенія Библіи и явилась передѣлка 6-й главы книги пророка Исаіи: „и посланъ бысть ко мнѣ одинъ изъ серафимовъ, и въ руцѣ своей имяше угль горящъ, его же клещами взятъ отъ алтаря",—передѣлка, озаглавленная „Пророкъ", о которой сложилась даже цѣлая легенда, и съ которою комментаторы Пушкина возятся, какъ не только съ красивѣйшимъ, но и съ глубокомысленнѣйшимъ созданіемъ поэта, опредѣляющимъ задачи и высокое назначеніе поэзіи. Позволю себѣ оспорить и легенду, и самую критику.

X.

Легенда гласитъ, что когда Пушкинъ привезенъ былъ 8-го сентября 1826 г. съ фельдъегеремъ прямо въ Чудовъ дворецъ къ государю, въ дорожномъ костюмѣ, то при немъ были опаснаго свойства стихи, которые онъ обронилъ случайно на лѣстницѣ, но нашелъ, возвращаясь по ней. Ходили слухи, что то было „Посланіе въ Сибирь къ декабристамъ"— но декабристы были въ то время еще только на пути въ Сибирь. — С. А. Соболевскій кому-то разсказывалъ (Ефремовъ, Жизнеописаніе Пушкина, въ „Р. Старинѣ", 1880 г., № 1), и г. Пятковскій передаетъ со словъ умершаго сенатора Веневитинова, что оброненные стихи содержали „Пророка" въ томъ видѣ, въ какомъ онъ появился въ 1828 г. въ „Московскомъ Вѣстникѣ", № 3, но съ прибавкою заключительной строфы, сохранившейся только въ изустномъ преданіи:

„Возстань пророкъ, пророкъ Россіи!
Позорной ризой облекись
И съ вервьемъ вкругъ смиренной выи
Къ (царю россійскому) явись!"

Подать эти стихи поэту не пришлось, потому что они были бы поданы только въ случаѣ неблагопріятнаго резуль-

тата его представленія государю („Русская Старина“, 1880, № 3). Черновой „Пророка“ нѣтъ въ рукописяхъ Пушкина въ Румянцевскомъ Музеѣ (Описаніе рукописей Пушкина Якушкинымъ, „Р. Старина“, 1884 г.). Не имѣя права выѣзда изъ имѣнія, Пушкинъ не могъ и помышлять о томъ, что онъ вскорѣ предстанетъ передъ лицо государя. Увезенный фельдъегеремъ, онъ не могъ догадываться, что его повезутъ въ Чудовъ дворецъ. Строфа, сохранившаяся въ устномъ преданіи, не могла быть заключительною, такъ какъ она оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи, зачѣмъ имѣлъ явиться и что имѣлъ сказать этотъ съ вервьемъ на шеѣ человѣкъ въ своемъ, совсѣмъ необычномъ по нашему времени, костюмѣ, и со своими, весьма мало понятными, библейскими рѣчами? Въ данныхъ условіяхъ его поступокъ сильно походилъ бы на выходку помѣшаннаго. Вспомнимъ еще, что либеральный бредъ прошелъ у Пушкина еще въ то время, когда онъ писалъ „Сѣятеля“, что въ январѣ 1826 г. онъ уже непремѣнно желалъ помириться съ правительствомъ. Онъ не былъ заодно съ декабристами, — онъ только скорбѣлъ о нихъ. У него не могло быть въ запасѣ никакихъ „жгучихъ глаголовъ“, коль скоро отъ милостивыхъ словъ государя онъ мгновенно раскаялся и сдѣлался на остальную жизнь человѣкомъ, не противнымъ правительству.

Что касается до внутренняго смысла „Пророка“, то въ цѣломъ стихотвореніи нѣтъ никакого намека на то, чтобы подъ этимъ словомъ Пушкинъ подозрѣвалъ не пророка, а поэта. Мы имѣемъ передъ собою настоящаго пророка, но только немного преобразованнаго въ томъ смыслѣ, что ветхозавѣтный пророкъ, имѣющій видѣнія и отъ самого Бога получающій непосредственно приказанія, не нуждался въ угадываніи, посредствомъ нѣкотораго рода ясновидѣнія, процессовъ жизни и законовъ природы, что онъ могъ и не ощущать и

„...неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье“.

Я не нахожу, чтобы очень удачна была замѣна очищенія устъ стихіею огня—горящимъ углемъ, превращеніемъ языка въ жало змѣи, потому что жаломъ можно только жалить, а не жечь, притомъ жало считаемой особенно хитрою, а потому и мудрой змѣи—во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія миѳа, лукавѣе языка человѣческаго.—Не очень удачна и другая замѣна трепетнаго, то-есть чувствующаго сердца—пылающимъ огнемъ.—Нельзя, однако, не признать, что модулизированный Пушкинымъ пророкъ, не пользующійся лицезрѣніемъ Господа, но одаренный широкимъ пониманіемъ природы и пламеннымъ сердцемъ, довольно близко подходитъ къ представленію о поэтѣ, съ тою разницею, что про-

рока проникаетъ насквозь воля божества, что, ею полный, онъ обходитъ моря и земли, прожигая сердца людей, а на поэта нисходитъ иногда, невѣдомо какъ и откуда, въ видѣ вдохновенія, тотъ же „божественный глаголъ". Это сближеніе пророка и поэта—и этотъ въ поэтѣ священный характеръ жреца и помазанника вдохновенія—усиливаются постепенно въ Пушкинѣ, по мѣрѣ того, какъ публика охладѣваетъ къ нему, и какъ она отказывается признавать его своимъ руководителемъ и моральнымъ вождемъ, то-есть по мѣрѣ того, какъ онъ уединяется, уходя въ область чистаго и отвлеченнаго отъ жизни искусства, созидая произведенія весьма красивыя и замѣчательныя по техникѣ и формѣ, но не имѣющія никакого отношенія къ „злобѣ дня", и потому мало интересующія публику. Пушкинъ дорожилъ популярностью, скорбѣлъ о томъ, что она отъ него ускользала. Съ гнѣвнымъ чувствомъ царя, негодующаго противъ своихъ отложившихся подданныхъ, онъ выстрѣлилъ въ нихъ своимъ негодующимъ „Ямбомъ" или „Чернью" (1828 г.), въ которомъ ставится въ невозможной формѣ неразрѣшимая дилемма по вѣчно открытому и нескончаемому вопросу о тенденціозности въ искусствѣ: либо—мое безусловное право властвовать надъ умами въ силу того, что я великій поэтъ; либо—мое безусловное вамъ подчиненіе, мое рабство, мое угодничество всѣмъ вашимъ похотямъ и инстинктамъ.—Съ одной стороны толпа ропщетъ:

„Какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна,
Зато, какъ вѣтеръ, и безплодна...
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй..
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя".

Съ другой стороны, избранная натура, поэтъ, выходитъ изъ себя и не учитъ, а бранитъ:

„Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!..
Подите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ?
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ—рабовъ бездушныхъ!"...

Поэтъ, очевидно, дѣлаетъ натяжку. Вопросъ имъ плохо поставленъ, потому что никто не понуждаетъ жрецовъ бросать алтари и жертвоприношеніе и итти мести соръ съ улицъ; но никто также не властенъ приневоливать толпу, чтобы она насильно участвовала въ таинствахъ и жертвоприношеніяхъ, нѣжила грубый слухъ нѣжными звуками или справляла жертвы, можетъ быть, тому же самому лживому богу—фи-

никійскому Адонису, о которомъ самъ Пушкинъ когда-то писалъ: „волшебный демонъ, лживый, но прекрасный“.— Если въ „Черни“ Пушкинъ изобразилъ изъ себя нѣкоторымъ образомъ короля Лира, сошедшаго съ престола и скитающагося по полю во время бури,—то, съ другой стороны, критики шестидесятыхъ годовъ, съ Писаревымъ во главѣ, представляютъ собою, въ своемъ пуританскомъ озлобленіи и утилитаризмѣ, родъ республиканскаго конвента, принявшагося судить новаго Людовика XVI, подводя Пушкина подъ свой общій для всѣхъ этическій топоръ... Отъ своихъ высокомѣрныхъ требованій и гордыхъ словъ самъ Пушкинъ отступился въ 1830 г. (1 іюля), въ сонетѣ „Поэтъ“, въ которомъ онъ является уже не гнѣвнымъ королемъ Лиромъ, а смирнымъ княземъ-изгнанникомъ, ушедшимъ, съ немногими оставшимися ему вѣрными придворными, въ Арденнскій лѣсъ, въ шекспировской комедіи: „As you like it“, или какъ успокоившійся Просперо на своемъ острову въ „Бурѣ“.— Поэтъ и толпа окончательно разведены; каждый остается самъ у себя и по себѣ.

„Поэтъ! не дорожи любовію народной!
Ты царь: живи одинъ,...
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ.
Ты самъ твой высшій судъ..
Пускай твой трудъ толпа бранитъ
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ!“

Но и сонетъ 1830 г. не представляетъ собою окончательно опредѣлившагося идеала поэта, то-есть собственно личнаго идеала, его собственнаго я. Бывали счастливыя минуты въ самыхъ послѣднихъ годахъ его существованія, въ которыхъ онъ слагалъ съ себя все извнѣ пришедшее, напускное, ходульное, разоблачался, позабывалъ совсѣмъ свой санъ, свое интеллектуальное избранничество, становился дѣтски простъ и естественъ, и бѣжалъ рѣзвиться или, какъ выражаются французы—faisait l'école buissonière. Въ немъ не замѣчалось тогда никакихъ уже признаковъ важнаго жреца или помазанника поэзіи, но зато имъ достигаемо было высочайшее благо человѣка: полная душевная свобода и независимость. Таковъ онъ былъ еще въ 1822 г. въ „Тавридѣ“:

„Покойны чувства, ясенъ умъ,
Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ волненье...
Вездѣ мнѣ слышенъ тайный голосъ
Давно затеряннаго счастья“.

Таковъ онъ былъ и послѣ женитьбы, когда писалъ женѣ: „На свѣтѣ счастья нѣтъ,—а есть покой и воля“. Таковъ онъ въ дивномъ своемъ, оригинальномъ стихотвореніи, подложно имъ приписанномъ итальянскому поэту Пиндемонте: „*Изъ VI Пиндемонте*“,—одномъ изъ лучшихъ его

произведеній [1]).—Въ этомъ послѣднемъ, по времени начертанія, идеалѣ поэта—не скажу: наивысшемъ, но во всякомъ случаѣ наиболѣе подходящемъ къ темпераменту Пушкина—не видно уже ни малѣйшихъ признаковъ байронизма.

Сводя итоги сказанному по избранному мною предмету, я заключаю мое изслѣдованіе слѣдующими выводами. Несмотря на несходство натуръ Байрона и Пушкина, вліяніе Байрона было сильное, но преходящее, — подобное слѣду камня, брошеннаго въ воду, и представляющемуся въ видѣ расходящихся круговъ, теряющихъ явственность по мѣрѣ удаленія ихъ отъ центра. Всей глубины байроновскаго отрицанія Пушкинъ не постигъ, а нѣкоторые внѣшніе пріемы Байрона усвоилъ. Съ теченіемъ времени вліяніе Байрона на Пушкина перекрещивалось съ подобными же расходящимися кругообразно струйками на поверхности отъ Шекспира, отъ Данта, отъ другихъ поэтовъ и отъ событій. Въ концѣ концовъ, это вліяніе, въ совокупности съ этими, иного происхожденія, слѣдами перешло въ легкую, трудно уловимую зыбь. Бывали времена, когда поэтъ отъ этого вліянія совсѣмъ освобождался, —и тогда онъ былъ вполнѣ независимъ, своеобразенъ, какъ тѣ причудливыя созданія народной или шекспировской фантазіи — воздушный сильфъ, игривый Пукъ или—безподобный Аріель.

---

[1]) „. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! вотъ права!“

Байронизмъ Лермонтова.

I.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ (род. 20-го октября 1814 г.) былъ всего 14-ю годами съ небольшимъ моложе Пушкина, а пережилъ только на четыре съ половиною года своего великаго предшественника (29-го янв. 1837 и 15-го іюля 1841); но онъ и выросъ, и сложился при иныхъ условіяхъ, въ иную эпоху политической и общественной жизни, въ атмосферѣ болѣе суровой, менѣе располагающей къ гуманности и къ прогрессу. Великая національная побѣда 1812 г., воодушевившая и сблизившая всѣ сословія, главнымъ образомъ пошла въ прокъ однимъ высшимъ общественнымъ слоямъ; сельское населеніе, проявившее себя живою силою, оставалось придавленнымъ всесильнымъ еще крѣпостнымъ правомъ. Тяготѣніе высшихъ слоевъ общества къ французской литературѣ и культурѣ продолжалось по старымъ преданіямъ XVIII вѣка, такъ что въ этомъ отношеніи декабристы шли по стопамъ образованныхъ людей Екатерининскаго вѣка и бойцовъ 1812 г., носившихъ французскія книжки въ походныхъ ранцахъ. Послѣ побѣды надъ Наполеономъ не зачѣмъ было отрѣшаться и отъ европеизма, который пересталъ быть грозою, но съ русской точки зрѣнія этотъ европеизмъ послѣ 14-го декабря 1825 года былъ уже двойнымъ: съ одной стороны, поднимали головы и сплочивались всѣ раздавленные французскою революціей элементы,—они тянули назадъ, въ средніе вѣка; съ другой же стороны стояло все новое, вольнолюбивое, держащееся крѣпко принциповъ 1789 г., но представляющее себѣ свободу въ видѣ внезапно налетающей бури.—Событіе 14-го декабря, заставшее Лермонтова еще мальчикомъ, имѣло то послѣдствіе, что у русскаго европеизма отсѣченъ былъ одинъ корешокъ, и общество осталось только при другомъ — при европеизмѣ консервативномъ, легитимистическомъ, главнымъ оплотомъ котораго въ царствованіе императора Николая сдѣлалась Россія. Внѣшняя обстановка жизни будничной была какъ будто европейская, до мелочей, до обязательной стрижки волосъ и бритья бороды для дворянъ и служащихъ, до подозрительнаго отношенія ко всѣмъ ищущимъ сближенія съ простымъ народомъ славянофиламъ; но всякіе помыслы объ

измѣненіи тяжелыхъ патріархальныхъ формъ родного быта преслѣдовались строго, и связь съ европейскою жизнью поддерживалась главнымъ образомъ только посредствомъ одной легкой литературы, или такъ-называемой беллетристики. Укажемъ еще на одну особенность того времени: сильное господство военнаго духа, преобладаніе военнаго элемента надъ гражданскимъ въ общественномъ строѣ, представленіе объ обществѣ какъ о колоссальномъ механизмѣ, въ которомъ всѣ отправленія могутъ быть совершаемы по командѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на воспитаніи Лермонтова отразились слѣды этой военной эпохи. Онъ не могъ кончить образованія въ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ потому, что пансіонъ былъ закрытъ 29-го марта 1830 г., послѣ посѣщенія его государемъ, который былъ направленіемъ его недоволенъ. Не вполнѣ выяснено, какія обстоятельства заставили Лермонтова выйти и изъ московскаго университета и поступить, 10-го ноября 1832 г., въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Впрочемъ, поступилъ онъ въ эту школу по доброй своей волѣ: aprés avoir tout sacrifié à mon ingrate idole (литературѣ), voilà que je me fais guerrier (принеся столько жертвъ своему неблагодарному идолу, я сталъ теперь воиномъ) (письмо 1832 г.). Онъ сознательно покинулъ литературныя занятія для военщины, обрекая себя на „deux pénibles années“ (два тяжелыхъ года). Оказалось, что эти годы были не только тяжелые, но и ужасные: j'ai sauté deux années terribles...(двухъ страшныхъ годовъ какъ будто не бывало) (письмо въ декабрѣ 1835). Изъ школы вынесъ Лермонтовъ „Петергофскій Праздникъ“, „Уланшу“ и другія стихотворныя шалости скабрёзнаго свойства, которыми онъ прославился, прежде нежели огласилось его серьезное поэтическое дарованіе. При выходѣ изъ школы онъ явилъ себя лихимъ удальцомъ, отчаяннымъ кутилою, блестящимъ, хотя неаккуратнымъ офицеромъ: Si vous saviez la vie que je me propose de mener. D'abord des bizarreries, des folies de toute espéce et de la poésie noyée dans du champagne. Il me faut des plaisirs matèriels, un bonheur palpable, un bonheur qui s'achète avec de l'or, que l'on porte dans sa poche comme une tabatière, un bonheur qui ne fait que tromper mes sens en laissant mon âme tranquille et inactive. (Если бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести!... Вопервыхъ, чудачества, шалости всякаго рода, и поэзія, залитая шампанскимъ... Мнѣ нужны чувственныя наслажденія, счастье осязательное, такое счастье, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи мою душу...) (письмо 3-го авг. 1833). Прежде чѣмъ заглянуть въ самое нутро этой безпокойной души, этого сложнаго и загадочнаго характера, слѣдуетъ выдѣлить изъ его поэзіи все второстепенное и случайное и отодвинуть на задній планъ стихіи политическую и общественную, которыя вообще занимали у него мало мѣста.

II.

Лермонтовъ былъ юношей, не напечатавшимъ ни одной строки, когда въ Европѣ случились два событія, вызвавшія политическій антагонизмъ между Россіею и западною Европою: 1) іюльская революція и 2) возможность вмѣшательства Европы во внутреннія дѣла Россіи по случаю вспыхнувшаго 17-го (29-го) ноября 1830 г. польскаго мятежа. Лермонтовъ вполнѣ сочувствовалъ Жуковскому и Пушкину, издавшимъ сборникъ патріотическихъ стиховъ. Находясь еще въ школѣ (1834), онъ парафразировалъ стихъ „Клеветникамъ Россіи" въ отрывкѣ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воспроизводитъ подлинныя слова Пушкина, прямо указывая на источникъ:

„Опять, народные витіи,
Опять, шумя, возстали вы"...

Отрывокъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ опредѣляетъ тогдашній взглядъ на Пушкина какъ Лермонтова, такъ и нѣсколько охладѣвшей къ поэту русской публики:

„Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ
Отъ продолжительнаго сна"...

По времени написанія нѣсколько запоздалое, стихотвореніе Лермонтова выражаетъ, однако, по тону своему неизмѣнившееся до смерти его отношеніе къ своему правительству, какъ русскаго и какъ дворянина:

„...вамъ обидна
Величья нашего заря,
Вамъ солнца Божьяго не видно
За солнцемъ русскаго царя...
Мы чужды ложнаго стыда,
Такъ нераздѣльны въ дѣлѣ славы
Народъ и царь его всегда...
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь его, какъ за свою!"

Чувства національнаго коллективизма имѣли у Лермонтова еще болѣе яркую окраску, чѣмъ у Жуковскаго и у Пушкина, и не лишены мечтаній и надеждъ—такихъ же, какія питаемы были славянофилами. Въ „Измаилъ Беѣ" (1832) поэтъ обращается такимъ образомъ къ черкесу:

„Смирись, черкесъ! и Западъ, и Востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ.
Настанетъ часъ, и скажешь намъ надменно:
Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!
Настанетъ часъ, и новый грозный Римъ
Украситъ Сѣверъ Августомъ другимъ".

Политическія надежды состояли въ ближайшей связи съ убѣжденіемъ Лермонтова объ упадкѣ и гниломъ состояніи Запада. Скорѣе передѣлывая, нежели переводя (въ 1836 г.) „Умирающаго гладіатора" Байрона (4-я пѣснь „Чайльдъ-Га-

рольда“), Лермонтовъ заканчиваетъ стихотвореніе такимъ образомъ:

„Не такъ ли ты, о европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ...
Къ могилѣ клонишься безславной головой
Безъ вѣры, безъ надеждъ...
И предъ кончиною ты взоры обратилъ
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ“... (2 го
[февр. 1836)..

Вспомнимъ, что и въ „Измаилъ-Беѣ“ (1832) герой поэмы
„Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной зараженъ!“

Спрашивается: для человѣка, тяготящагося этимъ будто бы подобострастнымъ отношеніемъ къ Западу, какой же представляется возможный выходъ? Говорятъ нынѣ: вернуться домой, назадъ, можетъ быть даже въ до-Петровскую Москву. И эта мысль мелкала у Лермонтова еще въ 1831 году, когда онъ, въ драмѣ: „Странный человѣкъ“, влагалъ въ уста студентамъ слѣдующ'я рѣчи: „Господа! когда-то русскіе будутъ русскими?—Когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ просвѣщаться и образовываться снова-здорово“ (4 я сцена). Наконецъ, въ неизданной при жизни Лермонтова поэмѣ его: „Сашка“, писанной вѣроятно въ 1838 году (статья профессора Висковатаго въ 1-ой книжкѣ „Русской Мысли“ за 1882 годъ), есть одно мѣсто (строфы 147-я и 148-я), которое въ то время и напечатаннымъ быть не могло, и какъ будто бы теперь только сочинено, когда близится, повидимому, пора не очень сердечнаго разставанія съ ближайшими учителями...

„Искать чиновъ, мирясь съ людскимъ презрѣньемъ,
И поклоняться нѣмцамъ до конца...
И чѣмъ же нѣмецъ лучше славянина?
Не тѣмъ ли, что, куда его судьбина
Ни кинетъ, онъ вездѣ себѣ найдетъ
Отчизну и картофель?
...вотъ народъ!
За сильныхъ всюду, всѣмъ за деньги служитъ,
Слабѣйшихъ давитъ, бьютъ его—не тужитъ...“ и т. д.

Я долженъ прибавить, что Лермонтовъ не долюбливаетъ однихъ только нѣмцевъ, что къ французамъ онъ расположенъ еще по старому дворянскому преданію Екатерининскихъ и Александровскихъ временъ, хотя считаетъ онъ ихъ народомъ довольно легкомысленнымъ; наконецъ, что Лермонтовъ во всю свою жизнь былъ пламеннымъ обожателемъ Наполеона. Нѣтъ надобности искать источниковъ этого поклоненія въ томъ, что еще на родинѣ, въ Тарханахъ, Лермонтова обучалъ въ качествѣ гувернера полковникъ Наполеоновской

гвардіи Жандро́ (Gendroz), ни въ томъ, что Лермонтовъ заразился этимъ сочувствіемъ отъ Байрона или отъ Пушкина. Оно было въ духѣ той эпохи, среди которой и слагалась Наполеоновская легенда, кончившаяся мелкимъ образомъ и грязно-печальнымъ эпизодомъ второй имперіи. Замѣчательны логическія основанія этого поклоненія Наполеону у Лермонтова, — они существенно отличны отъ Байроновскихъ. Байронъ относился къ Наполеону гораздо болѣе критически; онъ восхищался геніемъ Напелеона, но укорялъ его за отступничество отъ началъ французвкой революціи, за неслѣдованіе по той стезѣ, которую проложилъ за-атлантическій Цинциннатъ. Байронъ помирился съ Наполеономъ только послѣ его паденія, изъ ненависти къ шакаламъ, терзавшимъ издыхающаго льва.—Иного рода энтузіазмъ Лермонтова. Въ стихѣ „Св. Елена“, 1831 г. Наполеонъ названъ: „жертва вѣроломства и рока прихоти слѣпой“.—Почти то же повторено, въ 1841 г., въ „Послѣднемъ Новосельѣ“ (I, 135), въ которомъ поэтъ попрекаетъ „жалкій и пустой народъ“ тѣмъ, что:

„Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его“...,

„отмѣченнаго божественнымъ перстомъ“, того, который „васъ одѣвалъ въ ризу чудную могущества и славы“... Этотъ своеобразный взглядъ—не европейскій, а чисто-русскій. Онъ выражаетъ отношеніе къ предмету человѣка, воспитаннаго въ обществѣ, которое по исторической формулѣ своего развитія требуетъ сильной власти, беззавѣтно предано не идеямъ, а лицамъ, и способно совершать величайшіе подвиги подъ мощнымъ руководствомъ великаго вождя (Петръ Великій). Всѣ другія вины французовъ поставлены имъ на видъ только для счету,—напримѣръ, что они „потрясали власть избранную (кѣмъ?) какъ бремя“; что Наполеонъ ихъ спасъ, когда они погибали отъ того, что рубили сплеча „всѣ старинныя отцовскія повѣрья“. Какъ маловажны были въ сущности для Лермонтова эти повѣрья, или преданія, это ясно обнаруживается изъ трехъ послѣднихъ стиховъ „Гладіатора“, обращенныхъ къ отживающему европейскому міру:

„Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья,
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны“...

Конечно, въ качествѣ поэта-романтика, Лермонтовъ мысленно переносился иногда въ средніе вѣка и искалъ въ нихъ подходящей обстановки для своихъ произведеній, но внѣ того онъ скорѣе смотрѣлъ на средніе вѣка какъ современный и притомъ какъ русскій человѣкъ, съ точки зрѣнія московскихъ западниковъ сороковыхъ годовъ, очень довольныхъ тѣмъ, что среднихъ вѣковъ въ Россіи не было, что ея исторія—бѣлый листъ бумаги, на которомъ будущность запишетъ нѣчто немечтаемое, даже и нечаемое, но безконечно

великое. Вотъ что записано карандашомъ и обведено чернилами въ записной книжкѣ, подаренной Лермонтову, при отправленіи его на Кавказъ 13-го апрѣля 1841 г, княземъ В. Одоевскимъ: „У Россіи нѣтъ прошедшаго: она вся въ настоящемъ и будущемъ. Еруслапъ Лазаревичъ сидѣлъ сидпемъ двадцать лѣтъ и спалъ крѣпко“.. а потомъ проснулся и пошелъ побивать королей и богатырей - такова Россія! — Въ ближайшей связи съ такою нигилистическою философіею русской исторіи состоитъ и любовь Лермонтова къ родинѣ, которую онъ и самъ называетъ „странною“:

„Люблю отчизну я, но странною любовью...
Ни слава купленная кровью,

(внѣшнія побѣды Россіи со временъ Петра Великаго),

Ни полный гордаго довѣрія покой,

(импонирующая Европѣ внѣшняя политика императора Николая)

Ни темной старины завѣтныя преданья
(идеалы славянофиловъ)
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю, за что, не знаю самъ,
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ...“ и т. д.
„И въ праздникъ вечеромъ росистымъ
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топотомъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ“. (1841 г.).

Что касается до двухъ удѣляемыхъ Лермонтовымъ Россіи въ его записной книжкѣ категорій времени: *настоящее* и *будущее*, то только послѣднимъ могутъ вдоволь и безгранично наслаждаться всякіе люди, а слѣдовательно, и русскіе XIX вѣка. Относительно перваго, то-есть *настоящаго*, не могло не радовать русскихъ уваженіе, которымъ Россія пользовалась за границею, благодаря твердой международной политикѣ правительства, но это настоящее сильно сжимало отдѣльную личность, держало ее въ тискахъ, не давало пищи никакимъ идеальнымъ потребностямъ и стремленіямъ. Мучительную тяжесть этого историческаго момента испыталъ на себѣ Лермонтовъ—одна изъ самыхъ непокладистыхъ и безпокойныхъ натуръ, какія когда-либо существовали. Недавно въ „Русской Старинѣ“ за 1887 г., № 12, помѣщены стихи Лермонтова передъ отъѣздомъ въ 1837 году на Кавказъ:

„Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, имъ преданный народъ!

Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
Укроюсь отъ твоихъ вождей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышащихъ ушей".

Уродливыхъ условій общежитія Лермонтовъ не изслѣдовалъ, причинъ зла даже и не искалъ, борьбы съ существующимъ и преобразованій не замышлялъ. Многое изъ нечистотъ, которыми было заражено тогдашнее общество, прилипло къ нему и срослось съ его личностью, но онъ успѣлъ выразить скорбь одинокой души, влекомой полусознательнымъ порывомъ къ иному, лучшему бытію, съ такою правдою и захватывающею силою, что, умирая въ 28 лѣтъ, онъ уже былъ первоклассньмъ поэтомъ, единственнымъ великимъ поэтомъ Николаевской эпохи (Пушкинъ есть преимущественно поэтъ Александровскаго періода). Недавно профессоръ В. Ключевскій (№ 2 „Русской Мысли" за 1887 г.), въ своей блистательной статьѣ: „Онѣгинъ и его предки", старался провести остроумную мысль, что въ „Онѣгинѣ" Пушкинъ изобразилъ не себя и не свой идеалъ, что „Онѣгинъ" скорѣе—романъ сатирическій, что въ немъ изображенъ былъ типъ—уже въ то время вымиравшій — человѣка, оторваннаго отъ почвы, старающагося стать своимъ между европейцами и становящагося только чужимъ между своими, человѣка ненужнаго, культурнаго межеумка, преданнаго только развлеченію, не имѣющаго понятія о трудѣ и долгѣ. По системѣ Ключевскаго выходило бы, что Лермонтовъ—если не потомокъ Онѣгина, то по крайней мѣрѣ младшій братъ его. Лермонтовъ былъ несомнѣнно человѣкъ безпочвенный, разобщенный со средою, что и служило причиною его тоски и пессимизма. Судьбы Лермонтова обнаруживаютъ, однако, парадоксальность главнаго положенія въ выводѣ Ключевскаго, что Онѣгины были будто бы люди вымирающіе и лишніе. Они до извѣстной степени не переставали представлять собою соль земли.—Мнѣ приходится теперь прослѣдить главныя событія въ жизни Лермонтова, чтобы рѣшить, легко ли было человѣку того времени, имѣющему идеальные порывы, найти для себя подходящую работу въ практической жизни.

III.

Представимъ себѣ богатый барскій домъ въ одномъ изъ дальнихъ провинціальныхъ захолустій. Вся жизнь въ этомъ домѣ устроена на крѣпостной подкладкѣ; она держитъ барича внѣ всякихъ заботъ о трудѣ и о хлѣбѣ насущномъ. Баричъ почти сирота, но его балуетъ шестидесятилѣтняя бабка—Мароа Посадница, какъ ее называли позднѣйшіе товарищи-юнкера. Она ни въ чемъ не отказывала внуку, который уже въ 7 лѣтъ умѣлъ „прикрикнуть на лакея и улыбнуть-

ся съ презрѣніемъ на низкую лесть ключницы" (Отрывокъ изъ начатой повѣсти). Бонна у мальчика—нѣмка, гувернеры—иностранцы. Отъ общенія въ дѣтствѣ съ мужицкими ребятами изъ дворни осталось въ мальчикѣ, когда онъ выросъ, состраданіе къ „своимъ рабамъ", горячо прочувствованное сознаніе несправедливости ихъ положенія, поминутно вспыхивающее въ юношескихъ произведеніяхъ Лермонтова до поступленія его въ юнкерскую школу (Menschen und Leidenschaften; восклицаніе Владиміра Арбенина въ „Странномъ человѣкѣ" (сцена 5-ая): „О, мое отечество, мое отечество!"—Отецъ Арбенина (сцена 7-ая) говоритъ: „пускай графскіе сынки проматываютъ имѣніе... Мы, простые дворяне, отъ этого выигрываемъ... Весело видѣть передъ собою бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну многихъ людей и думать: своими трудами ты достигнулъ способа мѣнять людей на бумажки".—Драма „Два брата" —Юрій:—Князь и 3000 душъ, а есть ли у него своя въ придачу?...). Съ переѣздомъ въ Москву, потомъ въ Петербургъ, съ поступленіемъ на службу, деревенскія впечатлѣнія ранней юности отошли на задній планъ; молодой человѣкъ пересталъ размышлять о роковомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что до смерти онъ не былъ самостоятеленъ въ денежномъ отношеніи и жилъ, что называется, на хлѣбахъ у бабушки, крѣпко державшей въ рукахъ бразды правленія состояніемъ. Въ балованномъ ребенкѣ разыгрывалась страсть къ разрушенію, склонность къ жестокости. Тяжелая болѣзнь расслабила его на нѣсколько лѣтъ. Прикованный къ кровати, онъ выучился мыслить, сочетать образы и понятія усиліями воли, сочинять. Онъ сдѣлался мечтателемъ. Воображеніе стало для него интересною игрушкою. Онъ любилъ воображать себя разбойникомъ, среди студеныхъ волнъ или въ тѣни лѣсовъ, наѣздникомъ въ шумѣ битвъ при свистѣ бури. Необычайно рано проснулись въ немъ и любовныя чувства:

> Въ моемъ ребячествѣ тоску любови знойной
> Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной, —

чувства 10-лѣтняго мальчика къ 9-лѣтней дѣвочкѣ, приходившей къ его кузинамъ въ Пятигорскъ въ 1825 году. Имени и званія дѣвочки онъ не помнилъ, но еще въ 1830 г. писалъ: „этотъ потерянный рай до могилы будетъ терзать мой умъ". Такъ какъ онъ воспитывался среди множества подростающихъ кузинъ, которыя были, однако, старше его, то предметами любви его дѣлаются эти кузины, одна послѣ другой по очереди (Столыпины, Верещагины, Екатерина Сушкова-Хвостова, Варвара Лопухина). Самъ мальчикъ былъ весьма некрасивъ, смуглый, приземистый, неуклюжій, сутуловатый (граф. Ростопчина и Костенецкій въ „Русск. Старинѣ", № 9-й 1882 г., и № 9-й 1875 г.). Съ дѣтства его мучило авторское самолюбіе; онъ старался брать верхъ остроуміемъ, искалъ между кузинами слушательницъ и цѣнительницъ своихъ стиховъ Его страшно бѣсило, когда къ

нему относились, какъ къ мальчику. Съ тѣхъ поръ Лермонтовъ не можетъ обойтись безъ женскаго общества; когда же онъ доросъ до первыхъ побѣдъ, то въ немъ развилось до уродливыхъ размѣровъ довольно противное донъ-жуанство, ухаживанье за женщиною съ тѣмъ, чтобы заставить ее полюбить его и затѣмъ бросить ее насмѣшливо, сказавъ ей, что онъ ее никогда не любилъ. Такимъ является Лермонтовъ въ своемъ романѣ съ Е. А. Сушковой (Хвостовой), весьма некрасивомъ даже и въ томъ предположеніи, что онъ хотѣлъ отомстить ей за то, что она промучила его, когда онъ былъ подросткомъ. Такимъ точно является онъ въ относящихся къ 1840 г. кавказскихъ воспоминаніяхъ г-жи Hommaire de Hell („Русскій Архивъ“ 1887 г., № 9). Для зажиточнаго русскаго дворянина того времени, не желающаго зарыться въ деревнѣ, только и была одна возможная житейская карьера: служба царская, въ двухъ ея видахъ: военная или гражданская. Послѣдняя находилась въ большомъ пренебреженіи. Свое презрительное отношеніе къ такъ-называемымъ подъячимъ выразилъ много разъ Лермонтовъ, напримѣръ, въ 47-ой строфѣ „Сашки“ („Русская Мысль“ 1883 г., № 1):

„Или, трудясь какъ глупая овца,
Въ рядахъ дворянства, съ робкимъ униженьемъ,
Прикрывъ мундиромъ сердце подлеца,
Искать чиновъ, мирясь съ людскимъ презрѣньемъ“.

Сознательно и по собственному выбору Лермонтовъ пошелъ по болѣе почетной дорогѣ, на которой подвизались его отецъ и предки, и поступилъ въ юнкерскую школу, скрѣпя сердце, одинокій, необщительный, сосредоточенный въ себѣ и мрачный. Никогда не могъ онъ привыкнуть къ Петербургу съ его казенщиной и формализмомъ:

„Я врагъ Невѣ и невскому туману,
Тамъ новый вѣкъ развилъ свою чуму...
Тамъ жизнь тяжка, пуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ финскаго залива...“ („Сашка“).
„Увы! какъ скверенъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни глянешь, красный воротъ
Какъ шишъ стоитъ передъ тобой...
Законъ сидитъ на лбу людей,
И что у насъ зовутъ душой,
То безъ названія у нихъ.

Подъ напускною самоувѣренностью скрывалась удивительная застѣнчивость молодого человѣка, который былъ самъ не свой между чужими и не имѣлъ ключа къ дѣловому механизму общества,—механизму весьма понятному для людей даже весьма ординарныхъ. Въ письмахъ Лермонтова содержатся любопытнѣйшія на этотъ счетъ признанія. (Ав-

густъ, 1832. „Не гожусь для общества. Вчера я былъ въ одномъ домѣ, просидѣлъ четыре часа и не сказалъ ни одного путнаго слова. У меня нѣтъ ключа отъ ихъ умовъ“.) — (Августъ, 1832. J'ai vu des échantillons de la société d'ici; tous ensemble ils me font l'effet d'un jardin français bien étroit et simple, mais où on peut se perdre, car entre un arbre et un autre le ciseau du maître a oté toute différence (Видѣлъ я образчики здѣшняго общества; всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень тѣснаго и безъ затѣй, но въ которомъ можно заблудиться, потому что хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ всякое различіе между деревьями).—Сентябрь 1832. Лермонтовъ сознаетъ, что онъ чувствуетъ реальность жизни, „son vide engageant“ (она манитъ въ себя, чтобъ я ее наполнилъ)... но онъ себѣ не довѣряетъ.—Декабрь, 1835. Je ne serai jamais bon à rien avec tous mes beaux rêves et mes mauvais essais dans le chemin de la vie, car ou l'occasion me manque, ou l'audace (Изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами въ житейской наукѣ, потому что мнѣ или не представляется случая, или не достаетъ рѣшимости). Необходимымъ послѣдствіемъ неловкости, неспособности отыскать въ обществѣ свой шестокъ, чтобы на немъ усѣсться, было тоскливое, меланхолическое настроеніе, сдѣлавшееся привычнымъ:

„Тоска вездѣ, какъ безпокойный геній,
Какъ вѣрная жена, близка!...
...невольно видишь
Подъ гордой важностью лица
Въ мужчинѣ глупаго льстеца
И въ каждой женщинѣ Іуду.“ (1832).
„Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Передъ опасностью позорно малодушны
И передъ властію презрѣнные рабы...“ („Дума“, 1838 г.).

Отъ такой тоски и отрицательнаго отношенія къ людямъ одинъ шагъ до пессимизма. Лермонтовъ сдѣлался пессимистомъ, пессимизмъ сталъ его второю натурою:

„Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ
Я покидалъ? все сердце рвало тамъ...
Какъ я рвался невольно къ облакамъ,
Готовъ лобзать уста друзей былъ я,
Не посмотрѣвъ, не скрыта-ль въ нихъ змѣя.
Но въ общество иное я вступилъ,
Узналъ друзей и дружескій обманъ,
Сталъ подозрителенъ и погубилъ
Безпечности душевной талисманъ... (1830 г.).

Прежде нежели займусь анализомъ этого пессимизма и прослѣжу его до самыхъ корней, — укажу на одинъ еще

богатый источникъ, показывающій, насколько тяготился Лермонтовъ своимъ положеніемъ, и какъ общественный дѣятель, и какъ писатель. По странному стеченію обстоятельствъ нѣкоторые стихи столь нелюбившаго нѣмцевъ поэта дошли до насъ не въ затерявшемся подлинникѣ, а въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта (M. Lermontoff's poetischer Nachlass, Berlin, 1852.—Перепечатаны въ „Русской Старинѣ" 1873, № 3). Приведу нѣсколько самыхъ характерныхъ отрывковъ изъ этого перевода:

1) Ich bin an meinem Lande kein Verräther... Weil ich nicht auf fremden Krücken schleiche. 2) Weil ich bei Ihrem Thun vor Scham oft roth bin, — Mir nicht Musik erscheint Geklirr von Ketten —Und mich nicht lockt der Glanz von Bayonetten, Behaupten sie dass ich kein Patriot bin. 5) Gott segnete mit Augen mich und Füssen, Doch als ich auf den Füssen gehen wollte, Und als ich mit den Augen sehen wollte, Muss't ich's im Kerker als Verbrechen büssen (вѣроятно, намекъ на послѣдствія стиховъ на смерть Пушкина). 6) Es ist ein eigen Ding in meinem Land... Der Kluge braucht zur Dummheit den Verstand, Zum Schweigen seine Zunge hier. (1) Я не измѣнникъ моей странѣ... хотя не ползаю на чужихъ костыляхъ. 2) Такъ какъ я не краснѣю отъ стыда за ваши дѣйствія, не нахожу музыки въ звяканіи цѣпей и меня не привлекаетъ блескъ штыковъ, вы утверждаете, что я не патріотъ. 5) Богъ даровалъ мнѣ глаза и ноги, но когда я захотѣлъ пойти на моихъ ногахъ и глядѣть моими очами, то я поплатился за то тюрьмою, какъ за преступленіе... 6) Странныя вещи творятся въ моей странѣ: умный пользуется умомъ для глупостей, а языкомъ—для молчанія.)

Глубокая скорбь—чувство, преобладавшее въ этой душѣ—прорывалась только въ стихахъ; она была извѣстна и то только самымъ близкимъ къ Лермонтову лицамъ. Для всѣхъ прочихъ Лермонтовъ былъ свѣтскій человѣкъ, гуляка, злой, назойливый насмѣшникъ, безпощадный для всѣхъ тѣхъ, надъ которыми онъ могъ, по ненаходчивости ихъ, потѣшаться; человѣкъ, напрашивающійся на всякаго рода исторіи и постоянно занятой Донъ-Жуановскими похожденіями. „Мнѣ жаль Лермонтова, онъ дурно кончитъ",—писала о немъ г-жа Гоммеръ-де-Гэль (1840). Графиня Ростопчина пишетъ („Русская Старина", 1882, № 9), что когда она ужинала въ послѣдній разъ съ Лермонтовымъ передъ его отъѣздомъ на Кавказъ (1841), то за ужиномъ и при прощаньѣ Лермонтовъ только и говорилъ объ ожидающей его скорой смерти. Съ мыслью о своей насильственной смерти Лермонтовъ возился всю жизнь:

„Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ
И подъ туманнымъ небомъ" (11 го іюня 1831).

Эта совмѣстимость въ одномъ и томъ же лицѣ двухъ на первый взглядъ противоположныхъ характеровъ была превосходно подмѣчена Боденштедтомъ, на котораго первое его знакомство съ Лермонтовымъ въ Москвѣ зимою 1840—1841 г. произвело невыгодное впечатлѣніе („весь разговоръ, — пишетъ онъ,—звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто-нибудь скребъ по стеклу"). Эта двойственность сказывалась и въ чертахъ лица, въ странномъ сочетаніи рѣзкихъ, суровыхъ, полныхъ думы и печали черныхъ глазъ, съ немного вздернутымъ носомъ, почти дѣтскою улыбкою и насмѣшливымъ искривленіемъ тонко очерченнаго рта. Таковъ былъ человѣкъ въ его общественной обстановкѣ; теперь можно заглянуть и въ поэтическую мастерскую художника.

IV.

Знакомая и родственница Лермонтова, графиня Е. П. Ростопчина, въ запискѣ, сочиненной въ 1858 г. для Дюма-отца, сравниваетъ такимъ образомъ пріемы творчества Лермонтова и Пушкина, при чемъ послѣдній ставится гораздо выше перваго: „Пушкинъ весь — порывъ, у него все прямо выливается. Мысль извергается изъ его души во всеоружіи, затѣмъ онъ передѣлываетъ, подчищаетъ, но мысль остается та же, цѣльная и точно опредѣленная. Лермонтовъ, напротивъ того, ищетъ, улаживаетъ, округляетъ фразу, совершенствуетъ стихъ, но первоначальная мысль не имѣетъ полноты, неопредѣленна и колеблется. Тотъ же стихъ, та же строфа или идея вставлены въ совершенно разныя пьесы". („Русская Старина" 1882 г., № 9.) Характеристика писателей вѣрна, но выводъ сомнительный. Ростопчина доказала только то, что Лермонтову работа стоила большаго труда; обыкновенно большій трудъ талантливаго писателя вознаграждается большимъ богатствомъ или глубиною содержанія. Развитіе творчества Лермонтова можно прослѣдить по юношескимъ его тетрадямъ съ 13-ти лѣтъ. Сначала только переписываются цѣликомъ „Бахчисарайскій Фонтанъ" и „Шильонскій узникъ" въ переводѣ Жуковскаго. Потомъ начинается парафразированіе чужихъ сочиненій, съ пропусками, вставками и видоизмѣненіями фабулы, уже въ высокой степени запечатлѣнными индивидуальностью упражняющагося въ писаніи стиховъ. Потомъ появляются самостоятельно задуманныя поэмы, пестрѣющія только заимствованіями, которыя недостаточно еще критиками разобраны и отмѣчены. Такъ напримѣръ, Лермонтовъ заимствуетъ изъ „Кавказскаго Плѣнника" Пушкина извѣстные два стиха (въ концѣ 1-ой части):

И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего"—

и характеризуетъ ими своего „Демона":

И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего.

Въ то время, когда развивался Лермонтовъ, было больше, чѣмъ теперь, знакомства съ польской литературой, въ особенности съ гостившимъ въ Россіи Мицкевичемъ. Въ поэмѣ Лермонтова „Бояринъ Орша“ встрѣчаются слѣдующіе стихи, которые почти дословно взяты у Мицкевича.

„И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой“ (1835 г.).

(Сравнить съ финаломъ „Валленрода“:

A ktoby słyszał, odgadnąłby snadnie
Że piersi z których taki jęk wypadnie
Nigdy już w życiu nie wydadzą głosu) [1])

При большой способности усвоивать чужое, въ Лермонтовѣ замѣтно съ ранней поры замѣчательное постоянство,

---

[1]) Укажу мимоходомъ еще на нѣкоторыя заимствованія изъ Мицкевича. Лермонтовъ перевелъ извѣстный крымскій сонетъ: „Видъ горъ изъ степей Козлова“, въ которомъ стихъ Мицкевича: aby gwiazd karawanę nie puścić ze wschodu, передалъ съ пропускомъ слова „караванъ“:

Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ кочующимъ съ востока,

но граціозный образъ каравана перенесенъ въ „Мцыри“ для изображенія облаковъ:

„Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ разныхъ странъ“,

а потомъ въ „Демонѣ“ для изображенія звѣздъ:

„Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ“.

Въ числѣ раннихъ произведеній М. (1822) имѣется одно прелестное: Precz z moich oczu! Поэтъ предсказываетъ, что еслибы возлюбленная удалила его съ глазъ своихъ, то воспоминаніе о немъ будетъ, однако, вѣчно ее преслѣдовать за игрой, за шахматами, на балу.. „и ты подумаешь, что то моя душа!“—„Письмо“, стихотвореніе 15-лѣтняго Лермонтова, есть парафраза идеи М., съ курьезнымъ выраженіемъ того, что юношу сильно прельщалъ военный мундиръ и въ парикѣ классическаго слога, отъ котораго не могли въ юности освободиться ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ.

„Настанетъ ночь, пріѣдешь изъ собранья...
Узнай въ тотъ мигъ, что это я изъ гроба
На мрачное свиданье прилетѣлъ...
Когда жъ въ саняхъ въ блистательномъ катаньи
Проѣдешь ты на парѣ вороныхъ
И за тобой въ любви живомъ страданьи
Стоитъ гусаръ безмолвенъ, мраченъ, тихъ...
И по груди обоихъ васъ промчится
Невольный хладъ“...

вслѣдствіе чего гусаръ закрутитъ усъ...

„Услышишь звукъ военнаго металла,
Увидишь блѣдный свѣтъ его чела,
То тѣнь моя безумная предстала
И мертвый взоръ на путь вашъ навела“.

Бывшій на моихъ чтеніяхъ большой знатокъ англійской литературы Л. Е. Оболенскій замѣтилъ, что и смертный стонъ Альдоны въ „Валленродѣ“, и смертный крикъ дочери боярина Орши могли быть заимствованы и Мицкевичемъ, и Лермонтовымъ, отъ Байрона изъ общаго источника—„Паризины“, которая разражается въ своей темницѣ при отрубленіи головы любовнику ея Уго такимъ крикомъ:

съ которымъ всякіе выростающіе въ этомъ воображеніи мотивы, образы, сравненія преслѣдуютъ потомъ автора неотвязчиво, проходятъ тягучими непрерывными частями чрезъ всѣ послѣдующія произведенія и превращаются даже нѣкорымъ образомъ въ рисунки-клишэ, которыми онъ иллюстрируетъ послѣдующія произведенія. Берусь подтвердить мое положеніе нѣсколькими примѣрами и начну съ мотива, который по странному стеченію обстоятельствъ играетъ видную роль въ обѣихъ литературахъ — русской и польской, хотя могъ возникнуть повидимому и самостоятельно — и въ той, и въ другой — и безъ прямого взаимодѣйствія. Въ концѣ 1826 года изданы были Мицкевичемъ въ Москвѣ сонеты; въ числѣ этихъ сонетовъ (не крымскихъ, а просто эротическихъ) есть XII-й — *Rezignacya*, посвященный изображенію страданій человѣка, который nie kocha, że kochał, zapomnieć nie zdoła („Кто совсѣмъ не любитъ иль любви минувшей позабыть не можетъ", — переводъ Бенедиктова). Послѣдніе три стиха переведены такъ:

„И какъ разоренный храмъ оно (сердце) въ пустынѣ
Рушится и гибнетъ: жить въ его святынѣ
Божество не хочетъ человѣкъ не смѣетъ".

(Я приведу подлинникъ, такъ какъ переводъ слабъ:

I serce ma podobne do dawnej swiątyni
Spustoszałej niepogod i czasów koleją,
Gdzie bóstwo nie chce mieszkać, a ludzie nie śmieją).

Лермонтовъ и Пушкинъ, знавшіе польскій языкъ, вѣроятно знакомы были и съ сонетами, но вотъ чего никто изъ нихъ знать не могъ — что свое сравненіе души человѣка съ опустошеннымъ храмомъ Мицкевичъ употребилъ послѣ окончательнаго поселенія своего во Франціи при личномъ, печатью тогда неоглашенномъ, столкновеніи съ поэтомъ моложе его — Юліемъ Словацкимъ. — Осенью 1832 г. среди польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ произошла размолвка между Мицкевичемъ и Словацкимъ вслѣдствіе того, что Мицкевичъ отозвался о поэзіи Словацкаго такимъ образомъ: „прекрасный храмъ, дивной архитектуры, жаль только, что

It was a woman's shriek and ne'er
In madlier accents rose despair;
And those who heard it, as it past
In mercy wish'd it were the last.

(То женскій крикъ былъ; никогда не сказалось отчаяніе въ болѣе бѣшеныхъ звукахъ, слышавшіе его — когда оно раздалось — изъ жалости желали, чтобы онъ былъ и послѣдній). Не отрицаю, что Мицкевичъ могъ вдохновиться стихами „Паризины", но разница между обоими воплями большая. Паризина не умираетъ, Байронъ оставляетъ читателя въ невѣдѣніи о ея судьбѣ:

Whether in convent she abode ..,
Or if she fell by bowl or steel,

между тѣмъ у Мицкевича это крикъ, на которомъ вся жизнь оборвалась (W tym głosie całe porwało się życie). Эту-то именно характерую черту послѣдняго смертнаго крика усвоилъ себѣ Лермонтовъ и заимствовалъ онъ ее не изъ „Паризины", а изъ „Валленрода".

въ этомъ храмѣ Бога нѣтъ" (Małecki, „Juljusz Słowacki"). Тотъ же мотивъ, но совсѣмъ навыворотъ, появляется у Пушкина, незнакомаго съ отношеніями польскихъ выходцевъ въ Парижѣ, который въ стихѣ „Чернь" (1828) выразился такъ о статуѣ Аполлона Бельведерскаго: „но мраморъ сей вѣдь Богъ". — Обѣ формы мотива употребляются Лермонтовымъ весьма часто, и, можно сказать, излюблены имъ обѣ.

„Моя душа твой вѣчный храмъ;
Какъ божество, твой образъ тамъ" (1830).
„Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ".
(1830, къ А. Верещагиной).
„Любовь насильства не боится,
Она хоть презрѣна—все Богъ".
(Ангелъ Смерти, 1831).

Недавно напечатана (Русск. Старина, 1888, № 10) „Исповѣдь" Лермонтова (начала 1830 г.) со стихами:

„Пустыя звонкія слова—
Блестящій храмъ безъ божества".

Стихи эти повторены почти дословно въ „Бояринѣ Оршѣ" 1835:

Одни лишь звучныя слова,
Блестящій храмъ безъ божества,

а потомъ въ „Демонѣ" (обѣ редакціи 1831 и 1838 г.):

„Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность?
Пустыя звонкія слова,
Обширный храмъ безъ божества".

Перехожу къ другому примѣру. Всѣмъ любителямъ Лермонтова памятно прелестное посвященіе неназванной женщинѣ „Измаилъ-Бея":

„Опять явилось вдохновенье
Безжизненной душѣ моей,
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску—развалину страстей".

Имѣется еще иной мотивъ въ посвященіи драмы „Испанцы":

„Такъ надъ гробницею стоитъ
Береза юная, склоняя
Съ участьемъ вѣтки на гранитъ,
Когда реветъ гроза ночная!"

Береза пересажена потомъ въ поэму „Бояринъ Орша", гдѣ она уже красуется среди развалинъ:

„Такъ средь развалинъ иногда
Растетъ береза: молода,
Мила надъ плитами гробовъ
Игрою шепчущихъ листовъ".

Но еще прежде того, въ стихотвореніи 11 іюня 1831 г., состоялось прелестнѣйшее совокупленіе обоихъ образовъ съ одухотвореніемъ ихъ, съ возведеніемъ ихъ въ символъ

страсти, продолжающей жить въ страдающемъ и измученномъ сердцѣ:

„Но въ глубинѣ моихъ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней;
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ—молода
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ...
Увянетъ преждевременно она,
Но съ корнемъ не исторгнетъ никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть“.

Такихъ примѣровъ можно бы подобрать десятки. Замѣчу мимоходомъ „свинцовую слезу“ страданья и въ Menschen und Leidenschaften“, и въ „Демонѣ“; полу-символическій, заимствованный изъ кавказской природы образъ ползущей змѣи съ расписанною, какъ дамасскій булатъ, спиною („Аулъ Бастунджи“ и „Мцыри“); полную луну во образѣ Армиды въ ея волшебномъ замкѣ, окруженной облаками-рыцарями въ пернатыхъ шлемахъ (трагедія „Испанцы“ и „Измаилъ-Бей“)

...„облака
Надъ вами (горами) вьются, шепчутся, какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колеблемыя перья – и луна
По синимъ сводамъ странствуетъ одна“.

Отмѣчаю еще сильную фразу поэта о томъ, что его душа—

„Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ,
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена“ (Стансы 1831 г.),

повторяющуюся въ стихѣ 1835 г.:

„Гляжу на будущность съ боязнью...
Душа усталая моя,
Какъ ранній плодъ, лишенный сока;
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія“.

Въ заключеніе, въ числѣ излюбленнѣйшихъ мотивовъ поэта укажу на неутомимую и съ неувядающею свѣжестью проводимую имъ параллель между жизнью природы и жизнью души, между мѣрнымъ, величавымъ, невозмутимымъ теченіемъ первой—и суетою и бѣдственностью второй, послѣ чего поэтъ обыкновенно сожалѣетъ, зачѣмъ онъ не волна студеная, не тучка небесная:

„Тѣмъ я несчастливъ, что звѣзды и небо—
Звѣзды и небо, а я человѣкъ!“.. (1831 г.).
„Тучки небесныя—вѣчные странники
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы будто какъ я же изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную..

..Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя,
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изганія".
„Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей."
„Какъ я въ душѣ любилъ всегда
Ихъ (волнъ) безконечные походы
Богъ вѣсть откуда и куда...
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы,
Безъ наслажденія и мукъ;
Однообразный этотъ звукъ,
Причудливыя эти силы,
Ихъ буйный ревъ и тишину,
И эту вѣчную войну
Съ другой стихіей—съ облаками,
Съ дождемъ и вихремъ! Сколько разъ
На кораблѣ въ опасный часъ,
Когда летала смерть надъ нами,
Я въ ужасѣ Творца молилъ,
Чтобъ океанъ мой побѣдилъ" („Морякъ", 1831 г.)

Въ приведенныхъ мною отрывкахъ мы очевидно наталкиваемся на задушевнѣйшія идеи и чувства поэта, на коренныя черты его міросозерцанія, печальнаго и пессимистическаго, которое хотя развилось и созрѣло въ Лермонтовѣ одновременно съ изученіемъ Байрона и подъ вліяніемъ Байрона, но имѣетъ, однако, свой особенный характеръ, который необходимо изучить.

V.

Въ своемъ этюдѣ о русскомъ романѣ (Le roman russe, 1886) виконтъ Вогюэ старается представить поступальное движеніе русской мысли, начиная съ того момента, когда, достигнувъ совершеннолѣтія, она освободилась отъ простого подражанія христіански-гуманистическому европеизму. Переходною ступенью отъ этой подражательности къ полной самостоятельности служилъ реализмъ или натурализмъ, но не такой сухой и безсердечный, какъ у новѣйшихъ французскихъ натуралистовъ и декадентовъ, потому что въ Россіи онъ былъ, по словамъ Вогюэ, облагороженъ нравственной эмоціей, богобоязнью и сострадающимъ милосердіемъ. Въ своемъ походѣ русская мысль пошла по направленію древне-арійскаго духа, къ нирванѣ, къ безпредѣльной, самоотверженной любви уже не къ одному человѣчеству, а и ко всему живому въ природѣ на самыхъ низшихъ ступеняхъ развивающагося бытія. Разбирая писателей, Вогюэ долженъ былъ подойти къ самому крупному послѣ Пушкина въ русской литературѣ лицу—къ Лермонтову. Лицо это не укладывалось никакъ въ рамки теоріи Вогюэ; оно было совсѣмъ

негуманное въ европейскомъ смыслѣ этого слова,—дивный художникъ, но откровенный эгоистъ, писавшій въ 1830 г. (Романсъ):

„Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья!
Когда я свои презираю мученья,
Что мнѣ до страданій другихъ!“

Вогюэ благоразумно отдѣлался отъ Лермонтова нѣсколькими строками: „vindicatif, hargnieux, mauvais compagnon...“ (мстительный, сварливый, неуживчивый) романтикъ, одержимый Байроновскою лихорадкою, издававшій самые рѣзкіе и рѣжущіе звуки. Лермонтовъ, въ самомъ дѣлѣ, озадачиваетъ изслѣдователя. О немъ можно сказать то же, что сказалъ Пушкинъ про Байрона: „Онъ весь созданъ былъ навыворотъ, онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ“. Въ 16 лѣтъ Лермонтовъ уже тотъ великій и вполнѣ развившійся художникъ, какимъ онъ и умеръ, имѣя неполныхъ 28 лѣтъ, притомъ тотъ же жестокій, своенравный характеръ, человѣкъ сознающій всю ненасытность своихъ желаній, свою неспособность ихъ умѣрить, терпящій жажду явно несбыточнаго счастія, превращающую его жизнь въ пытку, такъ что все перерабатывалось въ этомъ горнилѣ души и поэтическаго творчества въ нѣчто ѣдкое и ядовитое. Существовало полное отсутствіе равновѣсія между ощущеніями, заставляющими человѣка радоваться или страдать, составляющими единственный матеріалъ психической жизни,—и ненасытными желаніями натуры безпокойной и далеко не заурядной, такъ какъ она была одарена весьма сильнымъ умомъ, никогда не отдыхающимъ, не останавливающимся на поверхности вещей и притомъ метафизическимъ, занятымъ прежде всего одними вѣчными вопросами бытія, вопросами о его причинахъ и цѣляхъ, неразрѣшимыми, а между тѣмъ неотвязчивыми. Умъ Лермонтова былъ весьма пытливый и острый, мысль его сверлила какъ буравъ, все въ одномъ и томъ же мѣстѣ, по одному и тому же направленію. – Постараюсь пояснить нѣсколькими выдержками это курьезное вращеніе вокругъ однѣхъ и тѣхъ же идей. Вотъ что писалъ онъ еще до поступленія въ школу юнкеровъ: „Moi, c'est la personne que je fréquente avec le plus de plaisir. . j'ai vu que mon meilleur parent, c'était moi“ (съ наибольшимъ удовольствіемъ я бываю у самого себя...; я нашелъ, что самый лучшій мой родственникъ—это я самъ) (1832). „Ищу впечатлѣній, какихъ либо впечатлѣній! Преглупое состояніе человѣка, когда онъ долженъ занимать себя, чтобъ жить, какъ занимали нѣкогда придворные своихъ королей, быть своимъ шутомъ“... Je sens bien fortement la réalité de la vie. Je ne pourrai jamais rien détacher pour la mépriser de bon coeur, car ma vie c'est moi, moi qui vous parle—et qui dans un moment peut devenir rien, un nom, c'est-à-dire *encore un rien*. Dieu sait si après la vie le *moi* existera. C'est terrible quand on pense qu'il peut arriver un jour où je ne pourrai pas dire moi! A cet idée l'univers n'est qu'un morceau de boue (Я осязательно чувствую дѣйствительность жизни. Я никогда не могу отрѣ-

шиться отъ нея настолько, чтобы чистосердечно ее ненавидѣть; потому что жизнь моя — я самъ, я, говорящій теперь съ вами, и могущій черезъ минуту обратиться въ ничто, въ одно имя, т. е. опять таки въ ничто. Богъ знаетъ, будетъ ли существовать это я послѣ жизни! Страшно подумать, что настанетъ день, когда я больше не въ состояніи буду сказать: я! При этой мысли весь міръ есть не что иное, какъ комъ грязи). Лермонтова толкаетъ, конечно, впередъ благородное желаніе славы: „меня мучитъ сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ"... „Cette drôle de passion de laisser toujours des traces de mon passage" (Что за глупая страсть вездѣ отмѣчать чѣмъ нибудь свое пребываніе!). Въ знаменитой „Думѣ" 1838 г. больше всего печалитъ Лермонтова то, что

„Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда".

Лермонтовъ проникъ и уразумѣлъ тщету и обманчивость счастія:

„Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Ненуженъ міру я...
Молю о счастіи, бывало,
Дождался, наконецъ!
И тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ".

Если нѣтъ счастія, то не слѣдуетъ къ нему и стремиться, незачѣмъ печалиться о неизбѣжности смерти; надо брать отъ жизни съ признательностью все то, что она можетъ дать хорошаго, а именно возможно большее удовольствіе отъ самаго процесса этой жизни. Эта рѣшимость не чужда Лермонтову, онъ ее высказываетъ въ свои хорошія минуты:

„Что́ безъ страданій жизнь поэта,
И что́ безъ бури океанъ?"

Онъ хочетъ жить цѣною „мукъ, покупая ими неба звуки". Онъ восклицаетъ:

„Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ".
„Дайте волю, волю, волю,
И не нужно счастья мнѣ"!

Эта жажда дѣла выражена всего типичнѣе въ поэтической автобіографіи поэта, озаглавленной «11 іюня 1831 г.»:

„Такъ жизнь скупа, когда боренья нѣтъ...
Мнѣ нужно дѣйствовать... понять
Я не могу, что значитъ отдыхать.
Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ...
Мнѣ жизнь все какъ то коротка,
И все боюсь, что не успѣю я

Свершить чего то. Жажда бытія
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ".

Эта жажда бытія, борьбы и бури выражена прелестно въ „Парусѣ". Въ „Чашѣ" поэтъ мирится меланхолически, но съ философскимъ спокойствіемъ, съ тщетою надеждъ личнаго счастія. Примирительное настроеніе было, однако, непостоянное, скоропреходящее, проявляющееся въ исключительныя минуты, къ числу которыхъ принадлежитъ та, когда онъ написалъ одну изъ своихъ задушевнѣйшихъ предсмертныхъ строфъ (1841 г.):

„Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя,
Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть".

Въ большей части рѣшающихъ моментовъ примиреніе внутри души поэта не можетъ состояться по той простой и роковой причинѣ, въ которой и содержится весь трагизмъ его судьбы, что для примиренія съ жизнью необходимо умѣрить свои желанія, подавить и обуздать свои страсти, иными словами—посягнуть на самый источникъ вдохновенія, закрыть главный родникъ поэзіи Лермонтова.—Тяжесть борьбы и невозможность мировой на удовлетворительныхъ основаніяхъ выражены съ дивной простотой и красотой въ „Молитвѣ" 1829 г. (когда поэту было 15 лѣтъ):

„Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей;
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей...
Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающій костеръ,
Преобрати мнѣ сердце въ камень...
Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, Творецъ, освобожусь,
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ Тебѣ я снова обращусь".

VI.

Существовала ли для Лермонтова возможность, при нѣсколько иныхъ условіяхъ воспитанія и внѣшней обстановки, избѣжать душевнаго разлада, достигнуть внутренняго успокоенія и равновѣсія? Отвѣчая на этотъ вопросъ, замѣчу, что я имѣю въ виду только натуры избранныя, съ пытливымъ умомъ—людей, ни объ одномъ изъ коихъ нельзя сказать, что „въ заботы суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ". Если въ одной изъ такихъ даровитыхъ психическихъ организацій преобладаетъ сообразительность, аналитическая способность, рефлексія, то равновѣсіе устанавливается устой-

чивое и прочное весьма естественно и просто. Допустимъ, что у такого человѣка ощущенія сильныя и живыя, но они тотчасъ же претворяются въ отвлеченныя понятія, въ значки, изображающіе прошлыя наблюденія, въ символы пережитаго. Воспоминанія пережитаго ничѣмъ не отличаются отъ воспоминаній вычитаннаго или отъ умозаключеній. Все испытанное, прочитанное и выведенное укладывается въ головѣ толково, порядочно, въ систему голыхъ, безличныхъ фактовъ. Одно постоянное созерцаніе міровой громады въ ея стройной красѣ и дивномъ порядкѣ доставляетъ такое высокое наслажденіе мыслителю, что онъ позабываетъ о себѣ, что онъ отучается отъ исканія смысла жизни съ точки зрѣнія личной, и прежде всего и больше всего его интересуетъ вселенная. Громадныя услуги оказала людямъ въ этомъ направленіи нѣмецкая философія, въ особенности геніальнѣйшая изъ системъ этой философіи: Гегелевскій идеализмъ. Лермонтовъ обрѣтался нѣкоторое время въ самомъ разсадникѣ этого идеализма, въ московскомъ университетѣ, одновременно съ Герценомъ и его сверстниками.

„Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, корридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить: съ водой иль просто голый ромъ;
Ихъ гордый видъ предъ грозными властями,
Ихъ сюртуки, висящіе клочками“. („Сашка“).

Еслибы обстоятельства и не прервали ученой карьеры Лермонтова, сомнительно, вышелъ ли бы изъ него философъ. Скорѣе можно предполагать противное. Онъ писалъ въ 1830г.:

...„мой умъ не по пустякамъ
Къ чему то тайному стремился.
Къ тому, чему даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды
И что бъ уразумѣть я могъ
Черезъ мышленіе и годы.
Но пылкій, но суровый нравъ
Меня грызетъ отъ колыбели...
Умру я, сердцемъ не познавъ
Печальныхъ думъ печальной цѣли“.

Какъ всякій художникъ, Лермонтовъ имѣлъ натуру чувственную; въ немъ отъ природы преобладала эмоціональная дѣятельность надъ рефлексіею. Онъ обладалъ такою же страшною „*памятью сердца*“, какъ и Байронъ, то-есть способностью воспроизводить въ сознаніи послѣ многихъ лѣтъ испытанныя тогда-то ощущенія, не только съ первоначальною ихъ свѣжестью, но еще обособленныя, усиленныя и дополненныя воображеніемъ. „Какъ все прошедшее — пишетъ Лермонтовъ въ „Героѣ нашего времени“—ясно и рѣзко отлилось въ моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттѣнка не стерло время!“. „Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною

Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ; ничего не забываю, *ничего!*"— Натуры чувственныя, волнующіяся безъ удержу и страстныя, нуждаются въ уздѣ, которая бы укрощала ихъ порывы, въ силѣ, дѣйствующей извнѣ, въ авторитетѣ, предъ которымъ онѣ бы преклонялись. Для большинства людей, для несмѣтнаго ихъ числа, такою моральною уздою является религія, ничѣмъ по благотворному своему вліянію незамѣнимая для душъ, еще способныхъ вѣрить. Живой примѣръ буйнаго артистическаго темперамента, укрощеннаго религіею, представляетъ собою Шатобріанъ, пѣвецъ анти-революціонной въ римско-католическомъ духѣ реакціи.—По условіямъ своего происхожденія и воспитанія подъ крылышкомъ богомольной бабки, по врожденной сильной наклонности къ націонализму, по сильной любви къ родинѣ своей - самой тѣсной, по нерасположенію своему къ европеизму и глубокому религіозному чувству, вдохновляющему „Вѣтку Палестины" и множество прекраснѣйшихъ молитвъ, Лермонтовъ былъ снабженъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлаться великимъ художникомъ того литературнаго направленія, теоретиками коего были Хомяковъ и Аксаковы, художникомъ народническимъ, какого именно и недоставало этой школѣ. Въ 15 лѣтъ отъ роду, сознавая уже свое мастерство, Лермонтовъ писалъ: „если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ". Такъ какъ онъ былъ мастеръ на всѣ лады и поэтъ геніальный, то случилось, что ему разъ захотѣлось написать поэму въ народномъ русскомъ вкусѣ, и онъ ее написалъ легко и свободно. Замѣчательно, что въ превосходномъ эпосѣ, озаглавленномъ: „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника, и удалого купца Калашникова", Лермонтовъ не модернизировалъ въ современномъ либеральномъ духѣ своихъ людей изъ прошлыхъ временъ, какъ это дѣлалъ Алексѣй Толстой со своими героями изъ былинъ Владимирова цикла. Лермонтовъ не взялъ на себя сравнительно болѣе легкой задачи воспѣвать богатырей, которыхъ слава и безъ того свѣжа и у всѣхъ на виду, напримѣръ Петра Великаго. Онъ избралъ златоглавую, бѣлокаменную, частью византійскую, частью татарскую Москву, въ самый мрачный періодъ слагающагося самодержавія. Онъ вывелъ и поставилъ во весь ростъ гигантскую фигуру Грознаго. Въ произведеніи этомъ сквозитъ такое пониманіе исторіи, такая простота фабулы и такая правда выраженія, наконецъ, такое мастерство превращать въ золото поэзіи все то, что кроетъ въ себѣ жизнь самаго дурного, несправедливаго и ужаснаго, что невольно призадумаешься о томъ, какой изъ Лермонтова могъ бы выйти замѣчательный историческій живописецъ и поэтъ славянофильскаго лагеря. Но самъ Лермонтовъ сказалъ о себѣ, что до 15-ти лѣтъ онъ почти ничего не читалъ, а съ 15-ти лѣтъ онъ уже не думалъ о томъ, какъ бы вдаваться въ народную поэзію.

Странно, что въ 1830 г. онъ написалъ: „наша литература такъ бѣдна, что я ничего не могу изъ нея заимствовать“, между тѣмъ какъ онъ заимствовалъ многое отъ Пушкина, передѣлывалъ „Кавказскаго Плѣнника“ и старался всячески имѣть, подобно Пушкину, „холодный умъ средь мрачныхъ думъ“ („Портретъ“, 1829 г.), тотъ умъ, „сомнѣньемъ охлажденный и спорить съ рокомъ пріученный“ (Измаилъ-Бей, 1832). Кажется, что этотъ обходъ Пушкина въ русской литературѣ можетъ быть объясненъ очень просто тѣмъ, что русскую поэзію представлялъ Лермонтову одинъ только Пушкинъ, горячо имъ любимый, но Лермонтовъ считалъ Пушкина не національно-русскимъ, а обще-европейскимъ поэтомъ, какимъ Пушкинъ и былъ въ дѣйствительности. Притомъ господство Пушкина надъ воображеніемъ Лермонтова было значительно поколеблено вліяніемъ на Лермонтова еще болѣе яркаго поэтическаго свѣтила, которому Лермонтовъ сознательно и беззавѣтно подчинился, а именно — Байрона. Еще раньше того момента, когда Лермонтовъ, по его же словамъ, началъ марать стихи въ пансіонѣ въ 1828 г., онъ переписывалъ «Шильонскаго Узника». Восторженное отношеніе его къ Байрону началось съ прочтенія, въ 1830 г., жизнеописанія Байрона, написаннаго Муромъ (The life, letters and journals of L. Byron), а точнѣе выражаясь, — по прочтеніи перваго тома этого труда, изданнаго въ Лондонѣ въ январѣ 1830 г.; второй томъ не могъ быть извѣстенъ Лермонтову въ 1830 г., такъ какъ онъ изданъ въ Лондонѣ въ самомъ концѣ 1830 г., и само предисловіе къ нему помѣчено декабремъ. Тогда то Лермонтовъ написалъ:

„Я молодъ; но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я-бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки.
О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!“

Съ того же момента начинается прилежное подбираніе и записываніе малѣйшихъ чертъ сходства между ученикомъ и учителемъ. Лермонтова поражаетъ, что и Байронъ прибиралъ и переписывалъ свои дѣтскіе стишонки, какъ бы по инстинкту, въ чаяніи будущаго. Затѣмъ замѣчено еще одно сходство: „матери Байрона предсказала цыганка, что онъ будетъ великій человѣкъ; про меня предсказала то же самое старуха моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобы и надо мною сбылось, хотя бы я былъ такъ же несчастливъ, какъ Байронъ“. Въ 1831 г. Лермонтовъ пишетъ на картину Рембрандта:

«Ты понималъ, о мрачный геній,
Тотъ грустный, безотчетный тонъ,
Порывъ страстей и вдохновеній,
Все то, чѣмъ удивлялъ Байронъ“.

Но въ томъ же 1831 году написанъ и отрывокъ, который жизнеописатели Лермонтова подчеркиваютъ, какъ доказательство его эманципаціи:

„Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,

Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ *русскою* душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ немного совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ".

Цѣна и вѣсъ этого доказательства крайне спорны и сомнительны. Писалъ отрывокъ Лермонтовъ, какъ студентъ университета (съ авг. 1830 по іюнь 1832 г.), баловень бабушки, юноша, малѣйшія прихоти котораго исполнялись, и который изъ кожи лѣзъ, чтобы изобразить собою другой экземпляръ Байрона Въ этихъ видахъ онъ даже и загримировался гонимымъ странникомъ, плачущимъ о разбитомъ грузѣ надеждъ, хотя онъ еще и не вкусилъ порядкомъ отъ плодовъ жизни а слѣдовательно и разочароваться не могъ. Если его мучила неизвѣстность, жажда славы, то эта слава неслась передъ нимъ окрыленная и улыбалась; талантъ свой онъ сознавалъ вполнѣ, и еще въ 1829 году писалъ: «лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ былъ», такъ что его авторскіе успѣхи въ будущемъ представлялись только какъ вопросъ времени. Не менѣе загадочны и неясны слова: „съ русскою душой". Свою родину Лермонтовъ любилъ не только „странною", но и весьма неровною любовью. Любя ее, онъ все-таки упорно отыскивалъ для себя знатное иностранное происхожденіе, и выводилъ свой родъ то отъ испанскихъ Лерма, то потомъ (что согласнѣе съ фамильными документами) отъ шотландскихъ Лирмонтовъ, съ ихъ Learmonth's Tower на Твидѣ, неподалеку отъ Вальтеръ-Скоттова Абботсфорда (Висковатый, „Русская Мысль" 1882 г.). Лермонтовъ горѣлъ поэтическимъ „желаніемъ" летѣть въ Шотландію, гдѣ

„Стоитъ могила Оссіана
Въ горахъ Шотландіи моей" (1830),

помчаться степнымъ ворономъ, чтобъ задѣть струны шотландской арфы:

„Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь *чуждыхъ* снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но *не здѣшній душой.*
О, зачѣмъ я не воронъ степной!"

Эти послѣдніе стихи, съ фразою: „не здѣшній душой", помѣчены 29-го іюля 1831 г. на бельведерѣ въ Средниковѣ, тѣмъ же годомъ, въ концѣ котораго написанъ стихъ: „но только съ русскою душой". Итакъ, въ виду противорѣчій въ показаніяхъ субъекта, вопросъ о національности его души остается открытымъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ вопросѣ онъ не можетъ быть самъ себѣ и экспертомъ. Русскіе литературные критики согласны въ томъ, что Пушкинъ былъ байронистъ только на поверхности, но что Лермонтовъ сталъ байронистомъ до мозга костей. Вогюэ замѣчаетъ: „Lermontoff a reçu l'instrument façonné par Pouschkine, mais il se ratache surtout á leur maître commun. Le créateur d'„Onéguine" n'avait pris á celui de „Childe Harold" que la poétique, Ler-

montoff lui a pris son âme“ (Лермонтовъ воспользовался направленіемъ, подготовленнымъ Пушкинымъ, но ближе къ ихъ общему учителю. Творецъ „Онѣгина“ перенялъ у творца „Чайльдъ-Гарольда“ только форму, Лермонтовъ взялъ у него его душу). Полагаютъ вообще, что вліяніе Байроновской поэзіи на Лермонтова было благотворное, возвышающее, способствующее тому, чтобы Лермонтовъ могъ стряхнуть съ себя всю пошлость современной общественности, выбраться изъ этой тины, прервать мертвый застой того времени отчаяннымъ, хотя и малополезнымъ протестомъ. Всѣ эти предположенія какъ о пользѣ вліянія Байрона на Лермонтова, такъ и о пользѣ Лермонтовскаго протеста á la Byron, должны быть изъяты изъ нашего разсмотрѣнія, какъ безусловно противныя задачамъ литературной критики и сильно препятствующія анализу фактовъ, долженствующихъ быть прежде всего установленными, притомъ фактовъ не соціальнаго, но психологическаго свойства. Не будь Байрона и его вліянія — изъ Лермонтова вышелъ бы, можетъ быть, крупный поэтъ, не очень высокаго полета, съ узкимъ національнымъ направленіемъ, сильно держащійся за родную почву множествомъ корней, а потому и популярный и любимый. Подъ вліяніемъ Байрона изъ Лермонтова выработался поэтъ весьма высокаго полета, но космополитическій, можетъ быть и безпочвенный, но столь могучій по силѣ генія, что въ теченіе всѣхъ истекающихъ по его смерти 50 лѣтъ ни одинъ изъ появившихся потомъ пѣвцовъ не унаслѣдовалъ его волшебной лиры, никто не приблизился къ нему — всѣ они точно маленькіе холмы въ виду этого поэтическаго Казбека. Итакъ, вопросъ долженъ быть поставленъ въ совершенно иной формѣ: насколько видоизмѣнилось творчество Лермонтова отъ знакомства съ Байроновскою поэзіей? Что заимствовалъ Лермонтовъ изъ этой поэзіи и чѣмъ онъ вовсе не воспользовался?

VII.

Я весьма далекъ отъ намѣренія утверждать, будто бы всѣ чувства: гордой независимости, презрѣнія къ людямъ, страданія отъ тягости бытія — общія и Байрону, и Лермонтову—были прямо взяты послѣднимъ у перваго и только пересажены искусственнымъ образомъ. Какъ у Пушкина, послѣ его страданій въ 1820 г., такъ и у Лермонтова, 16 лѣтняго юноши, менѣе страдавшаго, сѣмя падало на подготовленную и прошедшимъ, и внѣшними событіями почву. До поступленія въ московскій университетъ Лермонтовъ сдѣлался предметомъ мучительнѣйшаго для него пререканія между отцомъ его, далеко не безгрѣшнымъ въ семейномъ быту человѣкомъ,—который пытался переманить, или, лучше сказать, перетащить въ свою убогую усадьбу многообѣщавшаго сына,—и богатою бабушкою Арсеньевою, трепещущею при мысли, что у нея могутъ похитить этотъ кладъ, къ которому она безпредѣльно привязалась, либо просто силою, либо на основаніи закона („Русск. Мысль“ 1882 г., № 12, ст.

г. Висковатаго). Въ обострившейся до крайности борьбѣ изъ-за „Мишеля“ онъ былъ безвинною жертвою этого конфликта, узналъ изнанку жизни, несправедливость и пристрастіе другъ къ другу дорогихъ ему лицъ. Конфликта этого онъ не могъ осилить, и вышелъ изъ этой пытки надломленнымъ существомъ. Сердце влекло его къ отцу, но предъ нимъ расплакалась и предстала въ своемъ ужасающемъ одиночествѣ бабка. Онъ сжалился надъ нею, — тогда отецъ заподозрилъ его въ томъ, что его прельстили богатства бабки. Отецъ бросилъ Тарханы, уѣхалъ и вскорѣ умеръ, обременивъ совѣсть сына предположеніемъ, что, можетъ быть, поведеніе Мишеля ускорило эту смерть. Такимъ образомъ, Лермонтовъ впервые въ жизни испыталъ *судьбу*, тотъ *рокъ*, съ которымъ онъ всю жизнь потомъ велъ ожесточенную, отчаянную борьбу. Какъ настоящій художникъ, онъ занялся тотчасъ литературнымъ эксплоатированіемъ пережитыхъ мукъ.

Онъ сталъ изображать драматическую игру страстей, подмѣченную имъ въ своей душѣ и у другихъ. Послѣ дѣтской подражательной трагедіи: „Испанцы“, наполненной мотивами изъ „Разбойниковъ“, „Kabale und Liebe“, „Натана Мудраго“, и послѣ драмы: „Два брата“, воспроизводящей антагонизмъ Карла и Франца Мооровъ изъ „Разбойниковъ“ Шиллера (онъ любовался этою драмою въ 1829 г. на московской сценѣ въ исполненіи Мочалова),—написаны Лермонтовымъ „Menschen und Leidenschaften“ (1830), и вслѣдъ затѣмъ — „Странный человѣкъ“ (1831). Въ обѣихъ драмахъ героемъ является сынъ. Лицо это собственно не трагическое, потому что не дѣйствуетъ, мучается безвинно и погибаетъ подъ тяжестью отцовскаго проклятія и отвергнутой любви къ женщинѣ. Въ драму: „Menschen und Leidenschaften“ вставлена вся семейная тархановская исторія, при чемъ самыми темными красками расписана бабушка, старая помѣщица, суровая хозяйка по Домострою, окруженная пресмыкающеюся предъ нею дворнею, которая возстановляетъ ее противъ зятя. Матеріалъ для любовной интриги, занимающей второстепенное мѣсто въ этой пьесѣ, доставила любовь Мишеля къ одной изъ своихъ кузинъ, вѣроятно къ Варварѣ Лопухиной. Сынъ оклеветанъ передъ отцомъ, который его проклинаетъ; пораженный этимъ проклятіемъ, сынъ отравляетъ себя. Матеріалъ для драмы дала сама жизнь; авторъ изобразилъ себя не по байроновски, т.-е. не дѣйствующимъ лицомъ, а скорѣе похожимъ на Шиллеровскаго Фердинанда въ „Kabale und Liebe“. Передъ смертью сынъ извѣрился до атеизма (Природа подобна печи, откуда вылетаютъ искры; искры неравны между собою, но всѣ погаснутъ безъ слѣда; когда огонь истощится, собираютъ пепелъ и выбрасываютъ вонъ... Нѣтъ другого свѣта, нѣтъ рая, нѣтъ ада. Люди— брошенныя, безпріютныя созданія“. Дѣйств. V, явл. 9 и 10). Но этотъ же извѣрившійся человѣкъ вступаетъ въ споръ съ Богомъ и обвиняетъ его со всею тонкостью рѣжущей діалектики, какою Байронъ вооружилъ своего Ка-

ина: „если онъ всевѣдущъ, то зачѣмъ не удержалъ удары людей отъ моего сердца? зачѣмъ хотѣлъ моего рожденія, зная мою гибель? гдѣ его воля, когда по моему хотѣнію я могу умереть или жить?..." Драма была, вѣроятно, написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти отца, внушившимъ поэту столько скорбныхъ звуковъ:

„Дай Богъ, чтобы,какъ твой,спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной,
Но ты простишь меня! (1831).

Вскорѣ потомъ(1831)Лермонтовъ раздумался,убѣдился въ своей несправедливости къ бабушкѣ,—вѣроятно ему разсказали всѣ вины отца по отношенію къ матери,—вслѣдствіе чего въ „Странномъ человѣкѣ" уже совсѣмъ нѣтъ на сценѣ бабушки, но зато въ весьма непривлекательномъ видѣ представленъ отецъ, семейный деспотъ, безжалостный къ женѣ, безъ толку проклинающій сына за то, что этотъ послѣдній вступился за покинутую мать. Сынъ сходитъ съ ума отъ этого проклятія и отъ того еще, что ему измѣнила любимая женщина, сдѣлавъ иной выборъ по благоразумному расчету. Такія отношенія отца къ сыну нимало не похожи на извѣстныя намъ отношенія Юрія Лермонтова-отца къ Мишелю, въ предисловіи же къ „Странному человѣку" заявлено, что драма изображаетъ происшествіе истинное, которое долго безпокоило автора и всю жизнь занимать его не перестанетъ; что всѣ лица взяты съ природы, и что авторъ желаетъ „чтобы они были узнаны", а потому слѣдуетъ заключить, что авторомъ заимствована изъ дѣйствительности и изображена автобіографически только одна любовная исторія. Эпиграфъ къ драмѣ взятъ изъ Байронова „Сна" (The Dream); въ 4-ю сцену у студентовъ вставленъ яко-бы сочиненный сыномъ отрывокъ, составляющій прямое подражаніе „Сну" Байрона. Извѣстно, что „Сонъ" Байрона есть одно изъ задушевнѣйшихъ его произведеній, исповѣдь его отроческихъ сердечныхъ мукъ, когда миссъ Чауортъ предпочла хромому мальчику болѣе зрѣлаго человѣка. Мальчикъ покидаетъ навсегда любимую женщину, несказанно страдая, но съ ледянымъ на видъ равнодушіемъ. Подобныя страданія испыталъ Лермонтовъ нѣсколько разъ въ жизни,—они и породили, вѣроятно, мизантропическое его настроеніе и враждебное отношеніе вообще къ женскому полу, страсть къ тому, чтобы ухаживать за женщиною, а потомъ съ хохотомъ и насмѣшкою ее бросить. Въ „Странномъ человѣкѣ" Лермонтовъ еще очень мягокъ: „Богъ, Богъ!—восклицаетъ онъ:—во мнѣ отнынѣ нѣтъ къ тебѣ ни любви, ни вѣры. Зачѣмъ ты далъ мнѣ огненное сердце, которое любитъ до крайности и не умѣетъ такъ же ненавидѣть!" (сц. 12). Однако, какъ въ этомъ произведеніи, такъ и въ другихъ, написанныхъ въ этотъ до-байроновскій періодъ, разсѣяны во множествѣ уже готовыя черты будущаго мизантропа, анатомирующаго каждую крошку горя, посылаемаго ему судьбою (сц. 1), напрасно старающагося потопить въ потокѣ удовольствій тяжелую ношу самосознанія, и признающаго за собою

несносный характеръ, злой умъ и всегда печальное воображеніе, желанія, не знающія преграды и перемѣнчивость склонностей" (сц. 11). Его сердце созрѣло раньше ума, онъ „узналъ дурную сторону свѣта, когда не могъ еще остерегаться его нападеній и равнодушно переносить ихъ" (сц 1). Онъ уже отзывается объ обществѣ съ большимъ пренебреженіемъ: „собраніе людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ, полныхъ зависти къ тѣмъ, въ чьей душѣ есть малѣйшая искра небеснаго огня" (Предисловіе). „Страннымъ человѣкомъ" заключается отроческій періодъ въ жизни Лермонтова, исчезаетъ юноша, страдающій безвинно; появляется закаленный человѣкъ, сознательно самолюбивый, злой и предпріимчивый.—(„Какъ демонъ мой, я зла избранникъ",—говоритъ онъ въ предисловіи къ третьему очерку „Демона"). Въ посвященіи 1831 онъ пишетъ: „Какъ Демонъ хладный и суровый, я въ мірѣ веселился зломъ".—Есть одно мѣсто въ письмѣ къ М. А Лопухиной (28 авг., 1832), которое проливаетъ свѣтъ на внутреннюю работу Лермонтова надъ самимъ собою, совершаемую съ цѣлью, чтобы зачерствѣть и по возможности озлиться: J'écris peu, je ne lis pas plus, mon roman devient une oeuvre de désespoir; j'ai fouillé dans mon âme pour en retirer tout ce qui est capable de se changer en haine, et je l'ai versé pêle mêle sur le pap er. Vous me plaindriez en le lisant.. (Пишу мало, не читаю вовсе, мой романъ -- романъ отчаянія; я рылся въ своей душѣ, чтобы извлечь изъ нея все то, что способно превратиться въ ненависть, и,какъ попало, излилъ все на бумагу. Вы пожалѣете меня, читая это). Онъ сознаетъ свою силу и мастерство въ злословіи; онъ будетъ изощряться въ этомъ мастерствѣ, оправдывая себя тѣмъ много разъ повторяемымъ резономъ, что „не вѣритъ больше ничему", потому что прежде вѣровалъ всему. Перемѣна, происшедшая въ творчествѣ, не поясняется никакими намъ извѣстными въ жизни его событіями. Ее можно постигнуть только съ помощью предположенія, что въ промежуткѣ между пансіономъ и юнкерскою школою онъ начитался Байрона и усвоилъ себѣ вполнѣ и его рѣзкость сужденій, и его гордыню, и его сатанинскій сардоническій хохотъ. Я отрицалъ основательность сдѣланнаго Аполлономъ Григорьевымъ опредѣленія поэзіи Байрона, что она есть поэзія цинически откровеннаго эгоизма, клевещущая на душу человѣческую и разражающаяся ироніею и тоскою, такъ какъ голый эгоизмъ противенъ натурѣ человѣческой. Я утверждалъ, что это опредѣленіе потому и нейдетъ къ Байрону, что эта поэзія имѣетъ широкую гуманистическую подкладку, вѣру въ идеалы, которымъ Байронъ преданъ, хотя весь міръ кругомъ поклоняется съ колѣнопреклоненіемъ идоламъ грубой силы и золотому тельцу. Но я не могу не признать, что опредѣленіе Григорьева очень подходитъ къ поэзіи Лермонтова, и что Григорьевъ могъ бы быть введенъ въ заблужденіе, еслибы, опредѣляя Байрона, смотрѣлъ на него сквозь

призму поэзіи Лермонтова. Есть стекла спектральныя, разлагающія лучъ солнечный на цвѣта, пропускающія одни цвѣта спектра и задерживающія другія. Лермонтовъ и представляетъ собою такое стекло. Перелистывая его, вы едва ли найдете какія-либо изъ тѣхъ возвышенныхъ чувствъ, которыя вдохновляли Байрона при написаніи четвертой пѣсни „Чайльдъ-Гарольда", Байрона — излѣчившагося отъ ироніи, Байрона лучшихъ дней, провозглашающаго: „I love the man not less, but Nature more... To fly from need not to hate mankind" (Природа стала мнѣ теперь родною, я больше, чѣмъ людей, люблю ее...Бѣжать отъ горя, перестать ненавидѣть человѣчество), Байрона, пишущаго къ Муру (6 апрѣля, 1819): „You have so many *divine* poems, is it nothing, to have written a *humane* one?" (У Васъ столько божественныхъ поэмъ; неужели же не заслуга написать человѣческую?).—Все, что было у Байрона свѣтло-голубого, исчезло у Лермонтова; зато выступило наружу все багровое, злобное, демоническое, съ такою силою, что для людей, которые приноровились распознавать человѣка по его манерѣ писать, по его пошибу, Лермонтовское настроеніе можетъ иногда показаться болѣе Байроновскимъ, чѣмъ у самого Байрона. Укажу на одинъ небольшой примѣръ такого подчеркиванія, подкрашиванія, возведенія демоническаго — какое есть и у Байрона — въ квадратъ.

У Байрона имѣется прелестная по простотѣ и трезвости колорита еврейская мелодія. *My soul is dark*, переведенная Лермонтовымъ, въ 1836 году: «Душа моя мрачна». Неизвѣстно кто — вѣроятно царь Саулъ (Книга I Царствъ, 18, 10) требуетъ отъ арфиста: „играй, играй, смягчи меня, вызови слезу, дабы пересталъ горѣть мой мозгъ (cease to born my brain). Да будетъ эта пѣснь дика и скорбна; я говорю тебѣ—я плакать долженъ, или сердце разорвется отъ муки. Теперь рѣшительный часъ, оно либо разорвется, либо растаетъ въ пѣснѣ" (break at once or yield to song). Разумѣется, что Лермонтовъ перевелъ это стихотвореніе блистательно и столь же сжато (16 стиховъ); но такъ какъ фантазія у него съ юныхъ лѣтъ, съ перваго посѣщенія Кавказа, была восточная, страстно любящая яркое и пестрое, то Лермонтовъ и оснастилъ простую основу мелодіи бездною золотыхъ блестокъ и стекляруса, употребивъ имѣвшіяся у него въ запасѣ готовыя клишэ. Арфа выходитъ *золотая*. Рука музыканта должна извлечь изъ нея не *melting murmurs* (нѣжный шопотъ), а звуки *рая*. Привлеченъ сюда и *рокъ*, уносящій надежды. У Байрона нѣтъ „застывшихъ глазъ" и такихъ слезъ въ нихъ, которыя должны „растаять"; скорѣе надо предположить, что глаза эти воспалены, какъ и мозгъ:

И если есть въ очахъ остывшихъ капли слезъ,
Онѣ растаютъ и прольются.

Должно быть, Лермонтовъ постоянно носился съ плотною "свинцовою слезою", одною изъ тѣхъ, которыми прожженъ ка-

мень у монастыря Тамары. Въ стихахъ:—«Какъ мой вѣнецъ, мнѣ тягостны веселья звуки», — первыя три слова составляютъ вставку собственнаго издѣлія, одну изъ излюбленныхъ фразъ, уже давнымъ-давно сочиненныхъ и часто повторяемыхъ. Наконецъ, заключеніе, подставляющее вмѣсто сердца, которое должно разорваться или разрѣшиться пѣснью—*грудь* (то есть,тоже сердце), „какъ кубокъ смерти яда полный", есть явное измѣненіе смысла подлинника, внушенное поэту постоянно присущимъ ему представленіемъ о ядовитости продуктовъ его собственнаго творчества. Та перекройка Лермонтовымъ Байрона по своему собственному темпераменту, которую мы наблюдали въ маленькомъ хрусталикѣ мелодіи: *My soul is dark* (Душа моя мрачна), повторяется въ большихъ размѣрахъ въ крупныхъ эпическихъ и позднѣйшихъ драматическихъ произведеніяхъ Лермонтова, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ поэма: „Демонъ", которую онъ всю жизнь гранилъ, точилъ и полировалъ, еще съ 1829 г., когда начерталъ первый очеркъ, до окончательнаго пятаго, въ1838 г. (9 лѣтъ—работа болѣе продолжительная, чѣмъПушкина надъ „Онѣгинымъ"). Исторія этого произведенія настолько интересна, что на ней слѣдуетъ остановиться.

VIII.

Есть у Лермонтова одна ранняя поэма—*Ангелъ Смерти*, восточная повѣсть,—ростокъ, происходящій отъ одного общаго корня съ „Демономъ". По первоначальному замыслу, сохранившемуся въ черновой тетради, ангелъ смерти, котораго назначеніе услаждать поцѣлуемъ послѣдній мигъ умирающаго, тронутый отчаяніемъ любовника умирающей дѣвы, начальника возстающихъ грековъ, оживилъ ея трупъ своею собственною душою, но потомъ раскаялся, потому что этотъ любовникъ оказался человѣкомъ мрачнымъ и кровожаднымъ. Грека убиваютъ въ сраженіи; ангелъ не можетъ уже облегчить его смерти, какъ воплотившійся въ смертное существо, но покидаетъ и тѣло дѣвы, и съ тѣхъ поръ уже не любитъ людей, для которыхъ

„Хладнѣе льда его объятья,
И поцѣлуй его—проклятья!"

Въ самой поэмѣ дѣйствіе перенесено въ Индію, грекъ превратился въ отшельника Зораима. У Зораима есть любовница Ада, въ моментъ смерти которой, изъ состраданія къ Зораиму, въ тѣло ея переселился ангелъ смерти. Замыселъ теряетъ свою первичную простоту и прозрачность. Зораимъ, увлекаемый внезапно честолюбіемъ и жаждою славы, кидается въ войну и смертельно раненъ на полѣ битвы. Страдальцу не можетъ помочь духъ, изъ ангела превратившійся въ смертную женщину. Со смертью Зораима ангелъ освобождается также отъ земныхъ узъ и возвращается въ небеса, но

„За гибель друга въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему.“

Ангелъ

„простился съ прежней добротой,
Людей узналъ онъ: состраданья
Они не могутъ заслужить“.

Поэма эта, очевидно, мизантропическая, но еще не демоническая. Она указываетъ на то, что, по сознанію поэта, есть

„пятно тоски въ умѣ моемъ,
И съ каждымъ годомъ шире то пятно,
И скоро все проглотитъ“.

Есть черновая замѣтка, изъ которой видно, что Лермонтовъ предполагалъ написать длинную сатирическую поэму *Демонъ*.

„Демонъ“ и былъ написанъ, но вышелъ онъ не сатирическій. Прежде всего у Лермонтова онъ представляетъ аллегорію отвлеченной идеи зла. Есть у Пушкина одинъ недоразвившійся бутончикъ того же наименованія, относительно котораго спорили, изображаетъ ли онъ человѣка-скептика, или олицетвореніе сомнѣнія, какъ нравственнаго зла. Будучи 14 лѣтъ, Лермонтовъ сталъ парафразировать этотъ Пушкинскій сюжетъ („Мой демонъ“, 1829:

Онъ недовѣрчивость вселяетъ.
Онъ презрѣлъ чистую любовь..),

съ тою существенною разницею, что его демонъ—не хладный насмѣшникъ, а существо, дѣйствующее голосомъ страсти и жестокое:

Онъ равнодушно видитъ кровь
И звукъ высокихъ ощущеній
Онъ давитъ голосомъ страстей;

наконецъ, въ этой абстракціи слиты и зло физическое и зло нравственное:

Средь листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ
Стоитъ его недвижный тронъ;
На немъ, средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ,

что̀ и служитъ зародышемъ изображеній въ послѣдующихъ очеркахъ „ледяного царства Демона“ и его трона на вершинѣ льдовъ, гдѣ

„....бѣлогривыя метели
Какъ львы у ногъ его ревѣли“.

Затѣмъ идутъ видоизмѣняющіяся повѣствованія о дѣяніяхъ Демона въ длинномъ ряду очерковъ. Первоначальный замыселъ 1829 г. простъ и вѣренъ представленію о демонѣ, какъ олицетвореніи одного только зла. Демонъ узналъ, что одинъ изъ противниковъ его, ангелъ, любитъ смертную. На зло ангелу онъ обольщаетъ эту женщину, которая скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада. Выписки „Каина“ Байрона (изданнаго въ 1821 году) предпосланы, въ видѣ эпиграфа,

ко второму очерку „Демона“, писанному въ пансіонѣ въ 1830 году. Со второго очерка обстановка будетъ постоянно мѣняться: соблазняемая женщина будетъ представлять собою сначала еврейку временъ вавилонскаго плѣненія, потомъ испанскую монахиню, пока она не превратится окончательно въ грузинскую княжну Тамару; но уже со второго очерка коренная идея поэмы фиксирована; сюжетомъ ея становится то, что одинъ изъ главныхъ подручниковъ архистратига адскихъ силъ, сатаны—Демонъ—влюбился настоящею половою любовью въ одну изъ правнучекъ прародительницы Евы, и что любовь увѣнчана была взаимностью. Мысль эта сама по себѣ не нова, съ нею возился Байронъ, сочиняя въ 1821 г. мистерію: „Heaven and Earth“ (Небо и земля), изображающую женщинъ изъ племени Каинова и ангеловъ, изъ-за этихъ женщинъ дѣлающихся непослушными Богу. И женская любовь къ князю тьмы не есть также предметъ небывалый въ литературѣ. На ней основана лучшая изъ поэмъ Альфреда де-Виньи, появившаяся въ 1828 г. въ собраніи его поэзіи: „Eloa la soeur des anges“ (Элоа—сестра ангеловъ). Слеза, пролитая Христомъ у гроба Лазаря, даетъ начало ангелу-женщинѣ, Элоа. Во время своихъ странствованій по вселенной, Элоа встрѣчается съ павшимъ сатаною, поражающимъ даже и въ паденіи своею дивною красотою. Хотя, сочувствуя ему, Элоа пытается бѣжать, догадываясь, кто ея собесѣдникъ; но онъ разрыдался и явилъ себя столь безконечно несчастнымъ въ случаѣ, если она его покинетъ, что изъ сожалѣнія Элоа оста лоаь при сатанѣ, который и увлекъ ее въ бездну.—Лермонтовъ задался замысломъ, весьма похожимъ на Элоа, въ „Ангелѣ смерти“, произведеніи, имѣющемъ центральною фигурою женщину-Аду и основанномъ на чувствѣ состраданія. Но въ „Демонѣ“ Лермонтова главнымъ лицомъ становится уже не женщина, а самъ духъ тьмы, дивно красивый, безконечно могучій и злой, сѣятель зла и обольститель. Какъ Люциферъ у Байрона, Демонъ зоветъ себя „царемъ познанія и свободы“; кромѣ того, онъ—аллегорическ е олицетвореніе всякаго зла (Я врагъ небесъ, я зло природы). По своей нечеловѣческой природѣ и безсмертью, онъ обреченъ на то чтобы

„Жить для себя, скучать собой,
Всегда жалѣть и не желать,
Все противъ воли ненавидѣть
И все на свѣтѣ презирать!“

Въ первоначальныхъ набросках еще сильнѣе была подчеркнута эта обязательная ненависть ко всему:

„...ему любить
Не должно сердце допустить,
Онъ связанъ клятвой роковою“

(данною имъ самимъ при изгнаніи ихъ на землю). Сюжетъ простъ, но живописно обставленъ. Предъ вами: сѣдой Гудалъ и дочь его Тамара; ея помолвка съ владѣтелемъ Си-

подала; ѣзда этого жениха на свадьбу съ караваномъ навьюченныхъ дарами верблюдовъ; пропущенная имъ, по наважденію лукаваго, молитва у часовни и послѣдовавшій затѣмъ выстрѣлъ; несостоявшійся свадебный пиръ, вслѣдствіе смерти жениха; похороны его и плачъ Тамары. Всѣ эти красивыя детали внесены въ поэму потомъ, при постепенной обработкѣ сюжета. Въ нихъ обнаруживается удивительный талантъ ставить на сцену артистическую идею,—талантъ, которымъ никто изъ послѣдующихъ русскихъ поэтовъ не можетъ съ Лермонтовымъ сравняться (всего ближе подходитъ къ Лермонтову по яркости красокъ гр. Алексѣй Толстой). Разъ коснувшись техники, нужнымъ считаю замѣтить, что Лермонтовъ безподобенъ при изображеніи картинъ природы, да притомъ природы кавказской, и что онъ никогда почти не выходилъ изъ заколдованнаго круга впечатлѣній, доставленныхъ ему въ самомъ раннемъ возрастѣ, десяти лѣтъ, — его вторымъ и можно даже сказать—его настоящимъ отечествомъ. Будучи отрокомъ, онъ писалъ: „Синія горы Кавказа, вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ и о небѣ. Кто разъ лишь на вашихъ вершинахъ Творцу помолился, тотъ жизнь презираетъ, хотя въ то мгновенье гордится онъ ею". (1830). Подъ конецъ жизни (1840), въ посвященіи „Демона", онъ восклицаетъ:

„Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный..
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой".

Обыкновенно различаютъ чувствованіе красотъ природы первобытное, миѳологическое, свойственное народамъ, воображающимъ, что природа населена множествомъ невидимыхъ духовныхъ силъ, подобныхъ человѣку,—и чувствованіе тѣхъ же красотъ эстетическое, отыскивающее въ событіяхъ внѣшней природы источники ощущеній волнующихъ, возбуждающихъ, подходящихъ къ темпераменту поэта, сродныхъ извѣстнымъ состояніямъ его души. Лермонтовъ одаренъ чувствомъ красотъ природы второго рода. У него темпераментъ настоящаго южанина, который меркнетъ и вянетъ на тускломъ сѣверѣ:

Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенія,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ.
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье.

Онъ чувствуетъ себя въ своей стихіи только при палящемъ знοѣ, среди самой роскошной и почти тропической природы. Воображеніе его восточное; оно старается подбирать краски еще свѣжѣе природныхъ, изобрѣтать самыя изысканныя метафоры, чтобы передать, насилуя тонъ, силу страсти или порывъ чувства. Простоты, конечно, и не ищите, но есть увлекательная, опьяняющая и брызжущая цѣлымъ

фонтаномъ риторика звучныхъ словъ и яркихъ образовъ въ этихъ всѣмъ извѣстныхъ лирическихъ отрывкахъ:

„Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ“

и т. д.... цѣлыхъ двадцать стиховъ. Или:

„И для тебя, звѣзды восточной,
Сорву вѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
Его осыплю той росой;
Лучемъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой, обовью...“

То же можно сказать и про описанія. Пушкинъ, въ сравненіи съ Лермонтовымъ, только акварелистъ. Гдѣ онъ довольствовался бы нѣсколькими тонкими штрихами и далъ бы простое, трезвое, но весьма правдивое выраженіе своей мысли, тамъ Лермонтовъ дѣйствуетъ не кистью, а какъ бы щеткою, покрываетъ полотно цвѣтными пятнами и брызгами красокъ. Онъ пишетъ не эскизъ или картину, а панораму, такъ что не знаешь, гдѣ кончается реальная обстановка зрителя, и гдѣ начинается писаніе по холсту. Трудно пріискать что-нибудь по иллюзіи и пластичности подходящее къ описанію каравана въ „Трехъ пальмахъ“ (1839):

„Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ“...

и т. д., цѣлыхъ три строфы до фариса, который, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку, бросалъ и ловилъ копье на скаку.

Возвращаюсь къ „Демону“. Поэтъ оставилъ насъ въ недоумѣніи,—не злымъ ли умысломъ Демона, уже влюбленнаго въ Тамару, причинена смерть владѣтелю Синодала. Время, когда узналъ Демонъ Тамару, имѣетъ также весьма второстепенное значеніе; въ первоначальныхъ очеркахъ онъ съ нею знакомится какъ съ монашенкой. Какъ только онъ ее увидѣлъ, тотчасъ почувствовалъ себя добрѣе:

„И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты“.

Подобно Сатанѣ у de-Vigny, радующемуся, что можетъ еще любить, и способному исправиться, еслибы Элоа протянула ему руку и повела его:

Si la céleste main qu'elle eut osé lui tendre
L'eut saisi repentant, docile à remonter,
Qui sait? le mal peut-être eut cessé d'exister

(Если-бы небесная рука рѣшилась поддержать его, кающагося, готоваго возродиться, кто знаетъ, зло, можетъ быть, было бы совсѣмъ побѣждено), Демонъ Лермонтова къ Тамарѣ

„входилъ любить готовый,
Съ душой открытой для добра,

И мыслилъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора".

Но поворотъ къ лучшему длится только мгновеніе, послѣ котораго верхъ беретъ сила зла, ставшая привычкою испорченной натуры. По ничтожному поводу, по очнувшейся въ Элоа богобоязни—у Виньи, или при видѣ херувима, пріосѣнившаго Тамару крыломъ — у Лермонтова, Демонъ восклицаетъ, что на это сердце

„онъ наложилъ печать свою;
Здѣсь б льше нѣтъ твоей святыни,
Здѣсь я владѣю и люблю".

Затѣмъ Сатана у Виньи:

„sans amour, sans remords au fond d'un coeur de glace
Des coups qu'il va porter il médite la place"

(Безъ любви, безъ раскаянія въ очерствѣвшемъ сердцѣ, ударамъ наносимымъ онъ зло обдумываетъ мѣсто), а у Лермонтова слѣдуетъ обольщеніе, котораго пріемы у обоихъ поэтовъ почти одни и тѣ же; такъ напр. у Лермонтова:

„Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ запечатлѣнъ,
Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго эѳира";

а у Vigny:

„Dans tout être créé j'ai cru te reconnaître;
Je te cherchais partout, dans un souffle des airs,
Dans un rayon tombé du disque de la lune,
Dans l'étoile qui fuit le ciel qui l'importune"....

(Во всемъ земномъ я мнилъ тебя найти, я искалъ тебя повсюду: въ волнахъ эѳира, въ лучахъ луны, въ звѣздѣ, которая бѣжитъ по постылому небосклону).

Но въ выборѣ средствъ обольщенія пути поэтовъ окончательно расходятся. Элоа задумана идеальнѣе; она гибнетъ отъ самопожертвованія, отъ избытка милосердія, при пѣснѣ хора ангеловъ:

„Gloire dans l'univers, dans le temps à celui
Qui s'immole à jamais pour le salut d'autrui".

(Слава вездѣ и всегда тому, кто приноситъ себя въ жертву для блага другихъ).

Въ сравненіи съ Элоа, Тамара—слабое существо, беззащитная голубка, которой не по силамъ сопротивленіе. Она безъ боя побѣждена, когда, зная, что имѣетъ дѣло съ духомъ зла, въ послѣднихъ судорогахъ сопротивленія говоритъ соблазнителю:

„Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую...
...отъ злыхъ стяжаній
Отречься нынѣ дай обѣтъ!
Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній
Ненарушимыхъ больше нѣтъ?..."

Ничего, конечно, не стоитъ духу злому и лживому устранить и это послѣднее колебаніе сознательно лживыми и почти ироническими увѣреніями:

„Отрекся я отъ старой мести...
Хочу я съ небомъ помириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру“.

Демонъ безъ нужды расточаетъ передъ Тамарою совсѣмъ излишнія, по отношенію къ ней, обѣщанія:

„Пучину гордаго познанья
Взамѣнъ открою я тебѣ...
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря...
...Возьму (тебя) въ надзвѣздные края!
И будешь ты царицей міра,
Подруга первая моя!

Тамара принадлежитъ ему и безъ этихъ обѣщаній; онъ ее подчинилъ себѣ, когда по ночамъ стоялъ у ея изголовья, „сіяя тихо, какъ звѣзда... похожъ на вечеръ ясный, ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!..“ Она вѣдь и просилась у отца въ монастырь потому только, что

„трепещетъ грудь, пылаютъ плечи,
Нѣтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,
Объятья жадно ищутъ встрѣчи“...

Она такъ создана, что роковымъ образомъ должна была сдѣлаться жертвою зажегшаго въ ней пламень похоти своего крылатаго Донъ-Жуана.

„Онъ жегъ ее; во мракѣ ночи
Предъ нею прямо онъ сверкалъ
Неотразимый, какъ кинжалъ“...

Все послѣдующее затѣмъ, какъ-то: смерть при первомъ поцѣлуѣ отъ яда, заключающагося въ его лобзаньѣ, довольно банальный бой между ангеломъ и демономъ въ пространствѣ эѳира за эту несомнѣнно согрѣшившую душу, спасенную только по тому—довольно также банальному—мотиву, что она страдала и любила, наконецъ, похороны ея въ заоблачной обители у подножія Казбека, которою любуется всякій проѣзжающій по военно-грузинской дорогѣ — всѣ эти аксессуары и декораціи великолѣпны, но весьма мало прибавляютъ къ содержанію произведенія.

Таковъ капитальнѣйшій поэтическій трудъ Лермонтова. Если его сопоставить съ „Каиномъ“ Байрона, то окажется, что между обоими произведеніями нѣтъ почти никакого сходства. И Байроновскій „Люциферъ“ и „Сатана“ Мильтона — не лица, а только олицетворенія идеи, того „Demon Thought“, того сомнѣнія пытливаго ума, которое и мучитъ человѣка, и возвышаетъ его, такъ что лучше, пользуясь имъ, мыслить и страдать, нежели блаженствовать съ неразумными существами. Демонъ Лермонтова едва ли не напрасно провозгла-

шаетъ себя царемъ познанія и свободы: онъ ничѣмъ не доказалъ своей мощи въ области мышленія, онъ гораздо сроднѣе Сатанѣ у de-Vigny:

„Sur l'homme j'ai fondé mon empire de flamme
Dans les désirs du coeur, dans les rêves de l'âme,
Dans les désirs du corps, attraits mystérieux,
Dans les trésors du sang, dans les regards des yeux".

(На человѣкѣ я основалъ свое господство ада: въ желаніяхъ сердца, въ мечтахъ души, въ желаніяхъ плотскихъ, во влеченіяхъ тайныхъ, въ крови, во взглядѣ глазъ).

Лермонтовъ безконечно превзошелъ своего французскаго предшественника, превосходнаго мыслителя, но посредственнаго художника и суховатаго живописца, силою выраженія страсти, блескомъ формы, стихомъ, волнующимъ и жгучимъ, въ которомъ на каждомъ шагу сказывается субъективное „я" поэта, свое собственное, но уже испытавшее на себѣ вліяніе Байрона и этимъ вліяніемъ отмѣченное, страдающее отъ неудовлетворимаго желанія и этою мукою гордящееся. Въ иномъ мѣстѣ, въ „Измаилъ-Беѣ", Лермонтовъ изобразилъ эту несокрушимость своего сопротивленія въ выраженіяхъ, которыя шли бы и къ самому „Демону":

„Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ...
Лишь дунетъ вихрь, и сломится лилея.
Таковъ съ душой кто слабою рожденъ,
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ.
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ обращаетъ въ пытку Прометея".

Въ Демонѣ Лермонтовымъ не только начерченъ собственный портретъ автора, но выраженъ чрезвычайно типически и его эротизмъ, стремительность и сила его любви. Подъ 11-мъ іюня 1832 г., Лермонтовъ писалъ о любви:

„Разстройство мозга иль видѣнье сна,
Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая! любить
Необходимо мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ!"

По его понятіямъ, любовь владычествуетъ всего сильнѣе въ сердцѣ разбитомъ. Поселите эту любовь въ сердце человѣка, презирающаго всѣхъ другихъ, въ сердце эгоиста, изстрадавшагося и озлобленнаго, доведите ее до максимума, то того, что она истощаетъ того, кѣмъ владѣетъ, и дѣлается смертоносною для другихъ — вы получите „Демона", произведеніе единственное, выходящее за предѣлы Байроновской поэзіи, въ высшей степени романтическое и поражающее своею смѣлостью, даже если его разсматривать, какъ одну изъ самыхъ крупныхъ волнъ этого порывистаго и слѣпого литературнаго движенія. Полъ-вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ была задумана поэма романтизмъ прошелъ и забытъ,

но этотъ цвѣтокъ романтизма, одинъ изъ самыхъ пышныхъ, сохранилъ донынѣ свой сильный и безподобный ароматъ.

IX.

Пройдемся по другимъ кавказскимъ поэмамъ эпическимъ Лермонмонтова, образующимъ цѣлую галерею, созданныхъ имъ образовъ и типовъ. Въ нихъ онъ больше чѣмъ въ „Демонѣ", ученикъ Байрона; порою превосходитъ учителя большею способностью изображать не только свои личныя эмоціи, но и весьма отличные отъ своего я, хорошо задуманные и жизнеспособные человѣческіе типы; представлятъ не только европейца, тяготящагося цивилизаціею и убѣгающаго на лоно природы къ дикарямъ, но и настоящихъ полудикихъ людей, съ ихъ несложными понятіями, съ ихъ страстными порывами, неудержимыми потому, что, по недостатку умственнаго образованія, эмоція превращается у нихъ въ желаніе, а желаніе безъ удержу и рефлексіи, мгновенно разряжается дѣломъ. И Байронъ былъ реалистъ въ томъ смыслѣ, что онъ поэтизировалъ не вымышленное, но дѣйствительно испытанное своею собственною душою. Лермонтовъ способенъ былъ заглядывать и въ чужія души, по крайней мѣрѣ въ души любимыхъ имъ кавказскихъ горцевъ, и разгадать ихъ организацію. Такіе типы, взятые съ натуры, какъ татарченокъ Азаматъ, продающій сестру за коня, или какъ Казбичъ, или какъ Бэла въ „Героѣ нашего времени" — родная сестра княжны Тамары въ „Демонѣ", и не могли бы зародиться въ фантазіи Байрона, слишкомъ субъективной. Привычка писать при помощи заготовляемыхъ клишэ, съ переносомъ изъ одной темы въ другую цѣлыхъ готовыхъ кусковъ, даетъ возможность установить хронологическій порядокъ въ произведеніяхъ Лермонтова, начиная съ юношескихъ. Первою въ ряду является поэма: „Каллы" или „Убійца" („Русская старина" 1882, № 12). Мулла открываетъ въ ней молодому кабардинцу Аджи, что вся семья его изведена Акъ-Булатомъ, послѣ чего беретъ съ Аджи клятву кровной мести. Аджи прокрался ночью въ саклю Акъ-Булата, перерѣзалъ горло ему и его сыну, но испыталъ страшную муку, когда ему пришлось убить и прекрасную дочь Акъ-Булата. Клятву свою Аджи исполнилъ, принесъ муллѣ отрѣзанную у убитой женщины косу, но тотъ же самый кинжалъ, совершившій тройное убійство, онъ вонзаетъ и въ грудь самого муллы. Въ этой повѣсти уже содержится въ зародышѣ другая а именно „Хаджи-Абрекъ". У дряхлаго старика-лезгина, потерявшаго семью, оставалась одна дочь—Леила, которую похитилъ у него Бей-Булатъ. Старый лезгинъ молитъ жителей своего родного аула:

„Кто знаетъ князя Бей Булата?
Кто привезетъ мнѣ дочь мою?"

Я,—сказалъ Хаджи Абрекъ, и вызвался онъ на этотъ подвигъ, не видавъ никогда Леилы, а только потому, что

у него есть свои личные счеты съ похитителемъ—убійцею его родного брата. Мститель Хаджи проникаетъ подъ видомъ странника въ саклю Бей-Булата во время отсутствія сего послѣдняго и принятъ гостепріимно Леилою, но она не соглашается бѣжать къ отцу, потому что счастлива, потому что нашла у Бей-Булата свой рай:

„Повѣрь мнѣ, счастье только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ“...

Хаджи, въ полномъ смыслѣ слова, Байроновскій герой и *„сынъ рока“*. Онъ спрашиваетъ у Леилы, знаетъ ли она, какое блаженство на землѣ второе

„Тому, кто все похоронилъ,
Чему онъ вѣрилъ, что любилъ...
Нѣтъ, за единый мщенья часъ,
Клянусь, я не взялъ бы вселенной“.

Хаджи отсѣкаетъ безжалостно голову у Леилы и, привезя въ свой родной аулъ, бросаетъ ее къ ногамъ отца. Годъ спустя найдены трупы двухъ вцѣпившихся другъ въ друга, въ предсмертныхъ судорогахъ, враговъ—Бей-Булата и Хаджи.

Рядомъ съ мотивомъ мести идетъ и мотивъ любви столь сильный, что она превращаетъ родныхъ братьевъ въ смертельныхъ враговъ: таковъ сюжетъ *Аула Бастунджи* („Русская Мысль“, № 2, 1883 г.). Были два брата; старшій, Акъ-Булатъ, вскормилъ и воспиталъ младшаго, Селима. Однажды онъ вернулся домой съ добычею, введя которую въ домъ, онъ сказалъ Селиму: люби ее—она моя жена. Селимъ не только полюбилъ, но и влюбился до безумія въ жену брата, Зару. Онъ молилъ брата: отдай мнѣ Зару, уступи! я буду твоимъ рабомъ... а если ты не хочешь, что медлить? я готовъ!—„Не размышляй—одинъ ударъ и мы спокойны оба“. Братъ отвѣчаетъ, что заблужденіе пройдетъ, какъ сонъ:

„Есть много звѣздъ—одна другой свѣтлѣй,
Красавицъ много безъ жены моей“.

Селимъ бѣжалъ, похитилъ Зару, убилъ ее за отчаянное сопротивленіе, послѣ чего сжегъ и самый родной аулъ Бастунджи.

Такая же смертоносная борьба между братьями, но только изъ-за честолюбія и политическихъ расчетовъ, на подкладкѣ войны черкесовъ съ русскими за свободу или за порабощеніе Кавказа, составляетъ содержаніе наиболѣе запутанной по замыслу повѣсти: „Измаилъ-Бей“, которую цѣнители Лермонтова ставятъ весьма высоко, но за которою я не могу признать приписываемыхъ ей качествъ и достоинствъ, потому что въ ней замѣтно полное отсутствіе единства идеи, и она переполнена заимствованіями. Покорившійся русскимъ князь Бей-Булатъ отдалъ младшаго сына на воспитаніе въ одинъ изъ русскихъ кадетскихъ корпусовъ. Измаилъ даже и христіанство принялъ, такъ что потомъ, когда его убили, земляки его съ ужасомъ узнали, что онъ гяуръ проклятый—по крестику, носимому имъ на груди.

Измаилъ получилъ образованіе, жилъ долго между русскими, соблазнилъ не одну русскую дѣву, но тоска по родинѣ одолѣла его и превозмогла всѣ другія чувства:

За кровлю сакли бѣлой,
За близкій топотъ табуна
Тогда онъ міръ отдалъ бы цѣлый.

Измаилъ задуманъ вполнѣ по шаблону Байроновскихъ героевъ:

На родину онъ сердце хладное принесъ...
Хладенъ блескъ его очей.
Чувства страсти,
Въ очахъ навѣки догорѣвъ,
Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
Глубоко въ сердцѣ; но ихъ власти
Оно никакъ не избѣжитъ.

Съ собою на родину онъ принесъ не любовь къ родинѣ, а одну лишь ненависть къ врагамъ; онъ даже не патріотъ:

Не за отчизну, за друзей онъ мстилъ,
И не родной аулъ—родныя скалы
Рѣшился онъ отъ русскихъ защищать.

Онъ сознаетъ, что на немъ тяготѣетъ нѣчто роковое:

„Мое дыханье радость губитъ,
Щадить мнѣ власти не дано“.

Родного аула Измаилъ не нашелъ, потому что, отступая передъ русскими, черкесы сожгли его, далеко уходя въ горы. На первомъ шагу въ родныхъ горахъ Измаилъ-Бей, въ которомъ очнулся духъ его природный, зарубивъ безъ нужды охотившагося за фазанами казака, нашелъ гостепріимство въ саклѣ разбойничьей лезгинской семьи. Дочь домохозяина, Зара, въ уста которой вложены слова Леилы изъ „Хаджи-Абрека“:

„По мнѣ отчизна—тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ“,

привязалась къ нему, бросила домъ, переодѣлась джигитомъ, и, какъ Гюльнара за Корсаромъ, послѣдовала за Измаиломъ къ родному его племени, которымъ управляетъ старшій братъ Росламбекъ. Между братьями возникаетъ соперничество. Росламбекъ завидуетъ удальству Измаила; онъ бы изводилъ русскихъ, но тайкомъ и измѣннически, храня видъ покорности, между тѣмъ какъ Измаилъ гнушается коварствомъ и хотѣлъ бы открытой войны. Въ повѣсть вставленъ ненужный эпизодъ, заимствованный изъ „The lady of the Lake“ („Дѣва озера“) Вальтеръ-Скотта (Яковъ V, шотландскій король, въ гостяхъ у Родрига Чернаго, главы Альпинова клана), заключающійся въ томъ, что заблудившійся въ горахъ кавказскій офицеръ, смертельный врагъ Измаила, соблазнившій его невѣсту, находитъ пристанище у Измаила, потому что сказалъ ему: „твоей я чести предаюсь“, и отпускается Измаиломъ цѣлъ и невредимъ. Война кончается для черкесовъ несчастно; братья раздѣлились, и оба разбиты. Измаила пора-

жаетъ измѣннически выстрѣломъ Росламбекъ. Зара погибла раньше Измаила, котораго никто не оплакиваетъ, которому не вырыли даже могилы, какъ отступнику.

Есть еще одна серія вырабатывавшихся одна изъ другой повѣстей Лермонтова: „Исповѣдь", „Бояринъ Орша", „Мцыри". Мотивъ ихъ первоначальный, чисто-романтическій, состоялъ въ изображеніи судьбы безроднаго человѣка, стоящаго на низшей ступени общественной и бунтующаго противъ своей участи. У Шекспира были излюбленныя лица— энергическіе бастарды; Гюго искалъ также своихъ героевъ между людьми отверженными и обиженными. Та же идея руководила и Лермонтовымъ, когда онъ искалъ еще своихъ предковъ въ Испаніи и изобразилъ (1830) въ „Исповѣди" какого-то насильно постриженнаго испанскаго монаха, судимаго монастырскимъ судомъ, который защищается тѣмъ, что „подъ одеждой власяной я человѣкъ, какъ и другой" („Русская Старина" 1887 г., № 10). Все существенное въ „Исповѣди" вошло, въ 1835 г., въ „Боярина Оршу", повѣсть якобы русскую, но въ которой нѣтъ ничего русскаго. Орша является феодальнымъ барономъ; монастырскій судъ надъ безроднымъ найденышемъ Арсеніемъ, бывшимъ послушникомъ въ монастырѣ, являющимъ подобіе Гришки Отрепьева въ „Борисѣ Годуновѣ" Пушкина, удивительно походитъ на трибуналъ испанской инквизиціи. Арсеній неизвѣстно какъ попалъ на дворъ Орши; въ то же время онъ состоитъ атаманомъ разбойничьей шайки. Бояринъ Орша засталъ разъ ночью свою любимую дочь въ объятіяхъ этого своего раба; онъ заперъ дочь въ ея свѣтлицѣ, ключъ отъ которой бросилъ въ волны Днѣпра, омывающаго стѣны его замка, а раба предалъ духовному суду. Недодѣланная поэма была потомъ въ этомъ состояніи брошена. Во время своей ссылки, въ 1837 году, на Кавказъ за стихи на смерть Пушкина, видоизмѣнился въ головѣ поэта первоначальный замыселъ произведенія и получилъ слѣдующую форму. При посѣщеніи живописнаго монастыря въ Мцхетѣ, гдѣ

„...шумятъ
Обнявшись, точно двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры",

Лермонтовъ узналъ отъ водившаго его по монастырю служки, что родомъ онъ черкесъ, что генералъ Ермоловъ взялъ его ребенкомъ въ развалинахъ добытаго штурмомъ аула, привезъ въ монастырь и оставилъ на воспитаніи у братіи. Юный горецъ пытался нѣсколько разъ бѣжать въ родныя скалы, поплатился за эти продѣлки страшною болѣзнью и только послѣ многихъ лѣтъ привыкъ къ монастырю. Разсказъ чернеца поразилъ поэта; онъ выкинулъ изъ поэмы мотивы дикихъ страстей, любви, мести, общественныхъ узъ и цѣпей, даже монахи на этотъ разъ превратились въ сердобольныхъ добряковъ. Поэма упрощена до-нельзя, до незатѣйливаго положенія, а именно, что волчонка, хотя и прирученнаго

наго, тянетъ сама природа въ лѣсъ, а льва—въ его пустыню: тамъ только можно дикарю на волѣ погулять, поспорить съ барсомъ въ ловкости, визжать неистово, какъ онъ, и задушить его въ своихъ объятіяхъ. Но волченокъ уже былъ на цѣпи, уже прирученъ и свыкся съ людьми (...мнѣ на родину слѣда не проложить никогда), вслѣдствіе чего онъ и умираетъ, потому что пламень, бывшій у него въ груди, не находя себѣ пищи, прожогъ свою тюрьму. Чувства поэта, истаго сына дикой природы, находятся въ полномъ созвучіи съ этою природою; въ этомъ отношеніи поэма „Мцыри" есть одинъ изъ прелестнѣйшихъ алмазовъ поэзіи не только русской, но и всемірной.

X.

Остаются еще неразобранными только два крупныя произведенія Лермонтова: романъ въ прозѣ: „Герой нашего времени", и драма: „Маскарадъ". Про романъ такъ много и такъ обстоятельно писано, что я позволю себѣ ограничиться теперь немногими словами. Первоначально предполагаемо было дать ему заглавіе: „Одинъ изъ героевъ нашего времени". Въ предисловіи ко второму (1841) изданію авторъ признаетъ, что онъ преподноситъ публикѣ ѣдкую истину, горькое лѣкарство, но отрекается отъ всякаго намѣренія исправлять людскіе пороки. Его произведеніе, такимъ образомъ, не сатира, не нравоученіе; тѣмъ менѣе можетъ быть оно разсматриваемо какъ идеалъ, указывающій современному человѣку, какимъ онъ долженъ быть, или какъ мечта автора о самомъ себѣ, какимъ онъ желалъ бы быть. Лермонтовъ утверждаетъ, что Печоринъ есть портретъ пороковъ всего его поколѣнія въ полномъ ихъ развитіи, указаніе болѣзни—и только: какъ ее лѣчить—знаетъ только Богъ. Оцѣнку своему произведенію авторъ далъ явно преувеличенную въ томъ отношеніи, что его книга не есть портретъ пороковъ всего извѣстнаго поколѣнія людей, не есть изображеніе, болѣзни вѣка; иными словами, она не есть изображеніе типа одержимаго этою болѣзнью современнаго автору человѣка. Для выполненія съ полной объективностью этой весьма возможной, хотя трудной задачи, мало одной острой наблюдательности, которою былъ несомнѣнно одаренъ Лермонтовъ, — необходимы еще продолжительныя упражненія надъ большимъ числомъ разнообразныхъ субъектовъ, а этого-то условія именно и недоставало. Лермонтовъ былъ такой „чужакъ" въ современномъ ему обществѣ, настолько увѣренъ, что весь этотъ свѣтъ, отъ мала до велика, сплошь состоитъ изъ однихъ либо глупцовъ, либо обманщиковъ и лицемѣровъ, что „самъ геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ былъ бы умереть или сойти съ ума",—что онъ и не изучалъ этого общества; что его умственнымъ глазамъ, по непривычкѣ, едва ли былъ доступенъ весьма сложный продуктъ исторіи—современный человѣкъ, съ ровною гладью его поверхности, съ затаенны-

ми страстями, съ преобладаніемъ и господствомъ въ немъ вниманія и рефлексіи, съ отсутствіемъ въ немъ той простоты и непосредственности, за которыми, гоняясь, Лермонтовъ бѣжалъ на Кавказъ и которыя любилъ онъ изображать въ дѣтяхъ природы—горцахъ. Аналитическая способность Лермонтова была отъ природы велика, но она главнымъ образомъ упражнялась только посредствомъ наблюденій надъ самимъ собою. По темпераменту Лермонтовъ весьма близокъ къ Байрону; онъ и вылѣпилъ себя по образцу героевъ Байрона, которые, какъ извѣстно, были портретами, снятыми Байрономъ съ самого себя.—Въ своихъ публичныхъ петербургскихъ лекціяхъ („Вѣстникъ Европы" 1887 г., № 11) Брандесъ называетъ Печорина совершеннѣйшимъ изъ типовъ, созданныхъ внѣ предѣловъ Англіи умственнымъ главенствомъ Байрона. Брандесъ удостовѣряетъ, что, прочитавъ 17-ти лѣтъ отъ роду эту книгу, онъ былъ до глубины души взволнованъ образомъ героя--печальнымъ, но привлекательнымъ по его простотѣ, мужеству, холодности и скептицизму. Не подлежитъ сомнѣнію, что Печоринъ безконечно сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе, нежели кипучій, но мягкій Онѣгинъ. Печоринъ есть первый экземпляръ непереводящагося до сихъ поръ рода людей изъ закаленной стали, большею частью пропадающихъ безцѣльно и безславно, по полному ихъ неумѣнію или нежеланію справляться съ мелкими будничными задачами обыкновенной, покойной жизни и порывающихся на нѣчто болѣе великое. Въ одномъ я несогласенъ съ Брандесомъ, а именно, что въ Печоринѣ начерченъ будто бы „меланхолическій и обольстительный идеалъ". Я также несогласенъ и съ Рейнгольдтомъ (Geschichte der russischen Literatur—Исторія русской литературы), будто Печоринъ есть только воплощеніе der ungestüm hohlen Elemente des russischen Byronismus (безгранично мрачныхъ элементовъ русскаго байронизма).Несмотря на озлобленную иронію и нѣсколько подкрашенную черноту героевъ Байрона, насъ поражаетъ могучая человѣчность этихъ якобы адскихъ типовъ, способность ихъ къ необычайно доблестнымъ дѣламъ. Эта-то человѣчность и дѣлаетъ произведенія Байрона привлекательными, несмотря на однообразіе сюжетовъ и задачъ. Устраните изъ произведеній Байрона эту человѣчность—останется только голый эгоизмъ, не поддающійся идеализаціи, но сильно располагающій къ анализу. „Герой нашего времени" и составляетъ опытъ такого безнадежнаго анализа психологическаго, доведеннаго до послѣднихъ предѣловъ, анатомическій препаратъ одного только сердца, одинъ изъ тѣхъ *documents humains* (человѣческихъ документовъ), о которыхъ хлопочетъ новѣйшій французскій натурализмъ. Авторъ вполнѣ сознаетъ, что его герой Печоринъ весьма дурной человѣкъ, но авторъ сознательно и ставитъ задачу, нисколько не художественную, а скорѣе научную: „исторія души, хотя бы и самой мелкой,—говоритъ онъ,—любопытнѣе и полезнѣе исто-

ріи цѣлаго народа, особенно, когда она плодъ наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою и когда писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе" (иными словами, безъ желанія порисоваться). „Я взвѣшиваю,—записалъ въ дневникѣ Печоринъ,—записываю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ слова, другой мыслитъ и судитъ его... Я никогда не дѣлался рабомъ любимой женщины, напротивъ — всегда пріобрѣталъ непобѣдимую власть, вовсе о томъ не стараясь. Надо признаться, что я и не люблю женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!.. Изъ горнила страстей я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни. Моя любовь никому не принесла счастія, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для того, кого любилъ; я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія, я только удовлетворялъ странную потребность сердца, поглощая съ жадностью чувства людей, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданія—и никогда не могъ насытиться. Другой, столь же печальный, психологическій этюдъ эгоиста изъ породы свѣтскихъ львовъ представляетъ драма: „Маскарадъ". Многочисленные враги, которыхъ нажилъ себѣ герой драмы, Арбенинъ, своимъ высокомѣріемъ и безсердечіемъ, заставляютъ его разыграть противъ воли роль Отелло по отношенію къ его безвинной женѣ, столь же недогадливой, какъ Дездемона. Онъ ее отравилъ, послѣ чего сошелъ съ ума. По методу безпощаднаго психологическаго анализа, авторъ „Героя нашего времени" и „Маскарада" выходитъ далеко за предѣлы круга Байроновскаго вліянія и главенства. Его бы слѣдовало изучать совмѣстно съ Бейлемъ (Стендалемъ). Заимствую изъ книги Faguet (Etudes littéraires sur le XIX siècle) слѣдующій отрывокъ, относительно котораго позволю себѣ спросить, не представляетъ ли онъ и Лермонтова: Chateaubriand a plus d'imagination que de sensibilité. Sa sensibilité est égoïste et son imagination expansive. Cette sensibilité n'a jamais pour objet que lui-même. Il est peu d'hommes qui ayent plus séduit et moins aimé. L'enchanteur a charmé le monde, et il n'a tenu au monde que par le gout qu'il avait de l'ensorceler (Въ Шатобріанѣ больше воображенія, чѣмъ чувства. Его чувство эгоистично, воображеніе экспансивно. Предметомъ его чувствительности является только онъ самъ. Существуетъ немного людей, которые плѣняли бы болѣе и менѣе любили. Онъ чаровалъ міръ, самъ же цѣнилъ его настолько, насколько послѣдній былъ ему нуженъ, какъ объектъ обольщенія). Разница, конечно, есть между двумя поэтическими темпераментами, но она всего болѣе въ томъ, что Шатобріанъ былъ наивный эгоистъ, не сознающій того, что онъ эгоистъ, и принимающій всѣ жертвы сердечныя, какъ законно слѣдуемую ему дань, не говоря даже спасибо а Лермонтовъ страдалъ, сознавая, что

онъ эгоистъ, но не могъ отъ этого органическаго недостатка никакимъ образомъ излѣчиться. Есть въ концѣ повѣсти Шатобріана „Атала“, одна вычурная по изысканности своей картина: „Сердце самое безмятежное на видъ похоже на естественный колодезь въ саваннѣ Алачуа: поверхность чиста и гладка, но загляните на дно бассейна—увидите тамъ большого крокодила, котораго питаетъ колодезь въ своихъ водахъ“. Этотъ отрывокъ извѣстенъ и въ русской литературѣ, потому что его заимствовалъ, не указавъ источника, Батюшковъ и помѣстилъ въ стихотвореніи 1810 г.: „Счастливецъ“:

„Сердце наше кладезь мрачный,
Тихъ, покоенъ сверху видъ,
Но спустись ко дну—ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ“.

(За этого крокодила и осмѣивалъ Батюшкова Воейковъ въ „Домѣ Сумасшедшихъ“.) Сентъ-Бевъ говоритъ (Chateaubrand et son groupe littéraire, 9 leçon), что этотъ крокодилъ помѣщался въ сердцѣ Шатобріана. О Лермонтовѣ можно сказать, что этотъ вполнѣ имъ сознаваемый крокодилъ всю жизнь и ужасалъ его, и мучилъ. Въ стихахъ: „Толпѣ“ (1831 г.) Лермонтовъ писалъ:

„Пускай возвышусь я надъ вами,
Но удалюсь ли отъ себя?“

Еще раньше, будучи 16-ти лѣтъ (1830 г.), онъ писалъ:

„Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ суетъ,
Но отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьѣ нѣтъ“.

Быть одинокимъ, не имѣть способности любить кого бы то ни было настоящею любовью, до самозабвенія, до самопожертвованія, гнушаться этимъ себялюбіемъ, бѣжать отъ самого себя и спасаться отъ этой тоски только посредствомъ творчества, въ процессѣ пѣснопѣнья, когда по словамъ его же: „Я о землѣ позабывалъ“,—такова была судьба Лермонтова, изъ чего слѣдуетъ, что онъ купилъ не дешево свой поэтическій вѣнецъ терновый, на который онъ горько жалуется (1841 г.: „вѣнецъ пѣвца—вѣнецъ терновый“), который не люди на него возложили, и которымъ онъ былъ обязанъ только особенностямъ своей психической организаціи. Извѣстно, какимъ образомъ Шатобріанъ избавился отъ мучившей его тоски. Однажды, послѣ постигшаго его (1798) семейнаго несчастія, онъ сообщаетъ: ma conviction est sortie du coeur: j'ai pleuré et j'ai cru (убѣжденіе мое вышло изъ глубины сердца: я плакалъ и вѣрилъ),—вслѣдствіе чего крокодилъ былъ обузданъ и явилъ изъ себя подобіе того послушнаго животнаго, которое несетъ на своей чешуѣ св. Теодора на извѣстной колоннѣ среди Піацетты въ Венеціи. Душевныя страданія Лермонтова не могли получить такого исхода либо потому, что религіозныя впечатлѣнія его въ дѣтствѣ были слабѣе и не могли съ такою же силою воскреснуть, либо по-

тому, что, проникнувшись насквозь и навсегда духомъ Байроновской поэзіи, Лермонтовъ усвоилъ себѣ міросозерцаніе Байрона, то-есть сдѣлался не то что атеистомъ (самъ Байронъ никогда атеистомъ не былъ и всю жизнь колебался между отвлеченнѣйшимъ деизмомъ и безвѣріемъ), но врагомъ всякаго положительнаго вѣроисповѣданія. Несмотря на это отсутствіе положительной вѣры, а вмѣстѣ съ нею и твердой точки опоры для убѣжденій, несмотря на свой мрачный и радикальнѣйшій пессимизмъ, поэзія Лермонтова не производила, однако, на современниковъ и не производитъ на потомство удручающаго впечатлѣнія и чувствъ отчаянія и безнадежности, которыхъ повидимому можно было бы отъ нея ожидать по ея отрицательному направленію. Напротивъ того, дѣйствіе ея было какъ будто бы противоположное: она воспламеняла энтузіастовъ, вселяла скорѣе бодрость, а не малодушіе; она заставила признать Лермонтова прямымъ наслѣдникомъ лиры Пушкина, первымъ въ Россіи поэтомъ, ранняя смерть котораго оплакиваема была какъ народное бѣдствіе. Какъ согласовать эти кажущіяся противорѣчія? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо разобрать еще одну - и уже послѣднюю—изъ взятыхъ въ совокупности стихій его поэзіи, а именно содержащійся въ ней элементъ метафизическій, обезпечивающій за нею прочное и могучее вліяніе, сообщающій ей чарующую прелесть.

Я употребилъ слово: метафизическій, а не мистическій, потому что склонности къ мистицизму у Лермонтова не было, но всѣми своими помышленіями онъ стремился къ сверхчувственному, къ недоступному для нашего ума, и больше жилъ въ этой угадываемой области, нежели въ мірѣ дѣйствительномъ. — Таинственное, непознаваемое есть вѣчный антагонистъ систематическаго, научнаго знанія, но и къ нему наука ежеминутно подходитъ, строя помосты изъ гипотезъ; искусство же и обойтись не можетъ безъ мысленнаго продолженія никогда невысказываемой вполнѣ въ произведеніи идеи его въ безконечномъ.—Постараюсь доказать нѣсколькими выдержками изъ произведеній Лермонтова, что складъ его ума былъ по преимуществу метафизическій; пользуюсь при этомъ мыслью, уже высказанною въ одномъ изъ литературныхъ кружковъ.

XI.

Беру поэтическую автобіографію поэта, его „11 іюня 1831 г.“:

„Моя душа, я помню, съ дѣтства
Чудеснаго искала; я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ,
И тѣ минуты были мукъ полны.
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями...

...Всѣ образы мои
Не походили на существъ земныхъ.
О, нѣтъ! все было адъ иль небо въ нихъ".

Въ этихъ стихахъ очерчены и организація, и процессъ дѣятельности ума, имѣющаго складъ метафизическій. Желанія этой души необъятны; они направлены къ *чудесному*, къ тому, чего никогда дать не можетъ земная жизнь, реальное бытіе. Ей кажется, что она достигаетъ подобія желаемаго состоянія въ рѣдкіе моменты наисильнѣйшей страсти (скажемъ точнѣе, принявъ въ соображеніе темпераментъ поэта—страсти эротической: онъ жить не могъ безъ любви, то есть безъ женскаго сердца, подчиняющагося ему). Страсть эта по самой интенсивности своей мучительна; моменты ея бываютъ коротки, оставляютъ послѣ себя ощущеніе горечи, но тѣмъ не менѣе воспоминаніями объ этихъ мгновеніяхъ населяется и скрашивается вся будничная дѣйствительность. Иными словами, мы имѣемъ передъ собою систематическаго мечтателя, похожаго на лунатика, ходящаго по улицамъ съ открытыми, но не зрящими глазами. Этотъ мечтатель относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ окружающимъ его людямъ и предметамъ и устраиваетъ для себя мысленно иной міръ, убранный во все то, что только авторъ отмѣтилъ въ природѣ, какъ наиболѣе подходящее къ состояніямъ его души, и населенный не настоящими людьми, въ которыхъ добро и зло смѣшаны, а существами воображаемыми, либо вполнѣ ангельскими, либо вполнѣ демоническими. Онъ до того замечтался, и умъ его до того расположенъ мыслить метафизически, становясь на внѣ-человѣческой метафизической точкѣ зрѣнія, что, въ концѣ концовъ, самъ не знаетъ, онъ ли это самъ мечтаетъ, или иное, сидящее въ немъ, „высшее существо". Вспомнимъ „Чашу жизни", чашу бытія съ золотыми краями... Умирая, мы убѣждаемся, что пуста была златая чаша, что въ ней напитокъ былъ *мечта*, и что она *не наша!* Отъ этого обычнаго у Лермонтова поэтическаго его лунатизма происходило и пренебреженіе къ людямъ, похожее на Байроновское, но въ сущности запечатлѣнное нѣсколько инымъ характеромъ. Люди ему противны не потому, что далеки отъ идеала человѣчества, какимъ оно должно было быть по понятіямъ Байрона: гордое, свободное, любящее. Люди досаждаютъ Лермонтову просто потому, что они—призраки:

Мелькаютъ образы бездушные людей,
Приличьемъ стянутыя маски... („1 ое января", 1840).

Эти призраки—говоритъ поэтъ—„спугиваютъ мечту мою—на праздникъ незванную гостью". За эту-то несознаваемую ими провинность поэту хотѣлось бы „дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью".—Тою же мечтательностью объясняется и шальное пренебреганіе жизнью, весьма характерное свойство Лермонтова, какъ человѣка, внушившее ему избитый потомъ отъ повторенія стихъ:

„Что страсти? вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій
[недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка,
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вни-
[маньемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!“ (1840 г.)

Это пренебреженіе жизнью, которую не ставитъ ни въ грошъ, замѣчательно еще и тѣмъ, что оно не дополняется вовсе видѣніями будущей жизни, расчетами на мзду за земное за гробомъ. Лермонтовъ потому-то именно и цѣнится тѣми, которые не имѣютъ счастія вѣрить, что онъ вовсе не мистикъ, а только мечтатель, что онъ не испытываетъ видѣній, а только какъ будто бы вспоминаетъ, что имѣлъ ихъ когда-то, въ какомъ-то волшебномъ снѣ. Какъ величайшій изъ мечтателей—философовъ — Платонъ, онъ убѣжденъ, что эти сны снились его неимѣющей ни начала, ни конца душѣ еще до его рожденія на землѣ. Всякому памятенъ стихъ:

„По небу полуночи ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ.
Онъ душу младую (имѣющую воплотиться) въ объ-
[ятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ...
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли“.

Его сердце тоскуетъ, потому что хранитъ въ себѣ

„Глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній,
И тѣни чувствъ, которыхъ нѣтъ“.

Есть слова и звуки, сами по себѣ неважные, которые напоминаютъ душѣ поэта о неземномъ, снящемся ему блаженствѣ:

„Есть слова—объяснить не могу я,
Отчего у нихъ власть надо мной;
Ихъ услышавъ, опять оживу я,
Но отъ нихъ не воскреснетъ другой“. (1830 г.)

Каждый такой звукъ, напоминающій далекую, неземную родину, походитъ на залетную птичку изъ рая съ ея дивною пѣснью подъ небомъ суровымъ и на сухой вѣткѣ. Въ этой заколдованной области мечтаній пышнымъ солнцемъ сіяетъ идея Бога самаго отвлеченнаго, какого только можетъ воображеніе себѣ представить, безъ опредѣленныхъ аттрибутовъ, за исключеніемъ того, что какъ демонъ Лермонтова являетъ собою олицетвореніе зла, и физическаго, и нравственнаго, такъ и Богъ его есть добро и природы, и души человѣческой. Можно бы подумать, что пантеистомъ былъ

тотъ, кто писалъ слѣдующіе стихи въ восторгѣ отъ цвѣтущей природы:

„Когда волнуется желтѣющая нива...
Тогда смиряется души моей тревога,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога" (1837 г.).

Но когда, обѣщаясь обратиться на тѣсный путь спасенія, поэтъ сознаетъ, что то *тайное*, что обѣщалъ намъ Богъ, могло бы быть постигнуто чрезъ мышленіе и годы, когда онъ извиняется, что міръ ему тѣсенъ:

„Къ Тебѣ—жъ проникнуть я боюсь,
И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ,
Я, Боже, не Тебѣ молюсь",

—то это обращеніе есть обращеніе къ Богу личному, въ котораго Лермонтовъ никогда вѣровать не переставалъ.

Въ связи съ метафизичностью Лермонтова слѣдуетъ изучать и его опредѣленіе поэта и пророка. Подобно Байрону, а можетъ быть и по его примѣру и внушенію, Лермонтовъ считалъ себя высшею натурою, перерастающею другихъ людей головою (Любимцы есть у ней (т.-е. у природы), какъ у царей другихъ, и тотъ, на комъ лежитъ ея печать, пускай не ропщетъ на свою судьбу.)...

„Причуда злой судьбы ихъ бытіе;
Чтобъ самовластье показать свое,
Она порой кидаетъ ихъ межъ нами,
Такъ древле въ море кинулъ царь алмазъ" (Из-
[маилъ-Бей).

Свое величіе Лермонтовъ основываетъ не на поэтическомъ дарованіи, а на своихъ страданіяхъ и на печати рока, то-есть на независимости его судьбы отъ воли. Онъ какъ казнь падалъ на головы не имъ обреченныхъ на погибель жертвъ, и совершалъ всегда эту казнь безъ злобы и безъ сожалѣнія („Герой наш. вр."). По своей необщительной натурѣ Лермонтовъ не постигалъ общественнаго значенія поэзіи; онъ догадывался, что поэзія должна имѣть власть надъ людьми, но, какъ истый романтикъ, онъ перенесъ ея владычество изъ прозаическаго изнѣженнаго XIX вѣка въ прошедшее, когда звукъ лиры „воспламенялъ бойца для битвы" и былъ толпѣ нуженъ, „какъ чаша для пировъ, какъ оиміамъ въ часы молитвы". Увлекать людей къ предпріятіямъ практическимъ можетъ только человѣкъ, любящій другихъ и имѣющій практическую смётку, а у Лермонтова недоставало этихъ качествъ. Въ приведенномъ нами „Поэтѣ" Лермонтовъ изображаетъ не себя, но поэта, какимъ онъ нѣкогда былъ и быть нынѣ не можетъ — предположеніе ошибочное, потому что функція поэзіи не измѣняется никогда, и она не теряетъ и нынѣ своего высокаго значенія. Въ послѣднемъ изъ своихъ стихотвореній — „Пророкъ", идеализируя не себя, но поэта, какимъ онъ долженъ быть, снабжая его всевѣдѣніемъ и способностью читать въ очахъ людей „страницы злобы и по-

рока“, между тѣмъ какъ самъ онъ ихъ не читалъ и, не читая, заранѣе ихъ во всѣхъ людяхъ предполагалъ, сдѣлавъ поэта провозглашателемъ „любви и правды чистыхъ ученій“, которыя онъ самъ и провозглашать никогда не могъ, по своей нелюдимости и отчужденности отъ свѣта, Лермонтовъ изобразилъ пророка съ самой непривлекательной стороны, со стороны его суровой неуживчивости:

„Смотрите, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ и блѣденъ,
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!“

Лермонтовъ не испыталъ на себѣ этихъ бросаемыхъ въ пророка каменьевъ. Онъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ удачниковъ, которыхъ вѣнчаютъ еще при жизни, и предъ которыми аристократическій міръ открылъ обязательно двери, ведущія въ богатые чертоги. Замѣчательно, что, рисуя не съ себя писанный идеалъ осмѣяннаго пророка-поэта, Лермонтовъ употребилъ для изображенія его черты, которыхъ ему самому недоставало, а не указалъ, напротивъ того, на тѣ, которыми онъ дорогъ намъ,—именно на гордое одиночество энергической души, выдѣляющей себя изъ толпы, и на увѣренность въ бытіи чего-то лучшаго, вѣстникомъ котораго онъ былъ въ тяжелыя времена.—Могильный сумракъ господствуетъ подъ сводами готическаго собора, и въ немъ было бы страшно, еслибы не прорѣзывался лучъ солнца сквозь цвѣтныя стекла оконъ, являющихъ въ этотъ сумракъ подобіе отверзтыхъ дверей рая. Среди глубокой тишины несется чуть слышное pianissimo органа, точно хоръ далекихъ ангельскихъ голосовъ. Позаимствую еще одно сравненіе у самого Лермонтова изъ раннихъ очерковъ „Демона“:

„Ужъ скрылась колесница дня.
Снѣга Кавказа на мгновенье,
Отливъ пурпурный сохраня,
Сіяютъ въ темномъ отдаленьѣ.
Но этотъ лучъ полуживой
Въ пустынѣ отблесковъ не встрѣтитъ,
И путь ничей онъ не освѣтитъ
Съ своей вершины ледяной“.

Онъ, конечно, ничего не освѣщалъ, но среди глубочайшаго мрака все-таки свидѣтельствовалъ о невидимомъ солнцѣ. Иногда этого пурпурнаго воспоминанія о невидимомъ достаточно для пріободренія живущихъ къ тому, чтобы они перенесли всю тягость ночи и дожили до слѣдующаго дня.

Этимъ я и заканчиваю характеристику одного изъ великановъ не только русской, но и европейской литературы, человѣка похожаго на Байрона болѣе по темпераменту, нежели по чертамъ лица, и развившагося подъ вліяніемъ Байрона, оставившимъ на немъ глубокіе, неизгладимые слѣды.—Оба они были люди высокой породы, оба принадлежали къ племени Прометея.

Лен. Гос. Университ.

Оглавленіе.

Лордъ Байронъ. Краткій біографическій очеркъ *Богдана Степанца* . . . III—VIII.

Байронизмъ Пушкина . . . . . 1—38.

Байронизмъ Лермонтова . . . . 39—88.

Изданіе Сѣверозападнаго Книгоиздательства

„Литературная Библіотека“.

№ 1. *В. Г. Бѣлинскій.* **Статьи о Державинѣ.** Съ приложеніемъ біографіи Державина, библіографическаго указателя литературы о Державинѣ и списка темъ по его сочиненіямъ.
Вильна 1911. ц. [redacted]

№ 2. *В. Г. Бѣлинскій.* **Статьи о Жуковскомъ.** Съ приложеніемъ біографіи Жуковскаго, библіографическаго указателя литературы о Жуковскомъ и списка темъ по его сочиненіямъ.
Вильна 1911. ц. [redacted]

№ 3. *В. Г. Бѣлинскій.* **Статьи о Лермонтовѣ.** Съ приложеніемъ біографіи Лермонтова, библіографическаго указателя литературы о Лермонтовѣ и списка темъ по его сочиненіямъ.
Вильна 1911. ц. [redacted]

№ 4. *В. Г. Бѣлинскій.* **Статьи о Кольцовѣ.** Съ приложеніемъ библіографическаго указателя литературы о Кольцовѣ и списка темъ по его сочиненіямъ.
Вильна 1911. ц. [redacted]

№ 5. *В. Д. Спасовичъ.* **Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова.** (Двѣ публичныя лекціи) съ приложеніемъ біографіи Лорда Байрона, составленной Богданомъ Степанцемъ.
Вильна 1911. ц.—[redacted]

EII 26311